

Восточный архив

№ 1 (31), 2015

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге
«Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____
Объем 12,0 п. л.
Отпечатано на оборудовании ИВ РАН
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2015

© Институт востоковедения РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Кадырбаев А.Ш. Россия на Каспийском море, в Персии и Средней Азии. 1857–1911 гг.	4
Почкаев Р.Ю. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв.	12
Лисицына Н.Н. Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г.	19
Дацышен В.Г. Рукописные работы российских востоковедов по истории Центральной и Восточной Азии в фондах Казанских архивохранилищ	23
Вах К.А. Основание российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов	29
Шаповалов М.С. Банки Палестины в начале XX века	34
Лавин П.А. Очерк национального законодательства для монголов в Китае во время династии Цин	39
Ян Чжэн. Советский дискурс в китайской прессе начала 1930-х гг.	48
Хохлов А.Н. Проблема союза Китая с Советской Россией в оценке Сун Цинлин в 1930-е – 1940-е гг.	55
Бухерт В.Г. «Нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые шаги в Цареграде...». Записка академика Ф.И. Успенского. 1915 г.	60
Валиахметова Г.Н. Материалы по нефтяной проблематике Ближнего Востока первой половины XX века в фондах Национальных архивов Великобритании	66
Локшин А.Е. О порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное место жительства в Еврейскую Автономную область	72
Беляков В.В. Дневник войны в Египте. Из архива русско-го эмигранта А.Л. Маркова	76
Жерлицына Н.А. СССР и Тунис: трудности взаимного восприятия на начальном этапе сотрудничества (1960-е годы)	82
Марахонова С.И. Последние годы японоведа С.Г. Елисеева в Париже (1957–1975)	87
Памяти коллеги и друга. М.В. Горелик	94
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 1 (31), 2015

CONTENTS

Editor's notes	3
Kadyrbaev, Alexander. Russia at the Caspian Sea, in Persia and in the Central Asia. 1857–1911	4
Pochekaev, Roman. On history of “buffer states” at the Russian frontiers: Aral domain and its role in relations between Russia and Khiva. XVIII–XIX centuries	12
Lysitsyna, Natalia. Censorship of the official publication of documents on demarcation of frontiers in Afghanistan in 1885	19
Datsyshen, Vladimir. Handwritten works of Russian orientalists on Central and Eastern Asia in Kazan archives	23
Vakh, Cyrill. Establishment of the Russian Consulate in Jerusalem in light of the newly found archive documents	29
Shapovalov, Mikhail. Banks in Palestine at the beginning of XX century	34
Lapin, Pavel. National legislation for Mongols in China in time of Tsyn Dynasty	39
Yan Chjen. Russian discourse in Chinese press at the beginning of 1930s	48
Khokhlov, Alexander. Sun Tsynlin on relations of China with the Soviet Russia during 1930s – 1940s ..	55
Bukhert, Vladimir. “We should weight very carefully our first steps in Constantinople”. A note of Academician Theodor Uspenskiy. 1915	60
Valiakhmetova, Gulnara. Documents on the Middle Eastern oil at the first half of XX century at the British National Archives	66
Lokshin, Alexander. On the rules of immigration to the Soviet Union by working Jews destined to the Jewish Autonomous Region	72
Belyakov, Vladimir. Diary of the war in Egypt. From archive of Russian emigrant Anatoliy Markov	76
Jerlitsyna, Natalia. The USSR and Tunis: difficulties of the beginning of cooperation in 1960s	82
Marakhonova, Svetlana. Last years of Russian orientalist Serge Elisseev in Paris (1957–1975)	87
Obituary. Dr. Mikhail Gorelik	94
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер журнала получился, пожалуй, самым разнообразным по тематике за последние годы. А всё потому, что наши авторы – и традиционные, и новые – руководствовались при написании статей старой истиной: краткость – сестра таланта. Объём практически всех материалов не превышает половины авторского листа, и это дало возможность опубликовать в номере больше статей, чем обычно. Хочется воскликнуть: так держать! Ведь чем разнообразнее тематика, тем интереснее редколлегии работать над номером, тем больше у журнала потенциальных читателей.

Половину опубликованных материалов представляют собой доклады участников проходившей с 12 по 14 ноября прошлого года в Институте востоковедения РАН III Международной научной конференции «Архивное востоковедение». Лично я как заместитель председателя оргкомитета доволен тем, как она прошла. Заявки на участие и тезисы докладов прислали 67 исследователей из 15 городов России, а также Азербайджана, Казахстана, Польши и Турции. Это больше, чем на двух предыдущих конференциях, состоявшихся в 2008 и 2011 годах. К открытию были изданы (впервые в виде сборника статей, с ISBN) тезисы докладов*. Ну, а сами доклады неизменно отличались актуальностью темы и солидной источниковой базой.

Больше всего материалов номера посвящено традиционной для нашего журнала теме «Россия и Восток». Это статьи А.Ш. Кадырбаева, Р.Ю. Почекаева, Н.Н. Лисицыной, К.А. Ваха, Н.А. Жерлицыной и ряда других авторов. Из этой группы материалов стоит выделить статью Ян Чжэна «Советский дискурс в китайской прессе начала 1930-х годов». Дело в том, что это первая статья, присланная в «Восточный архив» из Китайской Народной Республики. За годы существования журнала в нём печатались исследователи из Болгарии и Венгрии, Германии и Японии, Турции и Израиля, Туниса и Египта, не говоря уже о странах ближнего зарубежья. Теперь к этому списку добавился Китай. И это приятно, потому что подтверждает: «Восточный архив» востребован не только отечественными, но и зарубежными учёными.

Как обычно, в этот номер вошли и основанные на недавно обнаруженных архивных материалах статьи, и собственно публикации документов (материалы В.Г. Бухерта и А.Е. Локшина). Г.Н. Валиахметова сделала обзор фондов Национальных архивов Великобритании, посвящённых нефтяной проблематике Ближнего Востока первой половины XX века.

Не исчезает со страниц журнала и такая важная тема, как история российского востоковедения. Этому посвящены статьи В.Г. Дацышена и С.И. Марахоновой.

В эти дни отмечается 70-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. К сожалению, в редакционном портфеле не оказалось материалов, которые можно было бы посвятить этому юбилею. Но был материал, напоминающий о трагедии людей в годы войны. Это публикуемый мной дневник 1940–1942 годов жившего в прифронтовой Александрии русского эмигранта А.Л. Маркова. Смерть, разрушения, исковерканные судьбы – война и в Африке война.

В заключение, дорогие коллеги, поздравляю вас с очередным юбилеем Великой Победы! Как поётся в старой песне: «Пусть всегда будет солнце!»

В.В. Беляков

* III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Москва, 12–14 ноября 2014 г. Программа. Тезисы докладов. Список участников. М.: ИВ РАН, 2014. 144 с.

А.Ш. Кадырбаев

РОССИЯ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ, В ПЕРСИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ. 1857–1911 гг.

По материалам Российского государственного архива Военно-морского флота

После окончания Крымской войны и победы в более чем полувековой войне на Кавказе Российская империя, освободившись от тяжёлого бремени, связанного с этими изнурительными войнами, возобновила свою наступательную политику на каспийских и среднеазиатских рубежах. Но для этого требовалась серьёзная подготовка, поэтому в числе принятых решений было наращивание сил России на Каспийском море.

К числу мероприятий в этом направлении относится перевод рекрут из Отдельного Кавказского корпуса русской армии на службу в Каспийскую военную флотилию в октябре 1855 – марте 1856 г.¹ В составе Каспийской флотилии были сформированы три флотских экипажа, её командующий получил звание контр-адмирала. С 29 марта 1858 г. по 25 мая 1859 г. по приказу Морского ведомства вице-адмирал Н.Ф. Метлин проводил ревизию портов на Чёрном и Каспийском морях².

В русле этой политики принимались решения о постройке судов для Каспийской военной флотилии, датируемые 11 ноября 1868 – 3 апреля 1871 г.³.

С ноября 1859 по 31 октября 1860 г. главный командир Астраханского порта и Каспийской военной флотилии осуществлял проверку российских военно-морских баз и постов, тогда называемых морскими станциями, в частности, в территориальных водах и на побережье Персии. Он осмотрел Астрабадскую, Бакинскую и некоторые другие морские станции⁴. Российские власти обустроивали порты, улучшали условия пребывания своих военно-морских представителей на Каспии, осуществляли их ротацию. Так, Астраханскому порту вернули денежные средства, израсходованные в 1857 г. из его бюджета на устройство телеграфной ли-

нии от Астрахани до Каспийского моря⁵, а капитан 1 ранга А.И. Рудаков был смещён с должности начальника Астрабадской морской станции, его сменил капитан-лейтенант Майдель в 1862 г.

Главная ответственность за укрепление позиций Российской империи на каспийских рубежах была возложена на Морское ведомство. При этом в зоне пристального внимания российских властей были не только объекты на самом Каспии, но и «железные дороги от Персидского залива до Энзели»⁶, персидского порта на Каспийском море, т.е. обширная территория самой Персии. Предполагалась постройка винтовых пароходов для усиления Каспийской флотилии⁷, а в самой Астрахани барж для перевозки провизанта⁸.

Морское ведомство привлекало для освоения Каспия и российские деловые круги. Рассматривалось предложение частного торгового общества «Кавказ и Меркурий» об устройстве пароходного сообщения с Красноводском от 16 января 1870 г. – 31 мая 1872 г.⁹. Торговое общество «Кавказ и Меркурий» также содержало на Каспийском море пароход срочных сообщений, срок эксплуатации которого в 1883 г. был продлён ещё на 15 лет¹⁰.

Морское ведомство заботилось не только о материальном положении своих подчинённых – военных моряков Каспийской флотилии, но и обращало внимание на их духовное и интеллектуальное развитие. Так, в Астрахани в 1860 г. была открыта Каспийская морская библиотека¹¹. Оказывало Морское ведомство помощь и российским учёным, оказавшимся в Прикаспийском регионе. Об этом сообщают документы РГА ВМФ от 2 ноября 1868 – 16 августа 1871 г., касающиеся оказания содействия востокове-

ду Н.В. Ханыкову в «снятии им арабской надписи на Радканской башне» на Каспийском море¹².

Позднее, с 28 ноября 1873 по 20 февраля 1876 г., осуществлялись мероприятия по устройству Петровского порта на Каспийском море и улучшению управления им¹³. В Астрахань был командирован юрисконсульт Морского ведомства статский советник К.С. Варранд для изучения состояния и деятельности Каспийской военной флотилии и Астраханского порта. Результатом его ревизии стали дошедшие до нашего времени записки, отражающие реальную картину состояния вещей¹⁴.

Состояние портов, военно-морских станций, кораблей Каспийской военной флотилии, а также торговли и промыслов, строительство механических мастерских в Астрахани и Баку¹⁵, даже перевозка корреспонденции и денежных сумм из Энзели в Астрабад на побережье Персии¹⁶ находились под постоянным контролем российских властей, прежде всего Морского ведомства, регулярно проводившего проверки и инспекции. Это отражено в документах. Например, в докладной записке главного командира Астраханского порта от 14 декабря 1860 г. говорится о результатах его осмотра портов Каспийского моря и состава судов¹⁷. Несколько документов посвящены командированию директора Канцелярии Морского ведомства К.А. Манна в разные порты и его отчёту по обзору портов Каспийского моря от 4 июня 1869 – 26 февраля 1871 г.¹⁸ Морское ведомство рассмотрело записки советника Павлова-Сильванского о состоянии, развитии торговли и промыслов в Красноводском крае, о постройке судов для Каспийской флотилии от 11 ноября 1868 г. – 3 апреля 1871 г.¹⁹

Российские военные моряки выполняли не только боевые и административные, но и научно-исследовательские задачи, о чём свидетельствует назначение начальника Главного морского штаба Российской империи членом Азиатского комитета для «рассмотрения вопросов о племенах, обитающих на восточном берегу Каспийского моря»²⁰.

Укрепление позиций России на каспийских и среднеазиатских рубежах находилось в поле зрения первых лиц Российского государства. Об этом говорит поездка военноморского министра генерал-адмирала Константина Николаевича Романова, великого князя и брата императора Александра II, летом 1870 г. на Каспийское море для осмотра судов Каспийской флотилии и учреждений Морского ведомства, одной из целей которой было способствовать принятию мер к улучшению быта и питания служащих Астрабадской морской станции²¹. Предполагалось посещение Каспия коронованной особой – Александром II, императором Всероссийским, о чём свидетельствуют документы от 26 мая 1870 – 13 февраля 1871 г. «О расходах на поездку царя в порты Каспийского и Чёрного морей»²². Была представлена программа экспедиции, предпринимаемой великим князем Николаем Константиновичем Романовым в Среднюю Азию летом 1879 г.²³

Российское правительство в это время, с 21 декабря 1869 по 23 августа 1874 г., создало и задействовало специальный Комитет, учреждённый для рассмотрения вопросов, касавшихся политического и торгового значения Каспийского моря. Комитет также функционировал как совещательный орган по делам Закаспийского края²⁴.

Все описанные выше мероприятия российских властей, отражённые в документах РГА ВМФ, носили подготовительный характер к дальнейшему проникновению Российской империи не только на Каспийское море и его побережье, но и вглубь Персии и Средней Азии, с целью их включения в сферу влияния Российской империи. Но для этого, прежде всего, надо было обуздать прикаспийских «немирных» туркмен, пиратские набеги которых на русские торговые и военные суда, а также на персидские селения на побережье Каспийского моря не прекращались. Об этом говорится в целом ряде материалов РГА ВМФ. Например, о действиях экспедиции под начальством полковника Дандевиля против туркмен на восточном побережье Каспия с 29 апреля по 9 де-

кабря 1859 г.²⁵, о нападении 7 ноября 1864 г. отряда туркмен на российскую съёмочную партию, проводившую гидрографические работы на Атан-кале в Астрабадском заливе²⁶; о взаимоотношениях с туркменами и действиях Красноводского отряда (Каспийской военной флотилии. – *Авт.*) на восточном берегу Каспийского моря с 15 февраля по 15 декабря 1872 г.²⁷

Депеши, донесения, рапорты российских дипломатов и военных моряков – поверенного в делах в Тегеране, консула в Астрабаде и начальника Астрабадской морской станции – сообщают о нападениях туркмен на персидские и русские поселения, на суда около восточного берега Каспийского моря и о необходимости в связи с этим учреждения постоянного патрулирования военных кораблей или, как тогда говорилось, крейсёрства в районе острова Челекен²⁸.

В донесениях российскому правительству его поверенного в делах в столице Персии Тегеране и в рапортах начальника Астрабадской морской станции приводятся сведения о действиях Красноводского отряда против туркмен на восточном берегу Каспийского моря с 15 января по 6 мая 1873 г.²⁹ С целью защиты от набегов туркмен с 26 февраля по 18 сентября 1875 г. на территории Персии осуществлялась «постройка крепостных башен на полуострове Потёмкин» на Каспийском море³⁰.

Вместе с тем взаимоотношения с туркменами характеризовались не только конфронтацией. Российские власти оказывали содействие местному населению на побережье Каспия, иногда даже возмещая убытки от действий русских войск. Об этом говорят документы «О разрешении туркменам устроить склад нефти на острове Ашур-Аде на Каспийском море» от 22 марта 1868 г. и «О возмещении убытков туркменскому старшине Ниязову за сожжение Чикишлярского аула оренбургским отрядом» от 27 апреля и 29 октября 1860 г.³¹

Периодически проблемы российским властям создавали на Каспии и казахи из рода-племени адай, обитавшие на его северо-восточном берегу, на полуострове Мангыш-

лак. С 1847 г. их регулярные нападения на русские корабли прекратились, и в 1859 г. вновь была признана нецелесообразность посылки парохода «Астрабад» к северо-восточному побережью Каспийского моря, где обитали казахи-адаевцы, для патрулирования и охраны рыбных промыслов³². Тем не менее в 1870 г. казахи напали на форт Александровский и сожгли Тюб-Караганские маяки на Каспийском море. В том же году в апреле и мае адаевцы восставали против российских властей³³.

Позже протесты и требования казахов Прикаспия к российским властям выдвигались цивилизованным путём. В 1904 г. представители казахов из города Уральска отправили телеграмму председателю Комитета министров Российской империи – главе правительства России С.Ю. Витте с ходатайством о предоставлении казахам права избрания должностных лиц общественного управления без ограничений³⁴.

Активность российских военных сил на Каспийском море выражалась в содействии Каспийской флотилии занятию русскими войсками в 1869 г. Красноводского залива. С судов флотилии – парового шхота «Хивинец», парового баркаса «Скорый» и парохода «Наср-Эддин» производилась высадка десанта на побережье Красноводского залива³⁵. Во главе русского отряда был генерал Н.Г. Столетов. Итогом действий отряда Столетова стало распространение в 1865–1870 гг. контроля российских властей над восточным берегом Каспия. Тем самым был создан плацдарм для наступления вглубь Средней Азии, в закаспийские пустыни и оазисы, против ещё не покорных российской короне туркмен из рода-племени текинцев, с подчинением которых весь этот обширный регион стал частью Российской империи.

В военном походе 1880–1881 гг., получившем название Ахалтекинской экспедиции (приказ о его организации отдал лично император Александр II), приняли участие наиболее боеспособные воинские части Российской империи. Их возглавляли выдающиеся военачальники, такие, как генерал

М.Д. Скобелев – «доблестью Суворову равный», прошедшие горнило русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах, в Болгарии и Восточной Анатолии. Генералу Скобелеву Прикаспийский регион был знаком, ещё в 1869 г. он высаживался на берегу Красноводского залива в составе отряда Столетова³⁶.

Первый поход российских войск из Красноводска под началом генерала Н.П. Ломакина состоялся в 1879 г. В августе отряд потерпел поражение под крепостью Геок-Тепе от туркменских племён, которые возглавлял «всеми уважаемый за мужество и толковитость текинец Нурр-Верди-хан». Тогда русские войска отступили к Красноводску, потеряв 200 человек убитыми и 250 ранеными³⁷. Нурр-Верди-хан свои способности военачальника «доказал на деле – отбитием штурма Ломакина на Геок-Тепе...»³⁸.

Активное участие приняли в Ахалтекинской экспедиции, казалось бы, исключительно сухопутной войсковой операции в центре Азии, и российские военные моряки – в основном артиллеристы под командованием капитана 2 ранга С.О. Макарова, будущего знаменитого российского флотоводца. На личный состав Каспийской военной флотилии была возложена непростая задача снабжения воюющей в песках русской армии продовольствием, оружием и боеприпасами³⁹.

Ахалтекинской экспедиции предшествовала длительная подготовка, поскольку для успешного продвижения вглубь туркменских пустынь необходимо было для начала создать плацдармы. Ими стали прикаспийское побережье Туркмении с портом Красноводск, где базировался красноводский отряд Каспийской флотилии, и полуостров Мангышлак с фортами Петровский и Александровский, основным населением которого были казахи из племени адай. Для создания плацдармов российское правительство не останавливалось перед крайними мерами. Это наглядно показало подавление восстаний казахов-адаевцев в 1870 г., о чём упоминалось выше, когда для восстановле-

ния порядка была задействована Каспийская военная флотилия, на кораблях которой были переброшены на Мангышлак российские войска с Кавказа.

В определённой мере подавление восстания адаевцев можно назвать своего рода «репетицией» Ахалтекинского похода в боевых условиях пустыни. К этому времени всё восточное побережье Каспийского моря находилось под контролем российских властей. На Каспии по Туркманчайскому миру с Персией только Россия обладала правом иметь военные корабли. В своё время это сыграло важную роль в победе России в Кавказской войне, а затем и в успехе Ахалтекинской экспедиции⁴⁰. По приказу М.Д. Скобелева в 1880 г. были подготовлены промежуточные укрепления и склады от Красноводска до Геок-Тепе и обеспечен регулярный подвоз продовольствия и боеприпасов. По его инициативе началось строительство железной дороги от Красноводска вглубь Туркмении⁴¹.

На Каспийскую флотилию легли задачи патрулирования прибрежной зоны, переброска войск, проведение рекогносцировочных работ. В 1881–1885 гг. была вновь осуществлена реорганизация российских «Морских сил на Каспийском море»⁴².

Политика на каспийском и среднеазиатском направлениях требовала концентрации усилий всех ведомств Российской империи, прежде всего силовых, поскольку только возможностей Каспийской флотилии и даже Морского ведомства в целом было явно недостаточно. Для поддержки данной политики российское правительство приняло в 1861 г. решение о передаче Астраханского казачьего войска – иррегулярных, но достаточно мобильных военных сил – из подчинения Астраханского генерал-губернатора под начало военного министра⁴³. А документ от 14 ноября – 12 декабря 1863 г. «О сообщении Военному министерству сведений о составе в Каспийской флотилии грузоподъёмных судов, времени переходов между портами, расходе и стоимости топлива»⁴⁴ свидетельствует о координации усилий на каспийском направлении самых могуще-

ственных тогда в России силовых структур – Военного и Морского министерств.

Подтверждением их тесного сотрудничества являются экспедиции, организованные этими ведомствами для исследования и освоения Аральского моря, согласно сообщению капитан-лейтенанта П.П. Эрдели об «Аральской военной флотилии и её составе»⁴⁵, а также их совместная работа по подъёму в 1882 г. затонувшего годом ранее в районе форта Перовского на Аральском море парохода «Самарканд»⁴⁶.

Морское ведомство привлекало к сотрудничеству и другие государственные учреждения, например, таможню. В документе о событиях, произошедших на Каспии с 5 декабря 1873 по 3 апреля 1874 г., сообщается о передаче парохода «Бурлак» из Каспийской флотилии в ведомство Астраханской таможни⁴⁷.

Предотвращение пиратских нападений туркмен являлось важным аспектом в русско-персидских отношениях. Эти отношения успешно развивались, о чём свидетельствуют документы РГА ВМФ. Так, был открыт «сверхсметный кредит для главного командира Астраханского порта на расходы в связи с посещением персидским шахом кораблей Каспийской военной флотилии» в 1866 г.⁴⁸ За счёт российской казны в 1863 г. был арендован у торгового общества «Кавказ и Меркурий» пароход для отправки из Баку в Энзели Мирзы Гафар-хана, посланника персидского шаха⁴⁹.

Отношения между Россией и Персией знали и периоды охлаждения, что также нашло отражение в материалах РГА ВМФ. В 1859 г. в Астрахани российское правительство запретило продажу частными лицами судов персидским подданным⁵⁰, а в 1869 г. было запрещено русским судам посещать персидские порты на Каспийском море⁵¹. В 1883 г. зафиксирована жалоба персидского посланника на начальника Астрабадской морской станции⁵². Но не всё было так однозначно. В 1870 г. сообщалось об отправке Морским ведомством двух катеров и баркаса в распоряжение персидского шаха во время его пребывания в городе Решт на персид-

ском побережье Каспия и в Энзелийском заливе⁵³, а в 1873 г. – о принятии мер к организации и подготовке судов для плавания персидского шаха по Каспийскому морю и далее в Санкт-Петербург, столицу Российской империи⁵⁴. Во время визита генерала-адмирала К.Н. Романова, находившегося в 1871 г. у каспийского побережья Персии, он наградил ряд официальных лиц из числа персидской свиты, сопровождавшей его во время этого путешествия⁵⁵.

Но влияние России в Персии не ограничивалось её землями, прилежавшими к Каспийскому морю, а распространялось на более обширные пространства, включая и столицу этой страны – Тегеран. Об этом сообщает документ 1911 г. «Записка о значении Персидской казачьей бригады и меры по улучшению её материального положения»⁵⁶. К сказанному остаётся добавить, что эта воинская часть, созданная и обученная российскими казачьими офицерами, командирами этой бригады, была основной военной опорой правителя страны – персидского шаха, своего рода гвардией и самой боеспособной единицей в персидской армии.

Интересно отметить, что на просторы Каспийского моря пытались прорваться представители деловых кругов стран Западной Европы, что пресекалось российскими властями, доминировавшими на Каспии. Так, в 1877 г. была отклонена просьба подданных Шведского королевства братьев Нобель иметь собственные суда на Каспийском море для перевозки нефти и других материалов⁵⁷. Но при этом российские власти не препятствовали транзиту европейских и персидских товаров через Каспий и Кавказ, а также Персию и Россию в Закавказье и Среднюю Азию. Об этом говорится в сообщениях российских дипломатов в Персии и начальника Астрабадской морской станции⁵⁸.

Вторая половина XIX и начало XX в. были временем господства Российской империи на Каспии, поскольку с начала XIX в. Персия, потерпев поражения в русско-персидских войнах, утратила право иметь там военно-морские силы. Она была вынуждена

всецело уповать на российский военный флот для отражения набегов туркменских пиратов и постепенно утрачивала суверенитет, что привело страну в состояние полуколонии Российской и Британской империй. Сферой российского влияния стала северная часть страны вместе с её столицей Тегераном, а британского – южная, прилегавшая к Персидскому заливу. Что касается казахов и туркмен Прикаспия, причём не только этого региона, но и закаспийских пустынь и оазисов Средней Азии до Мерва (Мары. – *Авт.*) и Хивы вместе с Казахской степью от гор Алтая и Тянь-Шаня до междуречья Волги и Урала, то все они стали подданными Российской империи в течение второй половины XIX в.

Завоевание Средней Азии во многом, если не в основном, было обусловлено укреплением позиций Российской империи на каспийских рубежах и в Персии, где была заметна, прежде всего, роль Морского ведомства, в частности, Каспийской военной флотилии. Для освещения истории стран и народов Прикаспийского региона – России, Персии, туркмен и казахов в этот период непреходящее значение имеют материалы Российского государственного архива Военно-морского флота, что автор и пытался показать в этой статье.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Т. 1. № пп. 1304. О переводе рекрут из Отдельного Кавказского корпуса в Каспийскую флотилию. 2 июля 1856 – 21 июня 1858 г.

² Там же. № пп. 1562. О ревизии вице-адмиралом Н.Ф. Метлиным портов Чёрного и Каспийского морей... 29 марта 1858 – 25 мая 1859 г.

³ Там же. Т. 2. № пп. 1456. О постройке судов для Каспийской флотилии. 11 ноября 1868 – 3 апреля 1871 г.

⁴ Там же. Т. 1. № пп. 1717. О проверке главным командиром Астраханского порта и Каспийской флотилии Астрабадской и Бакинской морских станций и прибрежных пунктов Кас-

пийского моря. 8 ноября 1859 – 31 октября 1860 г.

⁵ Там же. № пп. 1829. О возвращении Астраханскому порту денежной суммы, израсходованной в 1857 г. на устройство телеграфной линии от Астрахани до Каспийского моря.

⁶ Там же. Т. 2. № 3946. О... рассмотрении предложений... устройства наблюдательных пунктов на маяках Каспийского моря, железной дороги от Персидского залива до Энзели... 28 ноября 1867 г. – 26 апреля 1879 г.

⁷ Там же. Т. 1. № 1101. О предполагаемой постройке винтовых пароходов для Каспийской флотилии. 20 октября 1855 – 21 марта 1856 г.

⁸ Там же. № 1753. О постройке в Астрахани барж для перевозки провианта на Кавказ. 20 августа 1859 – 22 февраля 1860 г.

⁹ Там же. Т. 2. № 3133. О рассмотрении предложения общества «Кавказ и Меркурий» об устройстве пароходного сообщения с Красноводском. 16 января 1870 – 31 мая 1872 г.

¹⁰ Там же. № 3829. О продлении на 15 лет содержания обществом «Кавказ и Меркурий» срочных пароходных сообщений на Каспийском море. 5 февраля 1883 – 13 июня 1884 г.

¹¹ Там же. № 2335. Об учреждении в Астрахани Каспийской морской библиотеки. 13 января – 3 февраля 1860 г.

¹² Там же. № 3016. Об оказании содействия востоковеду Н.В. Ханыкову в снятии им арабской надписи на Радканской башне (Каспийское море). 2 ноября 1868 – 16 августа 1871 г.

¹³ Там же. № 2096. Об устройстве управления Петровским портом на Каспийском море. 28 ноября 1873 – 20 февраля 1876; № пп. 3479. О заключении на правила о стоянке судов в гавани Петровского порта и инструкции капитану над портом. 9 декабря 1875 – 7 февраля 1876 г.

¹⁴ Там же. № 1385. Предписания юрисконсульту Морского ведомства старшему советнику К.С. Варранду, командированному в Астрахань, и его записки о состоянии и деятельности Каспийской флотилии и Астраханского порта.

¹⁵ Там же. Т. 1. № 1057. О постройке механических мастерских в Астрахани и Баку. 30 июня – 30 мая 1859 г.

¹⁶ Там же. № 681. Об ассигновании дополнительных средств на постройку лазарета на о. Ашур-Адэ (Каспийское море). 24 апреля 1852 г. – 20 сентября 1858 г.; № 1304. О перевозке корреспонденции и денежных сумм из Энзели в Астрабад. 14 июня – 16 июля 1856 г.

¹⁷ Там же. Т. 2. № 2454. Докладная записка главного командира Астраханского порта о результатах осмотра портов Каспийского моря и судовом составе флотилии. 14 декабря 1860 г. Л. 117–131.

¹⁸ Там же. № 3076. О командировании директора Канцелярии К.А. Манна в разные порты и сообщении им сведений о состоянии и нуждах портов и отчёта по обзору портов Каспийского моря. 4 июня 1869 г. – 26 февраля 1871 г.

¹⁹ Там же. № 3225. О рассмотрении записки надворного советника Павлова-Сильванского о состоянии, развитии торговли и промыслов в Красноводском крае. 17 июня – 16 июля 1871 г.; т. 3. № 4456. О постройке судов для Каспийской флотилии. 11 ноября 1868 г. – 3 апреля 1871 г.

²⁰ Там же. Фонд канцелярии Морского министерства. Ф. 410. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 1–12. О назначении начальника Главного морского штаба членом в Азиатский департамент для рассмотрения вопросов о племенах, обитающих на восточном берегу Каспийского моря.

²¹ Там же. Оп. 2. Т. 2. № 3151. О поездке генерал-адмирала летом 1870 г. на Каспийское море, осмотре судов Каспийской флотилии и учреждений Морского ведомства; принятии мер к улучшению быта и питания служащих Астрабадской морской станции. 3 апреля 1870 г. – 26 апреля 1871 г.

²² Там же. Фонд канцелярии Морского министерства. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 8359. Л. 52, 32. Май 1870 г.

²³ Там же. Т. 2. № 3628. Программа экспедиции, предпринимаемой великим князем Николаем Константиновичем в Среднюю Азию летом 1879 г.

²⁴ Там же. № 3117. О деятельности Комитета, учреждённого для рассмотрения вопросов, касающихся политического и торгового значения Каспийского моря и совещания по делам Закаспийского края. 21 декабря 1869 г. – 31 мая 1872 г.

²⁵ Там же. Т. 1. № 1719. О действиях экспедиции под начальством полковника Дандевилля против туркмен на восточном побережье Каспийского моря. 29 апреля – 9 декабря 1859 г.

²⁶ Там же. Фонд «Всепопданнейшие отчёты по флоту и Морскому ведомству». Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1–51. О нападении 7 ноября 1864 г. отряда туркмен на съёмочную партию, проводившую гидрографические работы на Атан-кале в Астрабадском заливе.

²⁷ Там же. Т. 2. № 3286. О взаимоотношениях с туркменами и действиях Красноводского отряда на восточном берегу Каспийского моря (часть документов на французском языке). 15 февраля – 15 декабря 1872 г.

²⁸ Там же. № 3062 (часть документов на французском языке). 15 марта 1869 г. – 31 декабря 1871 г.

²⁹ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Т. 2. № 3340. Канцелярия морского министерства. 1836–1918 гг.

³⁰ Там же. Т. 2. № 3442. Донесения... о постройке крепостных башен на полуострове Потёмкин (Каспийское море). 26 февраля – 18 сентября 1875 г.

³¹ Там же. № 2382. О возмещении убытков туркменскому старшине Ниязову за сожжение Чикишлярского аула оренбургским отрядом. 27 апреля – 29 октября 1860 г.

³² Там же. Ф. 410. Оп. 2. Т. 1. № 1744. О целесообразности посылки парохода «Астрабад» к северо-восточному побережью Каспийского моря для охраны рыбных промыслов. 7 августа – 24 октября 1859 г.

³³ Там же. № 3154. О нападении киргизов на форт Александровский и сожжении Тюб-Караганских маяков (Каспийское море). 10–21 апреля 1870 г.

³⁴ Там же. Фонд Алексева Е.И. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 1–112.

³⁵ Там же. Фонд «Всепопданнейшие отчёты по флоту и Морскому ведомству». Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 33. Об участии паровой шхуны «Хивинец» в занятии Красноводского залива; об участии парового баркаса «Скорый» в занятии Красноводского залива; об участии парохода «Наср-Эддин» в занятии Красноводского залива. 1869 г.

³⁶ Там же. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 36. О содействии судов Каспийской флотилии занятию Красноводского залива.

³⁷ См.: Гундогдыев О. Туркменистан глазами европейских авторов XIX – начала XX в. Хрестоматийный сборник. Ашгабат. 2008. С. 29–31.

³⁸ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Русская Средняя Азия. СПб, 1885. Т. X. С. 11, 16.

³⁹ РГА ВМФ. Фонд адмирала Дубасова Ф.В. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1057. Участие моряков в Ахалтекинской экспедиции. 1880–1881 гг. (статья неизвестного автора). Л. 1–19.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб, 1883. Т. 1. С. 7.

⁴² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Т. 2. № 4113. О состоянии, деятельности и реорганизации морских сил на Каспийском море. 8 октября 1881 г. – 23 ноября 1885 г.

⁴³ Там же. Т. 2. № 2942. О передаче Астраханского казачьего войска из ведомства военного губернатора г. Астрахани в подчинение военного министра. 26 августа – 12 декабря 1861 г.

⁴⁴ Там же. № 2665. О сообщении Военному министерству сведений о составе в Каспийской флотилии грузоподъемных судов, времени переходов между портами, расходе и стоимости топлива. 14 декабря – 12 декабря 1863 г.

⁴⁵ Там же. Т. 1. № 1495. Справка об экспедициях морского и военного ведомств к Аральскому морю, записка капитан-лейтенанта Эрдели об Аральской флотилии и сведения о её составе. 29 октября – 6 ноября 1857 г.

⁴⁶ Там же. № 2257. Отчёт штаба ТуркВО о работах по подъёму затонувшего в 1881 г. в районе форта Перовский (Аральское море) парохода «Самарканд». 3 марта – августа 1882 г.

⁴⁷ Там же. Фонд Канцелярии Морского министерства. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 4702. Л. 20. О передаче парохода «Бурлак» в ведение Астраханской таможни. 5 декабря 1873 г. – 3 апреля 1874 г.

⁴⁸ Там же. Т. 2. № 2845. О посещении персидским шахом судов Каспийской флотилии. 1 февраля 1866 г. – 10 января 1868 г.

⁴⁹ Там же. Т. 1. № 1877. О принятии за счёт казны расходов по аренде у общества «Кавказ и Меркурий» парохода для отправки из Баку в Энзели посланника шаха Ирана Мирзы Гафар хана. 20 января – 30 марта 1863 г.

⁵⁰ Там же. № 1720. О запрещении продажи в Астрахани частными лицами судов персидским подданным. 18–25 мая 1859 г.

⁵¹ Там же. Т. 2. № 3052. Письмо государственного канцлера о запрещении входа русских судов в персидские порты Каспийского моря (на франц. яз.). 8 февраля 1869 г.

⁵² Там же. № 3811. О рассмотрении жалобы персидского посланника на начальника Астрабадской морской станции. 10 января – 30 апреля 1883 г.

⁵³ Там же. № nn. 3128. Об отправке двух катеров и баркаса Морского ведомства в распоряжение персидского шаха в период пребывания его в Реште и Энзелийском заливе. 7 января – 23 марта 1870 г.

⁵⁴ Там же. Т. 2. № 3338. О принятии мер к организации и подготовке судов для плавания персидского шаха по Каспийскому морю и в Петербург. 9 января – 2 марта 1873 г.

⁵⁵ Там же. № 3151. О поездке генерал-адмирала летом 1870 г. на Каспийское море. О награждении лиц персидской администрации, сопровождавших генерал-адмирала во время плавания вдоль персидских берегов. 3 апреля 1870 г. – 26 апреля 1871 г.

⁵⁶ Там же. Фонд Генмор. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3911. Л. 1–12. Записка о значении Персидской казачьей бригады и мерах по улучшению её материального положения.

⁵⁷ Там же. № 3535. Об отклонении просьбы шведских подданных братьев Нобель иметь собственные суда на Каспийском море для перевозки нефти и других материалов. 3 февраля – 16 мая 1877 г.

⁵⁸ Там же. № 3342. Донесения русских дипломатических представителей и начальника Астрабадской морской станции о товарах, привозимых транзитом через Россию и Персию в Закавказье и Среднюю Азию. 19 января – 25 июня 1873 г.

Р.Ю. Почекаев

К ИСТОРИИ «БУФЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ» НА ГРАНИЦАХ РОССИИ: АРАЛЬСКОЕ ВЛАДЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В РУССКО-ХИВИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVIII–XIX ВВ.*

Продвижение Российской империи в Среднюю Азию не всегда проходило в форме военных походов, захватов различных среднеазиатских регионов и присоединения их к имперским владениям. В определённых условиях более целесообразным представлялось создание на границе владений России и того или иного среднеазиатского государства особых «буферных» территорий (в форме самостоятельных государств или полуавтономных государствовподобных образований). Поддерживая их, Российская империя получала возможность влиять на политику соответствующего среднеазиатского ханства и, соответственно, более эффективно выстраивать с ним дипломатические отношения, закрепляя своё влияние в регионе. Одним из таких образований стало Аральское (Кунградское) владение, которое ещё в начале XVIII в. привлекло интерес российских властей на предмет использования его в выстраивании отношений с Хивинским ханством, а в XIX в. уже широко использовалось российскими властями для укрепления своего влияния в Приаралье.

В данной статье исследуются позиция российских властей по отношению к Аральскому владению и конкретные примеры использования его для воздействия на Хивинское ханство. Основными источниками являются свидетельства участников политических событий в Средней Азии XVIII–XIX вв. – российских дипломатов, исследо-

вателей, представителей имперской пограничной администрации. Насколько известно, специальных исследований, посвящённых Аральскому владению и, тем более, его взаимосвязям с Россией, практически не проводилось¹.

Аральское владение, иногда именуемое также Кунградским (поскольку административным центром его являлся город Кунград), располагалось в устье реки Амударья и фактически служило воротами в Хивинское ханство водным путём – вплоть до Ургенча и самой Хивы². Именно поэтому оно имело стратегическое значение для самого ханства и, соответственно, привлекало внимание Российской империи.

В политическом отношении Аральское владение представляло собой уникальное образование. В Хивинском ханстве, как и во всех тюрко-монгольских государствах, возникших после распада Монгольской империи, борьба за власть проходила, как правило, между аристократическими кланами, возглавлявшими те или иные племена узбекского и туркменского происхождения, т.е. на основе клановой принадлежности. Кунград же не являлся исключительным владением какого-либо племени: в нём собирались представители узбекского, туркменского, казахского и каракалпакского населения, которых объединяло лишь одно – оппозиция по отношению к хану, правившему в это время в Хиве.

Уже в начале XVII в. его население предоставляло убежище тем членам ханского рода, которые боролись за власть в Хиве, поддерживало их авантюры. Так, около 1605 г. они поддержали выступление претендента на трон Салих-султана, потомка Хасан-Кули-хана (ветвь которого оказалась отстранена от трона ещё в первой половине XVI в.) в его борьбе против хивинского хана

* Публикация подготовлена в рамках подержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00322. Статья представляет собой расширенную версию доклада, представленного на Шестой Всероссийской научной конференции «Архивы и история Российской государственности» (Санкт-Петербург, 20–22 ноября 2014 г.), текст доклада ранее не публиковался.

Араб-Мухаммада (1602–1621)³. В дальнейшем именно отсюда начинали борьбу за трон и другие представители хивинского ханского рода Арабшахидов – Шах-Тимур-хан в 1720–1730-е гг., Тимур-Гази в середине 1750-х гг., его брат Артук-Гази в начале 1770-х гг.⁴

Кунград оставался центром сопротивления центральным хивинским властям и на рубеже XVIII–XIX вв., причём эту особенность политической ориентации местного населения старались использовать в своих интересах и противоборствующие кланы Хивинского ханства. Так, когда в самом конце XVIII в. узбекский клан кунгратов, в течение трёх предыдущих десятилетий фактически управлявший ханством, был свергнут соперничавшим с ним туркменским кланом йомудов, именно из Приаралья (вероятно, неслучайно совпадали названия города Кунград и узбекского племени⁵!) кунгратский предводитель Ильтузар двинулся на Хорезм и, в конечном счёте, разгромил йомудов⁶.

Неудивительно, что хивинские правители (как ханы, так и временщики) неоднократно старались покорить Аральское владение, совершая против него военные походы и назначая в качестве местных правителей своих преданных сторонников. Так поступали и йомуды в середине XVIII в., и кунграты в начале 1810-х гг., а затем и во второй половине 1850-х гг. Местное население под натиском превосходящих сил центральных властей ханства покорялось, но некоторое время спустя вновь становилось в оппозицию к Хиве. И это в полной мере старались учитывать российские власти, справедливо считая, что этот беспокойный регион может как оказаться полезным для закрепления собственного влияния Российской империи в Приаралье, так и послужить важным средством дипломатического воздействия на хивинских ханов.

Впервые интерес к Аральскому владению как относительно самостоятельному региону в рамках Хивинского ханства появился у российских политиков и дипломатов ещё в эпоху правления Петра I. Российский

посланник Ф. Беневени, отправленный в 1718 г. в Персию и Бухару, отмечал в своих реляциях от 1722 г., что аральцы поддерживали претензии на престол Темир-султана (вышеупомянутого Шах-Тимур-хана), который при поддержке местного населения начал постепенно устанавливать контроль над соседними областями ханства. Примечательно, что посланник сообщал эти известия не просто как информацию о текущей политической ситуации, но и с вполне конкретными предложениями – использовать распри Аральского владения и Хивы на предмет возможного военного вторжения в ханство, чтобы «реванш над хивинцами учинить»⁷, т.е. отомстить за коварное истребление отряда А. Бековича-Черкасского в 1717 г.

Тогда план Ф. Беневени не был приведён в исполнение, однако всего несколькими годами позже Аральское владение вновь привлекло внимание российских властей, причём на этот раз – уже в связи с участием в политических событиях и самих русских. В одной из работ Г.Ф. Миллера содержится уникальное сообщение об обстоятельствах свержения и убийства хивинского хана Ширгази (1715–1728) – виновника гибели А. Бековича-Черкасского. В 1728 г. несколько тысяч рабов (среди которых было и около восьмисот пленников, оставшихся от отряда Бековича-Черкасского) подняли в Хиве восстание и отправили послание к «Аральскому хану», т.е. Шах-Тимур-султану, чтобы он помог им в борьбе с Ширгази. Претендент на трон поспешил к Хиве, однако, не дойдя до столицы, узнал, что хотя хан и убит, но восстание подавлено, и был вынужден вернуться обратно, уступив столицу другому приглашённому хану⁸.

Затем в течение длительного времени власти Российской империи никак не могли использовать в своих интересах сведения об Аральском владении и особенностях его взаимоотношений с Хивой: их отвлекли другие проблемы, да и дипломатические отношения с Хивинским ханством фактически не поддерживались. Однако интерес к этому региону не исчезал. В первой половине XIX в. российские дипломаты

продолжали отмечать факт постоянного пребывания Кунграда в оппозиции к центральным хивинским властям и возможные выгоды этого для России. Так, Н.Н. Муравьев (впоследствии знаменитый военачальник Крымской войны, получивший к фамилии почётную приставку «Карский»), отправленный в Хивинское ханство в 1819–1820 гг., достаточно подробно описывал междоусобицу между членами хивинского ханского рода Кунгратов в 1809–1811 гг., когда два брата правившего тогда хана Мухаммад-Рахима (1806–1825), опасаясь за свою жизнь, бежали в Приаралье и сумели привлечь на свою сторону местное население, всегда готовое восстать против хивинского владычества. Только разлад между самими братьями позволил хану сначала покончить с ними обоими, после чего он обрушился на Кунград и подверг его разгрому, а к 1814 г. вновь на некоторое время восстановил контроль над этим беспокойным регионом. Он покончил с династией местных правителей из рода Суфи, представители которого владели различными регионами Хорезма ещё с середины XIV в., т.е. с золотордынского периода⁹.

Сообщение Н.Н. Муравьева представляет интерес ещё и тем, что с начала XIX в. (т.е. с приходом в Хиве к власти новой Кунградской династии) население Аральского владения стало несколько иначе выражать оппозицию по отношению к Хиве. Если раньше оно поддерживало претендентов на хивинский трон, то теперь взяло курс на формирование собственного государства, независимого от Хивы. Подобное положение было даже более выгодным для России, которая в этот период вновь возобновила попытки укрепить свои позиции в Средней Азии. Именно Кунград стал одним из ориентиров для похода оренбургского военного губернатора В.А. Перовского на Хивинское ханство зимой 1839–1840 гг. (окончившегося, правда, неудачно)¹⁰.

В 1848 г. была организована Аральская экспедиция под командованием известного российского исследователя капитан-лейтенанта (впоследствии адмирала) А.И. Бутако-

ва, благодаря которому временная экспедиция с 1853 г. превратилась в постоянно действовавшую Аральскую флотилию. Именно Бутакову и его подчинённым удалось первыми из представителей российских региональных властей наладить более-менее постоянный контакт с населением Аральского владения.

Эта задача в некоторой степени облегчалась тем, что среди жителей Кунграда и его окружи было немало представителей казахских племён, в том числе и тех, чьи сородичи и соплеменники уже в течение длительного времени находились в российском подданстве. Постоянный обмен информацией между «российскими» и «хивинскими» казахами позволял сравнивать правовой статус и уровень жизни кочевых подданных империи и ханства. Соответственно, кочевое население Аральского владения прекрасно знало, что российские казахи в ходе налоговых реформ 1830–1840-х гг.¹¹ были избавлены от уплаты основного натурального налога – ясака, а также не должны были платить многочисленных налогов и сборов – как традиционных, так и мусульманских, которыми хивинские ханы облагали своих подданных в пользу собственной казны. Всё чаще и чаще население Приаралья, по свидетельству А.И. Бутакова, угрожало хивинским властям, что перейдет в российское подданство, если Хива не снизит налоговое бремя¹². Надо полагать, подобные настроения подогревались экипажем Аральской флотилии: несмотря на то, что сам А.И. Бутаков определял формат своего взаимодействия лишь как сбор информации, есть основания полагать, что он и его подчинённые вели достаточно активную пропаганду среди местного населения в пользу России¹³.

Поскольку никаких радикальных изменений в системе управления и налогообложения в отношении Аральского владения хивинские власти так и не предприняли, во второй половине 1850-х гг. в Кунграде произошло несколько серьёзных восстаний, в которых косвенно, а порой и явно просматривался «русский след».

Так, в 1856 г. против хивинских ханов восстало казахское и каракалпакское население Приаралья, которое решило возвести на трон собственных ханов. При этом они сделали ставку на казахских султанов Батыра и Зарлыка, принадлежавших к правящей династии Младшего жуза, который первым признал российское подданство ещё в 1731 г.¹⁴ Примечательно, что претенденты на трон обратились за поддержкой к ещё одному правителю Младшего жуза Ермухаммаду (Иликею), который в течение некоторого времени считался вассалом Бухарского эмирата и Хивинского ханства, но с 1852 г. официально принял русское подданство и принимал участие в российском завоевании Средней Азии. Надо полагать, в перспективе восставшие видели переход под сюзеренитет Российской империи¹⁵. Впрочем, восстание вскоре было разгромлено хивинским ханом, так что остаётся только строить предположения о политической ориентации его предводителей.

Однако уже в 1859 г. в Аральском владении началось новое восстание, которое возглавил Мухаммад-Фана, внук последнего кунградского правителя из династии Суфи. Он убил ханского наместника Кутлу-Мурада, враждебного к русским, и объявил себя ханом, после чего обратился за поддержкой к оренбургским пограничным властям¹⁶. Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин принял решение отправить в Кунград под командованием А.И. Бутакова пароход «Перовский» и несколько барж, придав ему для усиления отряд в 125 солдат под командованием такого же сторонника завоевания Средней Азии – полковника М.Г. Черняева (в будущем знаменитого генерала, завоевателя Ташкента и первого военного губернатора Туркестанской области, а затем – и второго генерал-губернатора Туркестанского края). Офицерам было предписано действовать по ситуации, а чтобы поход не выглядел открытой агрессией против Хивинского ханства, было решено, что корабли двинутся в Амударью под предлогом доставки на родину бухарского посла из России¹⁷.

Впрочем, бухарский посол отказался плыть на корабле, что, однако, не остановило Бутакова и Черняева. Добравшись до Кунграда, они вступили в переговоры с хивинскими сановниками, командовавшими ханскими войсками. Хивинцы предприняли ряд неудачных попыток «напугать» российских моряков и солдат – сначала направив на них свои пушки, затем изобразив намерение взять корабли на abordаж, используя для этого свои лодки. Убедившись, что их демонстрация не уменьшила решимости русских, хивинцы сначала отступили, а затем и вовсе сняли осаду, уйдя от Кунграда¹⁸.

Русские были с почётом встречены в Кунграде как «избавители» и удостоились аудиенции у «хана» Мухаммад-Фана, которому было предложено подписать соглашение с Россией о мире с российско-подданными казахами, охране бухарских караванов и предоставлении провианта для российских солдат и моряков на период их пребывания в Аральском владении. После недолгого обсуждения этих условий Мухаммад-Фана согласился подписать этот документ. Следует отметить, впрочем, что это соглашение отнюдь не означало официального признания самостоятельности Кунграда со стороны Российской империи, поскольку юридически являлось всего лишь результатом взаимодействия пограничных властей Оренбургского края с такими же пограничными властями Хивинского ханства. Тем не менее, сами восставшие видели в этом документе, равно как и в пребывании русских солдат в Кунграде, гарантию своей независимости от Хивы, и Мухаммад-Фана даже заявил, что «принадлежит» своим избавителям со всем народом, семейством и имуществом.

Однако его слова являлись не более чем «восточной вежливостью», тогда как фактически подписанием соглашения благодарность и расположение восставших к русским и ограничились. Кунградцы стали требовать от А.И. Бутакова пушки и войска для защиты города, а также предприняли попытку втянуть его в войну с Хивой, предложив принять участие в преследовании отступавших ханских войск. Однако их планы были откло-

нены Бутаковым. Во-первых, у него не было намерений начинать открытую войну России с Хивинским ханством. Во-вторых, Амударья вновь, как и годом ранее, обмелела, и дальнейшее продвижение кораблей по ней могло привести к их посадке на мель и даже гибели. Наконец, в-третьих, кунградцы не предлагали русским ничего взамен, даже отказались снабдить корабли топливом, а моряков и солдат – продовольствием. В результате дружелюбие восставших сменилось враждебностью, и дело едва не дошло до нападения туркмен на корабли А.И. Бутакова для грабежа. Единственно верным решением в этом случае являлся немедленный уход в русские воды, в результате чего А.А. Катенину пришлось констатировать, что никакой пользы России эта экспедиция не принесла. Впрочем, Россия в очередной раз сумела продемонстрировать Хиве свою военную и морскую мощь, что внушило хивинцам значительные опасения и повлияло на дальнейшее развитие русско-хивинских отношений¹⁹.

Вскоре после ухода сил А.И. Бутакова и М.Г. Черняева восстание было подавлено, Мухаммад-Фана убит, и хивинскому хану Сейид-Мухаммаду удалось, наконец, окончательно восстановить контроль над Кунградом²⁰. Ход восстания и его неутешительные для России итоги были подробно изложены А.И. Бутаковым в статье для журнала «Отечественные записки», при этом о своей роли в этих событиях начальник Аральской флотилии благоразумно умолчал, заявив лишь, что «имел случай быть в Кунграде в конце июня и видеть Мухамеда-Фана»²¹. Это было вполне разумным, поскольку информация об активном вмешательстве русского флота в дела Хивинского ханства могла привести к новому витку обострения отношений не только с Хивой, но и с Британской империей, весьма болезненно реагировавшей на любые попытки России укрепить своё влияние в Центральной Азии. Поэтому сведения о роли российских войск в событиях 1859 г. можно извлечь из его записок и донесений в Морское министерство²² и из дневника М.Г. Черняева, опубликованного его дочерью только в 1915 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что в середине XIX в. присоединение Аральского владения не отвечало политическим интересам Российской империи, власти которой, очевидно, не представляли, как можно было бы оформить его включение в состав России без негативных международно-правовых последствий в условиях сложных взаимоотношений с Хивинским ханством и Британской империей. В ходе поиска оптимального дипломатического решения Россия в какой-то степени зашла в тупик, выход из которого могли предложить только решительные руководители региональной администрации, в частности, начальники Кавказского и Туркестанского военных округов, которые склонялись к разрешению многолетних (и даже многовековых) споров с Хивинским ханством исключительно военным путем.

И когда российские власти приняли решение о «силовом» варианте разрешения споров с Хивой, именно Кунград стал своеобразной отправной точкой для последовавшего вскоре вторжения в Хивинское ханство. После постройки города Красноводска в 1869 г. местные туркмены под предводительством Ата-Мурад-хана, постоянно находившиеся в оппозиции к Хиве, настойчиво указывали своим союзникам-русским на то, что именно через Кунград открывается наиболее удобный путь на Хиву. Тем более что русские и сами имели возможность убедиться в этом ещё во время своего пребывания там 12 лет назад (т.е. во время экспедиций А.И. Бутакова), да и местное население не окажет русским сопротивления²³.

Неудивительно, что подобное положение Аральского владения в постоянной оппозиции к Хиве было весьма выгодным для имперских властей. Неслучайно даже после победоносного похода 1873 г., завершившегося установлением протектората Российской империи над Хивинским ханством, Кунград, в отличие от других приаральских территорий, отошедших к России по условиям Гандемианского мирного договора, был оставлен в составе ханства. По-видимому, российские власти, и в первую очередь туркестанский генерал-губернатор К.П. фон

Кауфман, намеревались и в дальнейшем использовать многовековые оппозиционные настроения в бывшем Аральском владении как средство собственного влияния на хивинских монархов. Впрочем, по-видимому, со временем в нём появилась русская диаспора – например, осенью 1894 г. начальник Амударьинского отдела полковник Галкин обращался к хивинскому хану Мухаммад-Рахиму II (1864–1910) с просьбой об оказании содействия православному священнику, командированному в Кунград²⁴.

В заключение следует отметить, что поддержка Российской империей независимости (или автономии) Аральского владения как средства влияния на Хивинское ханство не было единственным примером подобной имперской политики. Так, на рубеже 1860–1870-х гг. пограничные и центральные власти Российской империи рассматривали проекты создания независимых государств (ханств) с центрами в Ташкенте и Самарканде – с целью влияния, соответственно, на Кокандское ханство и Бухарский эмират (у которых они были захвачены в конце 1860-х гг.). Только существенное изменение политической ситуации в регионе убедило имперские власти в целесообразности сохранения этих областей в составе Российской империи вместо превращения их в «буферные государства».

Примечания

¹ Нам известна лишь одна статья, специально посвящённая этому предмету: Сайманов С.С. Город и Аральское владение в XVIII в. // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 1996. № 4. С. 147–151.

² На это обращал внимание уже И.В. Виткевич, выполняя в 1835 г. секретное поручение Азиатского департамента российского МИДа в Средней Азии, см.: Записки о Бухарском ханстве. М., 1983. С. 123. См. также: Килевейн Е.Б. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. 1. СПб, 1861. С. 99.

³ См.: Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. Г. Саблукова; Иакинф. История первых четырёх ханов дома Чингисова; Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек, 1996. С. 154–155; Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân: Souverain de Kharezme et Historien Djaghataï, 1603–1644 / trad. par. P. I. Desmaisons. Amsterdam, 1970. P. 297. В этом сочинении речь идёт об «узбеках, живущих в Ургендже и за рекою Аму», т.е., вероятно, именно о населении Аральского владения.

⁴ См.: Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 59–60, 70–71, 76.

⁵ См. подробнее: Маликов А.М. Из истории кунгратов Среднеазиатского междуречья // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 172.

⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. М., 1938. С. 258, 296.

⁷ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 67.

⁸ Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чинённых для оног отправлений и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005. С. 479–480.

⁹ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьёва, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. С. 42–43. См. также: Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 374–378. См. также: Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб, 1877. С. 280–281.

¹⁰ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. Пг., 1915. С. 118.

¹¹ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтирной модернизации // Право.

Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190.

¹² Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю в 1848–1849 гг. Ташкент, 1953. С. 22.

¹³ См., напр.: *Кадырбаев А.Ш.* Народы Приаралья в середине XIX века (по письмам А.И. Бутакова 1848–1849 гг.) // Восточный архив. № 14–15. 2006. С. 67–68.

¹⁴ См.: История Каракалпакской АССР. Т. I. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1974. С. 141, 143.

¹⁵ История Каракалпакской АССР. С. 143; *Нурмухамедов М.К., Жданко Т.А., Камалов С.К.* Каракалпаки (краткий очерк истории с древнейших времён до наших дней). Ташкент, 1971. С. 34–36. Об Иликее см., напр.: *Ерофеева И.В.* Символы казахской государственности (средневековые и Новое время). Алматы, 2001. С. 144–145.

¹⁶ Известный исследователь Средней Азии, но при этом явный русофоб А. Вамбери прямо заявлял, что Мухаммад-Фана поднял восстание, «поддерживаемый русским влиянием», см.: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершённой в 1863 году. СПб, 1865. С. 178. Ср.: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве... С. 349.

¹⁷ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 113. См. также: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве... С. 349–350.

¹⁸ *А.Ч. М.Г. Черняев* в Средней Азии (На Сыр-Дарьинской линии) // Исторический вестник. № 6. 1915. С. 845–850; *Шенурин В.* Плавание Аральской флотилии в 1858 и 1859 годах // Морской сборник. Т. LIII. № 5. Май 1861. С. 138–139.

¹⁹ *А.Ч. М.Г. Черняев* в Средней Азии. С. 851–856; *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 114–115.

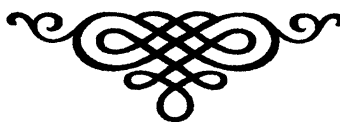
²⁰ *Килевейн Е.Б.* Отрывок из путешествия в Хиву... С. 104.

²¹ *Бутаков А.* Эпизод из современной истории Средней Азии // Отечественные записки. Т. 163. 1865. Ноябрь. Кн. 1. С. 112.

²² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.). Ф. 715. Д. 22. Док. 191, 215 (см. также: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 114–115); Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 283. Оп. 3. Д. 516 (см. также: *Кадырбаев А.Ш.* Материалы Российского государственного архива Военно-Морского флота об изучении и освоении Аральского моря российскими военными моряками // Восточный архив. № 10. 2003. С. 70).

²³ См.: *Маркозов В.* Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб, 1898. С. 29.

²⁴ ЦГА РУз. Ф. И-125 (Канцелярия Хивинского хана). Оп. 1. Д. 53/96. Электронная версия – с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel): zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de.

Н.Н. Лисицына

ЦЕНЗУРНАЯ ОБРАБОТКА ОФИЦИАЛЬНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕМАРКАЦИИ ГРАНИЦ В АФГАНИСТАНЕ В 1885 г.

Англо-русские противоречия в Азии второй половины XIX в. были лейтмотивом международных отношений этого периода. Азиатская и европейская политика ведущих мировых держав и объединённой Германии корректировалась исходя из остроты среднеазиатского вопроса в диалоге Лондон – Петербург.

Переговоры между империями относительно Афганистана и среднеазиатских территорий начались еще в 1872 г. Особое внимание английских дипломатов было обращено на необходимость любыми средствами вывести означенный регион из сферы интересов Российской империи. Использовались все рычаги давления на представителей местной элиты: экономическая помощь (субсидии и торговые интересы), политическая поддержка некоторых претендентов на власть; декларация озабоченности британского и англо-индийского правительств ущемлением прав мусульман в зоне русского влияния. Однако сам факт начала таких переговоров говорил о том, что невозможно «навести порядок» на Среднем Востоке без русской заинтересованности и «поддержки».

Вялотекущие переговоры и кулуарные интриги в европейских столицах в конечном итоге должны были привести к развязке. События вокруг Мервского и Пендинского оазисов в середине 1880-х гг. стали кульминацией англо-русских противоречий в среднеазиатском регионе, ускорили развязку в переговорах двух империй относительно демаркации русско-афганской границы.

Понимая значимость и значительность общественного мнения, британцы подробно освещали в прессе свои «шаги по достижению добрососедских отношений в Азии». Ведущие газеты и журналы Лондона и Калькутты не только давали сводку событий, но

и представляли аналитические обзоры и прогнозы дальнейшего развития англо-русских отношений и азиатской политики ведущих стран вообще.

«Parliamentary Debates»¹ на основе отчётов английских офицеров, официальных сообщений внешнеполитического ведомства и парламентских прений также чрезвычайно ярко описывали события, предшествовавшие демаркации русско-афганской границы.

Успешное продвижение России к афганским территориям в Англии каждый раз вызывало всеобщую истерию. Как утверждали англичане, «русская угроза» британской колонии из мифической становилась реальной. По словам русского военного агента в Лондоне А.П. Горлова, а позднее и его преемников, на улицах английской столицы собирались сторонники консервативной партии и требовали от правительства незамедлительно принять меры для устранения «русской угрозы» британским владениям в Индии. Правительство пошло навстречу пожеланиям общественности, и в середине 1884 г. была создана разграничительная комиссия, состоявшая из представителей Великобритании, России и Афганистана (без права решающего голоса), которая должна была заниматься определением русско-афганской границы.

Представители Англии, возглавляемые генералом Лемсденом, направились в Герат в начале августа в «сопровождении» «одного полка пехоты, одного полка кавалерии и одной батареи горной артиллерии»².

В начале 1885 г. англичане и присоединившийся к ним десятитысячный отряд афганцев находились в окрестностях Герата. Захватив район Кушки и Пенде, они проводили множество рекогносцировок, намереваясь продвинуться к Таш-Кепри, где к тому времени уже стоял лагерь Мургабский отряд

под командованием начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А.В. Комарова. Законное требование русского генерала к афганским военачальникам – покинуть территорию, не находившуюся под контролем афганского эмира, вылилось в вооружённое противостояние двух отрядов.

События марта 1885 г. в Пендинском оазисе и последовавший за ними кризис заставили и Российскую империю задуматься о необходимости информационной поддержки внешнеполитических шагов. Публикация донесений русских офицеров с мест событий стала наиболее удачным ответом на тезис о «русской угрозе» Афганистану и Индии.

Среди таких опубликованных источников видное место занимает сборник документов «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг.»³. Российские и советские историки считали данное издание наиболее полным и авторитетным. Однако в результате исследования материалов фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) удалось выяснить, что некоторые из представленных документов в силу политической обстановки и идеологических установок второй половины 1880-х гг. были подвергнуты цензурной обработке.

Исходя из тезиса о мирном сосуществовании обеих империй на Среднем Востоке, МИД России подобрал документы ведомства и рапорты военных таким образом, чтобы роль английских офицеров в столкновении на Кушке расценивалась как невозможность сдерживать «воинственный пыл» афганцев.

Сборник составлен таким образом, чтобы «иностранные коллеги» могли легко сравнить исходящую и входящую документацию. Материалы переписки обоих внешнеполитических ведомств даны на трёх языках: английском – для документов из Лондона и французском – для российских; на нечётных страницах сборника приводятся переводы всех материалов на русский язык.

Естественно, дипломатическая переписка между кабинетами двух стран оставлена

без изменений. Цензуре были подвергнуты рапорт и телеграммы командующего Закаспийской области и Мургабского отряда генерал-лейтенанта А.В. Комарова. Если первый был напечатан практически полностью, то лишь по причине деликатности, с которой был составлен. В рапорте А.В. Комаров рассказывал о роли англичан, не вдаваясь в подробности, только констатируя факт их пребывания в афганском лагере и неучастия в военных действиях. Однако он отмечал настойчивое желание капитана Йета при каждом удобном случае на встречах с подполковником Закржевским узнать о дальнейших планах русских войск, а в письме настойчиво предлагал услуги «доктора Оуена»⁴.

Стоит отметить, что при опубликовании в «Афганском разграничении» из рапорта были изъяты некоторые рассуждения, не касавшиеся непосредственно англо-русских отношений. Например, о преданности «белому царю» иолотанского сарыка, поставленного на временное управление, и упоминание о дружественном приёме населением Пендинского оазиса русского воинства. В подлиннике читаем: «Для учреждения порядка в Пенде я приказал выбрать старшин и временное управление возложил на *Иолотанского Сарыка Овез-Бея, человека, известного мне своей преданностью России, честностью и значением, которым пользуется среди своих родичей. Сам я также проехал по Пендским аулам с небольшим конвоем, везде население старалось выказать самые дружественные чувства к русским*»⁵ (здесь и далее выделен курсивом текст, изъятый из официальной публикации; стилистика и орфография текста сохранены. – Авт.).

Более радикальной цензуре подверглись телеграммы генерал-лейтенанта А.В. Комарова. В пояснительной депеше⁶ командующий Мургабским отрядом кратко прокомментировал ситуацию, предшествовавшую событиям 18(30) марта 1885 г. В подлиннике телеграммы он также указал и на «*извращение английскими офицерами фактов в их донесениях*»⁷. Генерал отметил, что именно

это «*всегда будет служить источником недоразумений*» между правительствами обеих стран. Изъятые строки явно указывают на «несходность» английской и русской версий кушкинского инцидента.

По тону данной телеграммы, а также из приведённых данных разведки становится понятно, что А.В. Комаров считал это «извращение фактов» намеренным и спланированным.

Публикуя ответ русского генерала⁸ на объяснения и возражения генерала Лемсдена⁹, МИД Российской империи и Военное министерство сочли необходимым внести некоторые изменения и в этот текст телеграммы.

Так, например, в документе № 107 сборника Комаров сообщил, что до него «*доходили слухи*»¹⁰ о коварных намерениях афганцев. Возникает вопрос: как опытный офицер, основываясь лишь на слухах, может предпринять вооруженный демарш, который ему был категорически запрещён? И действительно, в подлиннике этой телеграммы читаем: «*Об этом намерении я имею и секретные сведения...*»¹¹.

Если бы донесения были получены лишь из одного источника, тогда сообщение можно считать слухами. Но эти сведения перепроверялись по нескольким направлениям: они получены не только от российских, но и от местных агентов¹², которые доказали свою верность «белому царю», и, следовательно, «слухами» эту информацию уже никак нельзя было назвать.

Далее, в документе № 107 «Афганского разграничения» указывается ещё одна причина, по которой Комаров принял решение о выдворении на левый берег р. Кушка афганского лагеря. Афганцы ждали прихода кавалерии из Герата и 1000 завербованных вооруженных сарыков.

Но составители сборника не захотели привести уточнения генерала — кем именно были завербованы и вооружены сарыки. В подлиннике телеграммы прямо указывается, что туркмены-сарыки были завербованы англичанами «*с платою по 2 рупии в день*»¹³.

Казалось бы, внесённые изменения, а точнее, некоторые изъятые кусочки многогранной мозаики не влияют на общую картину кушкинского инцидента в целом. Состоявшееся событие не приобретает сколь-нибудь существенного отличия с данными пояснениями. Однако стоит отметить, что для думающего европейского и российского читателя последней трети XIX века изъятые строки весьма красноречиво показали бы виновника Пендинского кризиса, суть и характер британской политики на Среднем Востоке.

Открытым остается лишь вопрос необходимости цензурной обработки документов: почему царское правительство пошло на публикацию документов с «некоторыми исправлениями»?

Причин могло быть несколько. Как сказано выше, в международных отношениях Петербург исходил из тезиса о мирном сосуществовании ведущих европейских держав в Азии. Те же принципы провозглашались и в англо-русских отношениях. Позиция государя императора в данном вопросе трактовалась однозначно: исключить какие-либо «досадные недоразумения». Опубликование документов в полном объёме могло привести не только к дипломатическим осложнениям, но и взорвать общественное мнение Европы и Великобритании. Если в европейских государствах в очередной раз прозвучали бы обвинения в адрес Лондона в «излишнем давлении на Кабул», то на Туманном Альбионе поднялась бы волна «праведного гнева» британских патриотов, что, в свою очередь, осложнило бы англо-русские отношения вообще.

Следует также вспомнить, что в 1886 г. всё ещё шли переговоры о судьбе северо-восточной части русско-афганской границы. В августе–сентябре 1885 г. была определена лишь северо-западная часть означенной границы. В этих тяжёлых переговорах российской стороной были сделаны значительные уступки, и это несмотря на то, что Россия, в силу многих причин, могла требовать значительно больших привилегий при определении пограничной линии с Афганистаном.

Поэтому можно с высокой степенью достоверности утверждать, что документы были переписаны в первую очередь для того, чтобы не усложнять и без того непростые переговоры между Великобританией и Россией. Ведь изъяты из документов строки свидетельствовали о непосредственном участии англичан в подготовке Пендинского сражения, в частности, и осложнении ситуации в среднеазиатском регионе вообще.

Примечания

¹ Hansard's Parliamentary debates. Series 3rd. Vol. 294–297. London, 1885.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 401. Оп. 4. Дела за 1884 г. Д. № 4. Л. 144.

³ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. Издание Министерства Иностранных дел. СПб, 1886.

⁴ Там же. С. 287–305. Док. № 115.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. № 6948. Л. 184–184об.

⁶ Афганское разграничение. С. 261. Док. № 99.

⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. № 6948. Л. 141об.

⁸ Афганское разграничение. С. 277. Док. № 107.

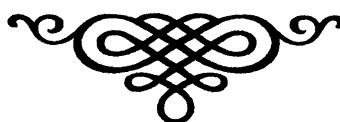
⁹ Там же. С. 253–261. Док. № 98.

¹⁰ Там же. С. 277. Док. № 107.

¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. № 6948. Л. 146.

¹² РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. № 126. Л. 45–46; *Петров В.* Кушкинский бой 18 марта 1885 года. Сообщение, читанное в Асхабадском военном собрании по случаю 25-летнего юбилея боя, Генерального штаба полковником Петровым 18 марта 1910 г. Асхабад, 1910. С. 33.

¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. № 6948. Л. 147.

В.Г. Дацышен

РУКОПИСНЫЕ РАБОТЫ РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ ПО ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ФОНДАХ КАЗАНСКИХ АРХИВОХРАНИЛИЩ

Одним из центров хранения востоковедных исторических документов до настоящего времени остаётся Казань. В архивохранилищах этого города сохранились рукописные работы многих российских востоковедов, занимавшихся изучением истории Центральной и Восточной Азии.

Интерес к рукописным работам русских востоковедов, хранящихся в архивах Казани, в нашей стране был всегда. Например, в 1930-х гг. Институт востоковедения АН СССР специально командировал в Казань китаеведа А.А. Петрова для выявления и обработки рукописного наследия русских синологов. В те же годы в Казани работал, собирая документы о И.К. Россохине, китаевед В.П. Таранович. Этот исследователь писал: «В библиотеке Казанского университета мне удалось ознакомиться со следующими рукописями, не вошедшими в список...»¹.

Практически все российские исследователи истории русского китаеведения посещали архивохранилища Казани, а в самом Казанском университете в последние десятилетия сформировалась и успешно работает под руководством Р.М. Валеева школа исследователей научного наследия русских китаеведов². Тем не менее до настоящего времени далеко не всё рукописное наследие российских востоковедов в части изучения истории Центральной и Восточной Азии всесторонне исследовано и введено в научный оборот.

На сегодняшний день основными хранилищами рукописного наследия российских востоковедов в Казани остаются Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ) и Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОПРК НБ К(П)ФУ). Большая часть рукописных работ в НАРТ хранится в фондах «Казанская

духовная академия» (№ 10) и «Казанский университет» (№ 977).

Появление рукописных материалов по истории Китая в Казани было связано в первую очередь с тем, что в этом городе в начале XIX в. был открыт один из первых российских университетов. Он стал колыбелью российского университетского востоковедения. Ещё одним источником формирования восточных коллекций и рукописей российских востоковедов стали церковные учреждения Казани, так как именно этот город был главным центром православного миссионерства на Востоке, именно там формировались многие Духовные миссии в Пекин в XVIII и XIX вв.

В Казани собирались рукописи западноевропейских синологов, в библиотеке Казанского университета до настоящего времени сохранились «Перевод на Латинский язык древней китайской летописи Шудзин»³ и «Histoire générale de Chine Dynastie des Ming» (Всеобщая история китайской династии «Тун-цзян ган-му»), датированная XVIII в., объемом 409 страниц⁴.

Основой для появления в Казани исследований по истории Центральной и Восточной Азии стали китайские и монгольские исторические рукописи и книги. Некоторые рукописные работы русских востоковедов привезли в Казань из Пекина и Петербурга.

В 1830 г. профессора Казанского университета В.Я. Баженов и И.К. Ерохов составили для командированного в Пекин монголоведа О.М. Ковалевского следующее задание: «Стараться сколько возможно приобрести подлинные сочинения известных своею ученостью и достоинствами авторов, писавших: 1) О мифологии Китая, Тибета, Монголии... <...> 8) Сочинения, составляющие собственно историю сих соединённых земель вообще...<...> Равномерно позаботиться о собрании других исторических материалов, отно-

сящихся к составлению китайской истории... <...> 14) О летописных актах и документах, чему-либо примечательных, 15) Критических исторических изысканий, 16) Исторических записок и повествований о разных событиях... Также не забыть а) о тех сочинениях, кои составляют так называемую смесь истории: как то сборники, выписки, собрания анекдотов и проч., дабы таким образом историю Китая можно было видеть в полном её составе, начиная с первобытных времён...»⁵. Собранные О.М. Ковалевским материалы лишь частично остались в Казани, большинство же их осело в фондах Санкт-Петербургской Академии наук.

Формирование больших книжных и рукописных коллекций в Казани началось с первых лет существования университета. В «Отчёте о состоянии учебном Императорского Казанского Университета и его округа, с июля 1819 до июля 1820 года» говорилось: «Для некоторых университетских заведений покупкою приобретены следующие вещи... для студентов библиотеки некоторые исторические и к восточным языкам относящиеся книги и ландкарты»⁶. В конце 1820-х гг. Казанский университет направил в Восточную Сибирь двух стажёров, в документах Учёного совета зафиксировано: «Гг. кандидату Ковалевскому и студенту Попову постановляется в обязанность... А. По части истории. 1) Собрать сведения о достопримечательнейших сочинениях в отношении к истории как сибирских стран, так Монголии, Манчжурии и вообще азиатских государств или народов...»⁷.

О.М. Ковалевский, возглавивший вскоре кафедру монгольского языка, написал обобщающие работы «История монголов» и «Введение в историю монголов», которые не были опубликованы. Лишь некоторые исторические исследования были напечатаны в «Учёных записках» Казанского университета⁸. У О.М. Ковалевского были ученики, которые оставили богатое рукописное наследие.

Развитие востоковедения в Казанском университете привело к созданию в 1837 г. Восточного института в составе четырёх от-

делений, одним из которых стало отделение «Словесности китайского языка». В том же году в Казани была открыта первая в России кафедра китайского языка и словесности. Но ещё до появления Восточного института студентам Казанского университета уже читался в рамках всеобщей истории довольно детальный и глубоко проработанный курс лекций по истории Китая. На это указывают сохранившиеся до нашего времени в университетской библиотеке конспекты лекций профессора Ф.И. Эрдмана⁹.

Ещё до открытия китаеведческой кафедры в Казанском университете была создана серьёзная материальная база для изучения истории Китая. Исследователь В.П. Таранович написал: «О.М. Ковалевский во время своего путешествия по Монголии и Китаю в 1828–1832 гг. по поручению Казанского университета приобрёл 189 сочинений в 1433 томах, в том числе 48 рукописей на монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках... Крупное пожертвование Казанскому университету сделала Академия наук... прислав ему дуплеты восточных книг в числе 114 соч. в 285 томах»¹⁰.

Согласно «Каталогу санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Императорского Казанского университета хранящимся», к 1834 г. университет уже имел: «...168) Тун-дзянь Ган-му. Китайская история от первого императора Фу-си до изгнания монгольского дома из Китая в 1368 году. На маньчжурском языке, 12 томов, 108 книг. 169) Цань-дин-си-юй-тун-вынь-джи. Историческо-географический словарь западных стран... <...> 173) Чунь-цю. Летопись царства Лу (что ныне провинция Шань-дун), Конфуцием приведённая в порядок, заключающая в себе хронологическое повествование о деяниях царей в течение 242 лет и правила государственного правления, на маньчжурском и китайском языках, 6 томов, 49 книг. 174) Цин-дин Мин-дзянь. История династии Минг, царствовавшей в Китае. На китайском языке, 2 тома, 12 книг...»¹¹.

Возглавил открытую в 1837 г. кафедру китайского языка и словесности известный

русский китаевед архимандрит московского Златоустовского монастыря Даниил (Сивиллов). С первых дней работы в Казанском университете этот синолог начал публиковать в университетском научном журнале свою «Всеобщую историю Китая»¹², являющуюся переводом китайского исторического сочинения. Ссылки на эту работу встречаются в сохранившихся в Казани рукописных документах XIX в.¹³ В 1837 г. Даниил (Сивиллов) подарил университету часть своей китайской библиотеки, возможно, всего 156 названий книг и рукописей. В первой половине XX в. российские исследователи выяснили: «В 1837 г. Казанским университетом была куплена китайская библиотека арх. Даниила Сивиллова, вывезенная из Пекина в количестве 216 сочинений в 337 томах»¹⁴.

Преемником архимандрита Даниила (Сивиллова) на посту заведующего кафедрой в 1844 г. стал бывший врач Пекинской миссии И.П. Войцеховский. Этот китаевед был первым университетским профессором-маньчжуристом, а кафедра при нём была преобразована в китайско-маньчжурскую. Университет у него приобрел библиотеку, всего 167 томов книг и рукописей.

В 1851 г. китайско-маньчжурскую кафедру возглавил только что вернувшийся из Китая воспитанник Казанского университета В.П. Васильев. Он привёз в Казань из Пекина большую коллекцию сочинений на китайском, маньчжурском, тибетском, монгольском, калмыцком и санскритском языках в количестве 849 названий в 2737 томах и 14447 тетрадах¹⁵. Для практических занятий разговорным языком и каллиграфией на кафедру был приглашён А.И. Сосницкий, получивший должность «комнатного надзирателя» гимназии. В качестве учебного пособия он использовал свою рукопись, содержащую на русском и китайском языках императорские указы, отрывки из книг, выписки из газет и др.

Самой старой русской рукописью по истории Центральной и Восточной Азии, из числа сохранившихся в Казанских архивохранилищах, является работа первого

русского китаеведа И.К. Рассохина. Документ называется «Краткое известие Дайцинского или Китайского государства о маньчжурских ханах, секретном расположении маньчжурского войска и о состоянии китайского столичного города Пекина... которое собралось из разных китайских и маньчжурских печатных книг и переведено на российский язык чрез прапорщика Лариона Рассохина». В конце рукописи имеется дата – 1763 г.

Этот исторический документ, объёмом в 79 листов, хранится в библиотеке Казанского университета. Работа начинается с вопроса: «С которого года маньчжурские ханы начали писаться ханами...»¹⁶, в ней в виде таблиц представлен анализ титулатуры маньчжурских правителей на разных языках, даётся хронология их жизни и правления. Вторая часть рукописи называется «Краткое описание о всех китайских государствах (Лидай ди-ван дзундзи)»¹⁷.

В Национальном архиве Республики Татарстан хранится рукописная работа выдающегося монголоведа Я.И. Шмидта «О народных племенах монголов. Прибавление к истории сего народа и княжеских домах». Она начинается со следующих слов: «Монголы и их история представляют нам достопримечательное явление народа, который, вдруг возникнув из мрака неизвестности, вышел на театр мира и приобрёл себе безмерное имя огромными завоеваниями и основанием династий...»¹⁸.

В архивохранилищах Казани хранятся рукописи, отражающие научное наследие выдающегося китаеведа архимандрита Петра (Каменского), например, «Выписка из журнала начальника Миссии его высокопреподобия отца архимандрита и кавалера Петра», где доказывается такой важный исторический факт: «Во время Минской династии при 14-м государе Шен-джун-сянь-ди Вань-ли, в 1619-м году был первый раз из России караван, или по крайней мере русские два человека были в Пекине, и Вань-ли китайский император говорил к русским следующее: С торгом приходите и торгуйте! Выходите и опять приходите»¹⁹.

Широко в архивах представлено рукописное наследие выдающегося синолога о. Иакинфа (Бичурина)²⁰. Большой интерес представляет архивное дело «Объяснение ответов Крузенштерна на вопросы Вюрста относительно Китая. Французский текст и перевод на русский язык. Комментарии Иакинфа Бичурина»²¹.

Авторство некоторых больших рукописных работ по истории Китая до сих пор остаётся под вопросом, например: «Из истории завоевания Китая Маньчжурами в XVII в.»²².

В Казани сохраняется рукописное наследие известного русского синоведа первой половины XIX в. А.И. Сосницкого. В архивных фондах имеются следующие рукописные его работы: «Завещание императора Дзя-цин»; «Доклады Юнь-Вана»; «Происшествие в Корее около 1800-го года»; «О албазинцах»; «Письмо князя Шана к королю Усаньгую» и др.²³ В работе А.И. Сосницкого «Краткое описание государей» освещались разные периоды истории Китая, в качестве примера можно привести отрывки из его сочинения: «Основатель Ханьской династии государь Гаоди по смерти своей оставил главную жену государыню – Лю-хоу и несколько низших степеней. Сей государь при жизни своей страстно любил одну из жён, называемую Цифужень, которая была второй степени и от коей рождённого сына предназначил к престолу...»; «Минской династии, которая началась 1368-го года по Р. Христове, первый государь Тай-дзу по многим прениям с Мунгальской Короной, наконец выгнал их в прежние Мунгальские степи и царствовал со славою 30-ть лет. Сей государь вначале по крайней бедности служил в монастыре и, убив любовника матери своей, монаха, принуждён был от строгости законов бежать, учинился разбойником и напоследок удостоился короны. Мудрая жена много помогла ему в правлении. Государь Чун-джен, или Хуай-дзун, царствовал 16-ть лет. Сей последний и несчастнейший государь Хуай-дзун разбойником Ли дзыченом лишён престола и по чрезвычайным страданиям всего высокого дома в саду сам

себя лишил жизни, 40 цариц ему в том предшествовали, и 15-тилетнюю дочь свою сам лишил целого плеча...»; «Кансий при жизни назначил из 20-ти сыновей четырнадцатого по роду Юньтия к престолу, и чтобы сын сей более перед братьями своими имел права на корону, то и отправлен был в достоинство главнокомандующего против Джунгарии – между тем в отсутствие наследника отец умирает, четвёртый сын Юн-джен восходит на престол, наследник схвачен, заключён, мать его царица умирает. Новый император, преследуемый фуриями, всех братьев и главных министров подозревает и 14-ть лет плавает в крови собственных братьев и подданных, довёл министерию до отчаянного положения. Все почти указы сего государя можно разуметь в противном смысле, и доклады министров также, кроме насильственного его духа, ничего в себе истинного не содержат...»²⁴. Труды А.И. Сосницкого указывают на рукописные работы его предшественников и учителей. Бывший ученик Миссии писал в своих конспектах по истории Китая: «Страдание сего дома, жизнь злодея Лидзячена и занятие маньчжурами китайского престола описаны на русском языке его высокопреподобием отцом архимандритом и кавалером Петром в особенной книге...»²⁵.

В Казани хранятся рукописные работы бывшего причетника Пекинской миссии Н.И. Вознесенского. В архивном деле «Замечания о Китае. Николая Иванова Вознесенского 1828-го года. Пекин» имеется, например, рукопись «О баснословных в Китае временах». Китаевед Н.И. Вознесенский пишет: «Первый родоначальник Паньгу без всяких по истории деяний царствовал 10,800 лет... Пятая династия Ю чоу и другая династия Чуй жен иси царствовали неизвестные по истории времена. Теперь за оными династиями, как вся Европа верит, следует основатель китайской монархии Фусий... Вот корень священной и толико важной в Китае книги Идзина; гнилой сей родник заразил все протоки китайского просвещения. Фусию приписывают основание браков, летоисчисления, степени чинов и проч. Царство-

вал 115 лет. К опровержению Фусиева времени бытия довольно служат следующие по нём 15-ть фамилий, по истории никакого о себе известия и доказательства не имеющие... Засим последовала фамилия Дзян, из коей первый государь Шен нун... По нём взошёл на престол сын его Линь хуй... Потом следует фамилия Юсун, за 2694 лет до Р.Х. царствовать начавшая; из коей первый государь был Даосыской верой премудрым прославляемый Хуанди... Он основал Астрономическую и Историческую академии... Многие историки все вышеописанные царствования относят к временам неизвестности. О бытности их, без всяких правдоподобия причин, предаёт История Вай дзи, всяких нелепостей преисполненная. Касательно до следующих династий, то все вообще грехом почитают даже и сомневаться; ибо переданы и описаны в Священной Канонической книге Шудзине и Академической истории Тун дзянь ган му. Царствование, названное Тан, началось с 2357 лет до Р.Х. От сего начинается летоисчисление, никакому сомнению не подлежащее»²⁶. В рукописных материалах Н.И. Вознесенский обращается не только к китайским трудам, но и к работам западно-европейских синологов. Например, в январе 1826 г. он записал: «...о мере просвещения китайцев никто лучше не уверит, как книга куплета, изданная в Париже на латинском языке – в ней можно видеть лучший и точнейший перевод философии Конфуция, коей в полной мере ограничивается мера просвещения китайцев, в сей же книге приложена лучшая хронология с достопримечательнейшими деяниями...»²⁷.

В архивохранилищах Казани имеются рукописные работы, относящиеся к периоду второй половины XIX – начала XX в., когда всё казанское университетское востоковедение уже было «вывезено» в Санкт-Петербург. Там сохранились историко-востоковедные рукописи преподавателей и студентов Казанской духовной академии. В качестве примера можно привести курсовое сочинение 1889 г. студента Ивана Попова «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения». Работа начинается с главы «Исто-

рия Тибета до введения буддизма»²⁸, она довольно содержательна, но написана на основе немецкоязычных публикаций.

Вообще большинство работ по истории Центральной и Восточной Азии, выполненных в Казанской духовной академии во второй половине XIX в., были посвящены истории монголов и тибетцев. Многие опирались на монголоязычные и тибетязычные документы. В числе самых популярных были вопросы истории буддизма, на это указывают хранящиеся в НАРТ рукописные работы. Например, «Биография Дзонкавы как лица исторического...» студента Голстунского²⁹ или «Лекции по буддизму» доцента священника И.В. Попова за 1895 г.³⁰ 1912 годом датирована большая рукопись «О Будде и его учениках»³¹.

Ещё одна сохранившаяся в Казани рукопись – «Беглое обозрение китайской истории Ду Джао. Перевод с китайского иеромонаха Иннокентия», датируется по приписке «Печатать. Председ. Н. Катанов». Профессор Н.Ф. Катанов был председателем переводческой комиссии при Казанском учебном округе и исполнял обязанности цензора с 1907 г. Здесь следует отметить, что и рукописное наследие Н.Ф. Катанова в части истории Синьцзяна изучено недостаточно. Автором же рукописи «Беглое обозрение китайской истории», вероятнее всего, был член XVII Пекинской миссии иеромонах Иннокентий (Александр Ольховский). В предисловии к работе автор пишет: «Поводом к написанию настоящего сочинения послужило “Генеральное рассуждение о всеобщем зеркале”, составленное г. Янь-Дзе-Пань. От начала и до конца это “рассуждение” страдает отсутствием связи, систематического порядка, последовательности в изложении исторических событий, прибавим к этому, что в нём масса погрешностей против исторической достоверности и хронологии»³². В тексте есть указание: «Джу-Дзы составил “Всеобщее зеркало истории” (“тун-дзьень”) на основании “Общего обозра”, написанного Сы-Ма»³³. Более ста страниц основного текста перевода китайской исторической работы сопровождаются мно-

гочисленными примечаниями и уточнениями переводчика, которые по общему объёму превышают собственный текст перевода. В завершение русский синолог представил «Схему-таблицу китайских императоров», начиная с 2952 г. до н.э., начала правления «основателя Китайской империи императора Фу-Си», и до 1861 г.

Таким образом, рукописные работы русских востоковедов, хранящиеся в фондах архивохранилищ Казани, отражают развитие российской науки в XVIII – начале XX в. и знание в нашей стране об истории Центральной и Восточной Азии. Особую ценность представляют наименее изученные рукописи XVIII в., а также работы конца XIX в. – начала XX в. Эти исторические документы нуждаются в дальнейшем изучении и введении в научный оборот.

Примечания

¹ Таранович В.П. К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани. Предисловие и публикация Т.А. Пан // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2011. С. 231–232.

² Валеев Р.М., Мартынов Д.Е. Казанское востоковедение в архивных материалах: биография и наследие (XIX – начало XX в.). Казань, 2010.

³ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ К(П)ФУ). Ед. хр. № 4563.

⁴ ОРРК НБ К(П)ФУ. Ед. хр. № 4586.

⁵ Там же. Л. 101об.

⁶ Отчет «О состоянии учебном Императорского Казанского университета и его округа, с июля 1819 до июля 1820 года» // Казанский вестник, издаваемый при Императорском Казанском университете. Кн. I. Январь, 1821. С. 26.

⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 40.

⁸ Учёные записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1835. Кн. III. Казань, 1835.

⁹ ОРРК НБ К(П)ФУ. № 4213 (Лекции по всеобщей истории).

¹⁰ Таранович В.П. Указ. соч. С. 223–224.

¹¹ Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Императорского Казанского университета хранящимся // Учёные записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1834. Кн. 1. Казань, 1834. С. 238–239.

¹² [Сивиллов] Всеобщая история Китая. Перевод с китайского (Ар. Данила). Отделение четвёртое. Династия Шан // Учёные записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1838. Кн. IV. Казань, 1838.

¹³ НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 837. Л. 2.

¹⁴ Таранович В.П. Указ. соч.

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ ОРРК НБ К(П)ФУ. № 4448. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 42.

¹⁸ НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 859. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 841. Л. 58об.

²⁰ Там же. Д. 829, 838, 869.

²¹ Там же. Д. 842.

²² Там же. Д. 837.

²³ Там же. Д. 841.

²⁴ Там же. Д. 841. Л. 74–124.

²⁵ Там же. Д. 841. Л. 74.

²⁶ Там же. Д. 832. Л. 141–144.

²⁷ Там же. Д. 832. Л. 1.

²⁸ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1054. Л. 9.

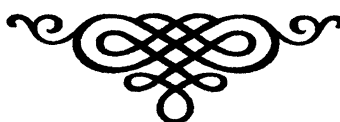
²⁹ Там же. Д. 699.

³⁰ Там же. Д. 850.

³¹ Там же. Д. 2161.

³² ОРРК НБ К(П)ФУ. № 1518. С. 5.

³³ Там же. С. 11.

К.А. Вах

ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОГО КОНСУЛЬСТВА В ИЕРУСАЛИМЕ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Установление дипломатического присутствия России в Святой Земле было частью международного процесса взаимодействия и борьбы великих держав за расширение влияния в Османской империи.

В Иерусалиме дипломатические представительства европейских держав появились намного позднее, чем в других узловых пунктах Османской империи, а российское консульство учреждается там с явным отставанием: через 20 лет после основания в Святом Граде консульства британского¹.

До настоящего времени в научной литературе не рассматривался вопрос: почему со стороны России это произошло так поздно? Работы, где затрагивается история учреждения российского консульства в Иерусалиме, в основном освещают деятельность самих консулов или описывают ситуацию, сложившуюся после его открытия². При этом основной источниковой базой для рассмотрения истории учреждения консульства в Иерусалиме остаются немногие документы, опубликованные в сборнике «Россия в Святой Земле»³.

Привлечённые нами новые архивные материалы позволяют ответить на важные вопросы: кто участвовал в учреждении русского консульства в Иерусалиме и в каких условиях это происходило.

Из работ, наиболее подробно затрагивающих историю русского дипломатического представительства в Иерусалиме, можно выделить только главу в книге Н.Н. Лисового⁴. Но и там создание консульства представлено следующими словами: «В 1856 г. в Петербурге создаётся Русское Общество Пароходства и Торговли (РОПиТ), организовавшее регулярные паломнические рейсы из Одессы в Яффу, что позволило резко увеличить поток русских паломников. В 1857 г. возобновляется деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, прерванная

Крымской войной, в 1858 г. создаётся русское Консульство в Иерусалиме»⁵.

Чтобы понять, что предшествовало открытию русского консульства в Иерусалиме, нужно ещё раз обратиться к истории российского дипломатического представительства в Палестине. До 1820 г. интересы российских паломников и путешественников в Палестине представлял итальянский консул в Яффе. Иных задач в Петербурге тогда не обозначали. Усилиями российского посланника в Константинополе Г.А. Строганова, который в 1816–1819 гг. предложил упорядочить паломничество из России, организовать регулярное движение кораблей из Константинополя до Яффы и учредить в Яффе пост вице-консула, на Святой Земле появилось первое российское консульство с прибавкой «вице»⁶.

Первым вице-консулом стал грек Г.И. Мострас, который, однако, имел пребывание как в Яффе, так и в Иерусалиме, для чего арендовал там дом. Некоторые свои донесения Мострас подписывал от имени русского консула в Яффе и Иерусалиме. Забрезжила перспектива основания *de facto* консульства в Иерусалиме, но в 1838 г. Мострас умер, а вновь назначенный на его место К.М. Базили подал записку с обоснованием переноса консульства из Яффы в Бейрут. Организованное по проекту Базили генеральное консульство в Бейруте получило в своё ведение и Палестину с подчинением ему вице-консульства в Яффе.

При Базили ситуация с дипломатическим попечением о нуждах российских паломников изменилась. Устами греческих иерархов в российском МИДе было сформулировано утверждение о том, что защита интересов русских паломников в Иерусалиме, как и контроль за их поведением, лучше предоставить единоверным греческим церковным властям на местах. Необходимость

иметь в Святом Граде собственного представителя российского правительства даже не рассматривалась. «Несмотря на экстерриториальность личных прав русских поклонников – покровительство над ними и внутреннее управление ими переданы были в руки состоящих под Турецким игом раиев»⁷, а покровительство Восточной Православной Греческой Церкви оказывалось в тех вопросах и объёмах, в каких об этом русских дипломатов просили сами греки. Естественно, в этой ситуации места и поля для деятельности русского консульства в Иерусалиме не существовало.

В свою очередь Патриарх Иерусалимский и его наместники в Святом Граде поддерживали такую точку зрения, указывая на то, что взамен их услуг в отношении русских паломников от сильной России Православная Иерусалимская Церковь ожидает традиционную финансовую помощь, но главное – *дипломатическую* поддержку перед Портой в Константинополе⁸.

Церковно-политическая ситуация в 30-х и 40-х г. XIX в. также претерпела сильное изменение по сравнению с предыдущим периодом. Россия в глазах греческих иерархов утратила значение единственного защитника интересов Православной Церкви в Османской империи. Процесс создания Греческого королевства позволил закрепиться в закрытой ранее православной культурной среде греческого Востока представителям протестантских государств: в первую очередь Англии и Пруссии. Греческие Патриархи умело использовали дипломатический ресурс этих стран для отстаивания своих интересов как перед турками, так и перед католиками на Востоке. Так, к началу Крымской войны Иерусалимской Патриархии удалось вернуть в свою юрисдикцию большую часть Святых Мест, которые были переданы католикам на основании знаменитых капитуляций 1740 г.

После Крымской войны ситуация ещё раз изменилась, причём по всем направлениям. Возросший авторитет и влияние Франции, покровительницы католиков в Турции, которая таким образом единствен-

ная после России имела свой законный интерес в Иерусалиме и в Палестине, грозили вновь обострить вопрос о Святых Местах. Но главное, во время Крымской войны французы всерьёз подняли вопрос о ремонте купола над Гробом Господним, что могло привести к пересмотру status quo в вопросе владения частями храма Воскресения.

В данных условиях Иерусалимский Патриарх не мог апеллировать к протестантам, а правительство Греции не имело нужного веса и законных прав для вмешательства в этот процесс наравне с Францией. Патриарх вспомнил о России, которая уже и сама напоминала о себе: в начале 1857 г. Иерусалим посетил представитель РОПиТ Б.П. Мансуров, за спиной которого стоял брат императора великий князь Константин Николаевич, а в марте того же года Александр II санкционировал возобновление деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и повысил ранг её начальника до епископа.

В Петербурге давали понять, что собираются укреплять своё пошатнувшееся влияние на Востоке. Но если с Русской Духовной Миссией всё решилось сравнительно быстро, то об открытии консульства в МИД официально не говорили. Глава дипломатического ведомства А.М. Горчаков утверждал, что на Востоке для России необходима не *политическая*, а *церковная* представительность⁹.

Однако архивный источник свидетельствует, что русский консул в Святом Граде был в тот момент более необходим для Иерусалимской Патриархии. Начальник Русской Духовной Миссии епископ Кирилл (Наумов) в разговоре с Иерусалимским Патриархом, который состоялся в Константинополе в конце января 1858 г., при проезде Миссии из России в Палестину, выразил сомнение в целесообразности учреждения отдельного русского консульства для Иерусалима. Патриарх возразил, что возобновление Русской Духовной Миссии «не может стать заменой постоянному консульству в Иерусалиме и делает его открытие только ещё более срочным делом»¹⁰. При этом Пат-

риарх указал на пример прочих европейских держав. В специальной депеше по этому поводу на имя А.М. Горчакова посланник в Константинополе А.П. Бутенев прямо указал: «Иерусалимский Патриарх горячо советует учредить русское консульство в Священном Граде»¹¹.

Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что, по мысли А.М. Горчакова, Русская Духовная Миссия как раз и становилась полноправным церковно-дипломатическим представительством МИД в Святой Земле. Направление каких-либо других дипломатов могло рассматриваться только как поддержка для Миссии. Любая структура, даже консульская, в данной конфигурации должна была находиться в подчинённом положении к начальнику Миссии. Именно это обстоятельство стало корнем многолетней конкуренции между консульством и Русской Духовной Миссией в Иерусалиме.

В тот же день А.П. Бутенев на свой страх и риск, под давлением Патриарха и, вероятно, с одобрения епископа Кирилла приказал яффскому вице-консулу Н.С. Марабутти обосноваться в Иерусалиме и «поступить в распоряжение нашей духовной миссии... вплоть до моего последующего распоряжения»¹². На Марабутти Бутенев указал Иерусалимский Патриарх, подтвердивший, что тот хорошо знает местные реалии.

В Петербурге на учреждении иерусалимского консульства настаивали представители РОПиТ, Б.П. Мансуров и согласившийся с их доводами великий князь Константин Николаевич. Консульство в Иерусалиме было частью принципиально иного проекта, предложенного Б.П. Мансуровым в декабре 1857 г. Консульство должно было стать независимым, полноправным и совершенно самостоятельным.

Мощным аргументом его противников стало отсутствие денег в МИД и в Казначействе для организации новой заграничной структуры¹³. Из письма Б.П. Мансурова к А.Б. Лобанову-Ростовскому от 15 (27) января 1859 г. мы узнаём, что РОПиТ не только согласилось обеспечить частичное содержа-

ние консульства, но и выделило деньги для проезда сотрудников из России в Иерусалим и их обустройства на месте, а также в течение года полностью содержало его за свой счет¹⁴. Штаты иерусалимского консульства были утверждены царём по представлению Горчакова лишь в конце декабря 1858 г.¹⁵ Когда конкретно МИД стал выплачивать содержание сотрудникам иерусалимского консульства, точно не ясно, но, судя по письму Мансурова, не ранее февраля-марта 1859 г.

Учреждение русского консульства в Иерусалиме было одобрено императором в рамках общих мер, предложенных Б.П. Мансуровым по улучшению быта православных паломников к Святым Местам. Вопрос был решён ещё в начале февраля 1858 г. Организация всего дела, включая и выбор кандидатуры первого русского консула, была передана на усмотрение Мансурова и РОПиТ. Мансуров предложил на должность консула своего товарища и сослуживца, с которым он работал в Крыму в 1855 г., В.И. Доргобужина. 10 февраля Горчаков в частном письме к А.П. Бутеневу распорядился вернуть Марабутти из Иерусалима назад в Яффу¹⁶.

Тем временем французская дипломатия развивала перед Портой вопрос о реконструкции купола над Гробом Господним. Едва Доргобужин в начале августа 1858 г. прибыл в Константинополь, в его честь тут же был дан обед французским консулом Тувенелем. Речь в неформальной обстановке сразу пошла о реконструкции купола. А.П. Бутенев пересказал эту беседу в письме Горчакову и лестно отозвался о действиях нового консула¹⁷. Анализируя этот рассказ, мы можем утверждать, что Доргобужин ехал на Восток хорошо подготовленным. Он был в теме, сумел направить разговор в выгодное для греков и России русло и одновременно нашёл компромиссные точки для взаимодействия с французами.

Ставка Патриарха Иерусалимского на появление русского консула в Иерусалиме была сделана верно. После войны в конце 1850-х гг. шло сближение между Россией и Францией, и Наполеон III был заинтересо-

ван в совместных проектах для укрепления этого процесса. Патриарх понимал, что французы не будут ссориться с русскими, и потому Россия в данном случае сможет гораздо эффективнее помочь Иерусалимской Православной Церкви, чем это могло бы быть ранее.

Таким образом, водворение русского консульства в Иерусалиме совершалось в доброжелательной и открытой обстановке. Сомневаться продолжали разве что представители европейских Церквей¹⁸, догадывавшиеся, что союз французских и русских дипломатов в Святом Граде не отвечает их интересам, да начальник Русской Духовной Миссии епископ Кирилл, который видел в лице Доргобужина и Мансурова соперников, а не соработников и товарищей.

Остается сказать о составе первого русского консульства в Иерусалиме. Согласно штатному расписанию МИД, в его состав входили два сотрудника: консул и секретарь. На деле же было совершенно иначе. На середину января 1859 г. в консульстве служили: консул В.И. Доргобужин, секретарь А.К. Кривошеин, сотрудник канцелярии (или писарь) П.Д. Левитов, драгоман М.О. Шехашири, которого Мансуров рекомендовал бейрутский генеральный консул Н.Е. Мухин, и два консульских каваса из местных жителей.

Мансуров, вынужденный вступить в объяснения с МИД из-за самоустранения последнего от жизнеобеспечения русского консульства в Иерусалиме, писал князю Лобанову-Ростовскому буквально следующее: «Вплоть до сегодняшнего дня весь этот персонал содержался за счет компании (т.е. РО-Пит. – *Авт.*) под тем предлогом, что он составляет торговое представительство, но поскольку в Иерусалиме не может быть иных интересов мореплавания и торговли, кроме как тех, что создаются притоком наших соотечественников, нетрудно убедиться, что нынешнее положение вещей в Иерусалиме ненормально и мало приличествует достоинству нашего правительства»¹⁹.

Привлечённые нами архивные источники позволяют рассматривать учреждение

русского консульства в Иерусалиме в контексте общих политических процессов, происходивших в Османской империи во второй половине 50-х гг. XIX в., а также вписать новые страницы его внутренней истории.

Примечания

¹ В Иерусалиме последовательно учреждались европейские консульства: британское (1838), прусское (1842), французское и сардинское (1843), американское (1844), австрийское (1849), испанское (1854), российское (1858).

² Назовем некоторые работы современных исследователей: Корнилов А.А. Создание и оперативные задачи российского консульства в Иерусалиме (1858–1859 гг.). <http://ippo.ru/history/dokons/2/> (Дата обращения 20.09.2014); Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. Очерк политических и культурно-религиозных отношений (XIX – начало XX в.). М.; СПб, 2003. С. 92–93; Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский Патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М., 2013. С. 335; Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами (вторая треть XIX в.). Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 2009. С. 165–169; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 297–308.

³ Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. М., 2000. Документы № 7, 9, 10, 11.

⁴ Российское дипломатическое и консульское представительство в Святой Земле // Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. С. 127–146.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Якушев М.И. Из истории русского паломничества. Консульство в Яффе и русские паломники в 1820–1838 годах // Свободная мысль. 2011. № 1 (1620). С. 175.

⁷ [Мансуров Б.П. Православные поклонники в Иерусалиме. СПб, Типография Морского министерства, 1857. 209 с.] Секретная записка, отпечатанная без имени автора и без названия в количестве нескольких десятков экземпляров.

⁸ «Ни о чём мы Вас не просим, как только о *защите* наших *прав*. Всё другое без вас кое-как добудем себе, а в этом никто другой нам не поможет». Слова, сказанные Патриархом Иерусалимским великому князю Константину Николаевичу в 1859 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 89.

⁹ *Титов Ф.И.* Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский (бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме). Очерки из истории сношений России с Православным Востоком. Киев, 1902. С. 116–117.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 161. СПб. Главный архив. IV – 2. Оп. 119. 1858–1860. Д. 22. Л. 17об. (пер. с фр.).

¹¹ Там же. Л. 20 (пер. с фр.).

¹² Там же. Л. 18об. (пер. с фр.).

¹³ В комментарии к «Записке» Мансурова Горчаков постоянно отсылает автора к министру финансов. См: Государственный архив Тамбовской области. Ф. 972. Д. 123. Л. 24–29об.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Главный архив. IV – 2. Оп. 119. 1858–1860. Д. 22. Л. 64 (пер. с фр.).

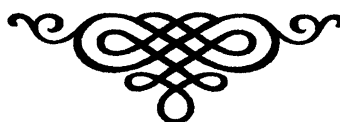
¹⁵ Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 63.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Главный архив. IV – 2. Оп. 119. 1858–1860. Д. 22. Л. 21 (пер. с фр.).

¹⁷ Там же. Л. 36–39 (пер. с фр.).

¹⁸ В первом донесении из Иерусалима Доргобужинцов сообщал, что «из наличных властей иерусалимских не были у меня ещё протестантский епископ, за отсутствием, Патриарх Валерга и французский ревердиссимус». Там же. Л. 10об.

¹⁹ Там же. Л. 64об. – 65 (пер. с фр.).

М.С. Шаповалов

БАНКИ ПАЛЕСТИНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
По донесениям Императорского российского генерального консула
в Иерусалиме А.Ф. Круглова*

Российское экономическое проникновение в Палестину в конце XIX – начале XX в. значительно запаздывало по сравнению с укреплением духовных и политических позиций империи. Долгое время в России видели в Палестине прежде всего Святую Землю. Не случайно министр иностранных дел России в 1910–1916 гг. С.Д. Сазонов акцентировал: «Была ещё другая турецкая область, имевшая в глазах русского народа чрезвычайно важное значение. Это Палестина, куда столетиями направлялась непрерывная струя русских паломников на поклонение Святым Местам»¹. Вопрос поддержки экономического присутствия в Палестине в российском правительстве серьёзно начал подниматься лишь в конце первого десятилетия XX в., когда основные европейские державы уже прочно укрепились на рынках Святой Земли.

Российским консульским чиновникам в Иерусалиме приходилось лишь констатировать успехи европейских держав, всячески призывая Санкт-Петербург активизироваться в помощи отечественному бизнесу на Святой Земле. Одним из основополагающих шагов в этом направлении стало создание русского банка в Палестине. Этому вопросу было посвящено несколько донесений генерального консула Российской империи в Иерусалиме в 1908–1914 гг. Алексея Фёдоровича Круглова, в которых он подробно анализировал банковскую систему Палестины, сложившуюся к 1913 г. Фактически донесения Круглова представляют собой «взгляд извне» профессионального дипломата и оче-

видца событий на палестинскую политику ведущих европейских держав, что делает данные документы важным источником.

В приложении к донесению императорского российского генерального консула в Иерусалиме А.Ф. Круглова 1912 г. описание Палестины мало отличалось от типичных записок его европейских коллег и путешественников: «К северу от египетской границы до южных пределов бейрутского вилайета между Средиземным и Мёртвым морями лежит безводная сухая область с двумя низменностями на западе и востоке и цепью малых гор посередине – это Иерусалимский мутесаррифлик»².

При этом, актуализируя необходимость создания русского палестинского банка, российский генеральный консул достаточно трезво и дальновидно оценивал перспективы палестинского рынка: «Производительность мутесаррифлика³ и настоящее состояние его торговли далеко не соответствует тем благоприятным условиям, в которых находится эта страна»⁴. По данным российского консульства, товаропоток в Иерусалимском мутесаррифлике с 1895 г. по 1911 г. вырос более чем в 3 раза, с 178 тыс. франков до 580 тыс. франков, а пассажиропоток за тот же период с 330 тыс. до 722 тыс. человек.

Показал значительный рост и торговый оборот Иерусалимского округа: если в 1908 г. он составлял 7,596 млн руб. ввоза и 5,260 млн руб. вывоза, то в 1911 г. совокупный торговый оборот составил 17,7 млн рублей, из которых 62% составлял ввоз и 38% вывоз⁵. Статистические данные позволили А.Ф. Круглову сделать вывод, что «отмеченный выше рост торговых оборотов, особенно по экспорту, указывает на постоянный прилив денег извне. А это обстоятельство в свою очередь даёт основание то-

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ по программе поддержки молодых ученых 2013–2014 года № 13-31-01256 – «Палестинский фактор внешней политики Британии в первой трети XX в.».

му значительному денежному обращению, которое в действительности наблюдается в мутесаррифлике»⁶.

Такая благоприятная ситуация для развития финансового сектора сложилась в Палестине только в первое десятилетие XX в. До этого в 1840–1860-х гг. две попытки открыть частные банковские учреждения окончились полной неудачей из-за отсутствия в Палестине «солидной клиентуры» и «соответствующей капитализации предприятий». Отсутствие необходимых условий для развития бизнеса на Святой Земле срачивало любое экономическое проникновение европейских государств с проникновением политическим.

Первым государством, решившим значительно усилить своё влияние в Палестине в конце XIX в., была Франция. Французское правительство и французский капитал сделали ставку на комплексное проникновение в палестинскую экономику. В 1892 г. французская компания получила право на строительство железной дороги Бейрут – Дамаск. В том же году открылась французская дорога, соединившая порт Яффу с Иерусалимом. В 1898 г. французская компания «Виталис» получила концессию на строительство всех проектируемых железных дорог в Сирии и Палестине.

В 1892 г. одновременно с проведением Яффско-Иерусалимской железной дороги открылось Отделение Лионского кредита, деятельность которого приобрела фактически монопольный характер. Как докладывал А.Ф. Круглов: «Понятно, что при таких обстоятельствах последнее могло совершенно свободно располагать выбором клиентуры. Наиболее солидными представителями последней признавались в разное время начавшие свою деятельность религиозные общины и конгрегации. На них главным образом и сосредоточилась деятельность отделения»⁷. Самыми крупными клиентами банка были английское общество «Church Mission Society» (1 млн фр.), Еврейский всемирный союз (50 тыс. фр.), Османский банк (200 тыс. фр.), банки Немецкий и Англо-Палестинской компании (200 тыс. фр.). Благода-

ря монополии годовой оборот Иерусалимского Лионского кредита составлял около 11 млн франков, а всего за год, по бухгалтерским бумагам, через него проходило около 15 млн франков⁸. Даже после появления конкурентов, потеряв монополию, французы в финансовой сфере долгое время сохраняли лидерство.

Французский опыт проникновения в Палестину был проанализирован и учтён германским правительством, которое предполагало не столько достичь усиления влияния, сколько колонизовать Святую Землю. В 1897 г. в целях «самого широкого содействия германской колонизации Святой Земли» в Берлине открылся Немецкий палестинский банк с двумя отделениями в Яффе и Иерусалиме⁹. В 1913 г. отделения банка, кроме Иерусалима, располагались в Бейруте, Хайфе, Яффе и ливанском Триполи. При этом отделение в Яффе получило право выдавать потребительские ссуды, что должно было стимулировать потребление немецких товаров у местного населения. Отделения пользовались полной самостоятельностью с обязательством лишь предоставлять ежемесячные отчеты банку в Берлине, откуда приходили директивы общего характера.

А.Ф. Круглов отмечал: «То отношение, которое с первых шагов своей деятельности занял банк в местной торговле, сообщило ему устойчивое положение в начале и обеспечило успех в дальнейшей деятельности. Об этом лучше всего говорят его дивиденды за последнее пятилетие, с 1907 г. по 1909 г. они неизменно составляли 6%, а за следующие два поднялись до 7%. В этом отношении устойчивость дивидендов заслуживает особого внимания ввиду крайней неблагоприятно сложившейся торговой конъюнктуры вообще, вследствие бойкота австрийских товаров, плохого урожая и падения цен на товары»¹⁰. По бумагам общая сумма оборотов Немецкого Палестинского банка исчислялась в 90 млн франков, однако, по оценкам Отделения Лионского кредита, в действительности банк оперировал суммой лишь в 9 млн франков.

В целом в выводах о деятельности германского банка генеральный консул Российской империи сохранял особую настороженность и обеспокоенность. В донесении в отдел торговли Министерства торговли и промышленности 23 августа 1912 г. он предостерегал: «Германо-палестинский банк, хотя официально не является еврейским, но тоже преследует цель распространения германского влияния в стране. Стараются привлечь к себе еврейское население и, германизируя его, на почве деловых отношений облегчить германскому представителю усилия по созданию в Палестине нового германо-еврейского элемента»¹¹.

Отличным путём формировалось британское финансовое присутствие в Палестине, оно было прежде всего представлено капиталом еврейским. А.Ф. Круглов писал: «Могущественное содействие германской колонизации, оказанное, несомненно, Немецким банком, побудило и сионистов к организации своего подобного же учреждения. Собранные путём пожертвований необходимые для того деньги скоро составили солидный капитал в 50 тыс. фунт. ст., и в 1903 г. в Лондоне был открыт в целях содействия еврейской колонизации Банк Англо-Палестинской компании»¹².

Российский генеральный консул уделил Банку Англо-Палестинской компании в своих донесениях большое внимание, подробно сообщая своему руководству о его организационной структуре и методах работы. Именно Англо-Палестинский банк представлялся А.Ф. Круглову наиболее удачным примером для создания аналогичного русского учреждения в Палестине. Он писал: «Учреждения эти были организованы еврейскими колонистами исключительно в видах предоставления мелкой торговле некоторого оборотного капитала, мысль, как нельзя более отвечающая действительным потребностям значительной части колонистов. К тому же само дело было поставлено рационально. Каждый член общества вносил в банк 10% суммы открываемого ему кредита, за поручительством всех членов, в пределах этой суммы пользуется кредитом с платой 7% годовых.

Принимая во внимание эту солидарность, которую отличают члены еврейской колонии, и ту сравнительную лёгкость, с которой для них представляется возможность определить в каждый данный момент кредитоспособность любого из членов общества, можно с уверенностью сказать, что дела с этими обществами представляются для банка лишёнными всякого риска и дающими сравнительно высокий доход. В то же время мелкий кредит в значительной степени поддерживает еврейских торговцев и ремесленников, содействуя таким образом их благосостоянию и увеличению оборотов банка. Понятно, что при таких обстоятельствах операции его с обществами взаимного кредита развивались самым нормальным образом»¹³.

Крайне удачная организация деятельности банка привела к быстрому его росту. Банк Англо-Палестинской компании первоначально имел отделения в Яффе и Иерусалиме, а затем распространил свою деятельность на Бейрут и Хеврон. Через 5 лет после открытия банк мог констатировать чистую прибыль за 1908 г в 4 494 ф.ст., а дивиденды предприятия дали 4%. Активные операции банка к концу 1908 г. достигали 12 516 ф. ст., число отдельных обществ, состоявших клиентами банка, составляло 20 с общим числом членов около 900. И наконец, что «всего знаменательнее, эти операции с обществами взаимного кредита обошлись для банка без малейших потерь»¹⁴.

В Яффском отделении клиентами банка были не только еврейские колонисты, но и банкиры и корреспонденты. Единственным провальным отделением Банка Англо-Палестинской компании на 1908 г. стало представительство в Бейруте. Незначительным оказался и оборот в Хевроне.

Содержание Банка Англо-Палестинской компании обходилось его владельцам чуть дороже 40 тыс. франков (при средней цене в 35 тыс.), из которых на помещения уходило 3200¹⁵.

Анализируя перспективы развития банка, А.Ф. Круглов обращал внимание на порт Хайфу: «Значение её основывается на тех

более выгодных условиях, в которых находится Хайфа в отношении доступа со стороны моря по сравнению с Яффой. Вдающаяся здесь в берег часть моря образует некоторую природную бухту. С другой стороны Хайфа связана железнодорожным путём с Хиджазской дорогой. Всё это вместе взятое делает Хайфу некоторым центром в этой части Галилеи с городами Сафед и Тивериадой. Если прибавить к этому наличность еврейских колоний Галилеи, то будет вполне понятным, почему англо-палестинская компания решила именно в эту сторону направить развитие своей деятельности»¹⁶.

Отделение в Хайфе было открыто в 1908 г., а в сентябре 1910 г. в Сафете, что в совокупности придало банку новый импульс развития, несмотря на общие неблагоприятные условия, сложившиеся под влиянием итальянской войны. В 1910 г. дивиденды банка достигли 4,5%, дела с обществами взаимного кредита увеличились примерно на 33%, депозиты и текущие счета банка дали увеличение на 10%¹⁷. В 1912 г. Иерусалимское отделение банка стало заниматься посредничеством по покупке земель еврейскими поселенцами.

Баланс по активу и пассиву палестинских отделений банка в 1912 г. составил 12,031 млн франков, около 60% из этой суммы по активу приходились на векселя и ценные бумаги. Наиболее значительными операциями по пассиву были контокоррентные и депозитные, составлявшие в общей сложности немного более 57% всего пассива. Заметно увеличилась чистая прибыль банка: если в 1904 г. она составляла 9 тыс. франков, а в 1908 г. – 120 тыс. франков, то в 1912 г. уже 163 тыс. франков. В целом в 1912 г. оборот Иерусалимского отделения банка составил 11 млн франков¹⁸.

Банк Англо-Палестинской компании демонстрировал заметную динамику в 1904–1912 гг., в результате он даже обошёл по обороту средств Немецкий банк и вплотную приблизился к Отделению Лионского кредита.

Менее оптимистично на фоне европейских банков обстояли дела у банков осман-

ских, хотя на это был свой комплекс причин.

А.Ф. Круглов докладывал: «Совершенно особые причины вызвали открытие в Иерусалиме отделения Оттоманского банка. Неудовлетворительное положение дел по сбору государственных доходов вместе с частыми злоупотреблениями в этом отношении. <...> Нет никакого сомнения, что, открывая здесь своё отделение, банк не ограничивается в своей деятельности лишь этими функциями фискального характера»¹⁹.

Такое же второстепенное значение имел для экономической жизни мутесаррифлика открывшийся в 1909 г. Коммерческий палестинский банк. А.Ф. Круглов отмечал: «Учреждение это создавалось искусственно под влиянием подъёма, которым вообще ознаменовался в Турции 1909 г. При основании он имел широкие задачи содействия отечественной промышленности и удержания капиталов в стране. Задачи эти по причинам общего характера никогда в действительности не выполнялись»²⁰.

В заключение описания банковской системы Палестины А.Ф. Круглов делал несколько важных выводов:

1. Несомненно, жизненное значение имеют Англо-Палестинский банк и Немецкий палестинский банк, и, несмотря на сокрушение, Отделение Лионского кредита.

2. Все эти учреждения имеют несомненно преимущественно политическое значение, ставя себе задачи укрепления того или иного иностранного влияния путем усиления и развития существующих в мутесаррифлике иностранных колоний, иностранных религиозных общин и всякого рода предприятий.

3. Несомненно, однако, и то, что все эти три учреждения черпают содержание своей деятельности в тех действительно существующих условиях экономической жизни, в которых находятся в настоящее время пребывающие здесь иностранные колонии и общины.

Наконец, резюмируя своё донесение, А.Ф. Круглов формулирует рекомендацию российскому правительству: «Другой точ-

кой приложения является обширная колония русских евреев, численность которых в данный момент измеряется тысячами, а иммиграция за последнее время только усилилась. Среди членов этой колонии немало людей деятельных, давно уже устроившихся в Палестине и занимающихся торговлей. <...> Не следует упускать из виду некоторой суммы различных вкладов, вносимых проживающими здесь русскими евреями главным образом в Англо-Палестинский и Немецкий банки»²¹. Тем самым российский генеральный консул в Иерусалиме указал на главную особенность функционирования европейских банков в Палестине. Каждое государство, размещая свой капитал, опиралось на определенную этно-конфессиональную группу. Французы оперировали прежде всего средствами христианских миссионеров, германский финансовый сектор делал ставку на немецких колонистов, английские банки имели успех только благодаря росту еврейской общины. При этом никто из игроков не рассматривал собственно местное население в качестве сколько-нибудь значимого фактора проведения финансовой политики. Примером этого служил провал работы оттоманских банков на фоне роста банков европейских.

А.Ф. Круглов в своих донесениях смог понять и сформировать главное преимущество России. Русский банк мог бы аккумулировать как деньги православных паломников, поток которых увеличивался каждый год, так и средства набравшей силу русской волны евреев-переселенцев. Однако Первая мировая война, а затем революция не позволили воспользоваться очевидными преимуществами России.

К 1920 г. Палестина, её экономика и финансовый сектор постепенно перешли в руки Великобритании. И в дальнейшем освоении Палестины у англичан не будет выбора иначе, как опереться на евреев и еврейский капитал. И если с точки зрения политики Декларация Бальфура и обещание «национального очага» еврейскому народу в Палестине могли бы расцениваться как шаг временный или вынужденный, толкаемый ин-

тересами войны и дипломатии, то с точки зрения экономики Декларация Бальфура была совершенно естественным и единственно возможным шагом.

Примечания

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 290–291.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Министерство торговли и промышленности. Оп. 11. Д. 31. По донесениям Генерального консула в Иерусалиме об экономическом положении Иерусалимского мутесаррифлика в связи с открытием русского банка. Л. 23.

³ Мутесаррифлик представлял собой санджак обыкновенного вилайета, но подчинённый не администрации вали, а напрямую турецкому министерству внутренних дел.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 31. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же. Л. 35.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 15.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ Там же. Л. 17.

²¹ Там же. Л. 21.

П.А. Лапин

ОЧЕРК НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ МОНГОЛОВ В КИТАЕ ВО ВРЕМЯ ДИНАСТИИ ЦИН

В начале XVII в. на северо-восточных рубежах тогдашнего Китая активизировались чжурчжэньские племена, объединённые ханом Нурхацци (1575–1626), который в 1616 г. стал основателем государства Цзинь. Централизация разрозненных племён под единым началом укрепила этот кочевой союз. Первоначально связанные с минским двором отношениями вассалитета, чжурчжэни вскоре отказались подчиняться Пекину и активизировали свою внешнюю политику. В 1636 г. сын Нурхацци Хун-Тайцзи (также известный как Абахай, 1627–1644) завоевал южные монгольские племена и объявил о создании маньчжурского государства Цин со столицей в Шэнцзине (совр. г. Шэньян, КНР). В 1644 г. маньчжуры заняли Пекин, основав там династию Цин (1644–1911). После захвата Китая политика по собиранию окраинных земель империи вокруг нового политического центра продолжилась. В 1691 г. свою вассальную зависимость от Пекина подтвердили влиятельные ханы Северной Монголии (Халхи).

Включение разрозненных монгольских княжеств и ханств в маньчжурское государство требовало организации на новоприсоединённых территориях централизованной системы управления. Важным практическим шагом в этом направлении стала разработка маньчжурами национального законодательства, способного закрепить монгольские земли за Цинской империей и нейтрализовать деятельность местной военно-политической элиты по образованию возможных очагов сопротивления.

Распространение нового законодательства среди монголов шло параллельно с захватом маньчжурами этих территорий. Ещё в 1633 г. Хун-Тайцзи направил в южно-монгольские княжества своих представителей во главе с сановником Ашидарханом «для обнародования высочайше утверждённых

законов»¹. В 1635 г. монгольским князьям, прибывшим в Шэнцзин на аудиенцию к маньчжурскому хану, были оглашены узаконения по уголовному и семейному праву². Свою речь правитель закончил словами: «Те, кто не будут с уважением относиться к законам моего государства, неминуемо будут наказаны»³. Эти правовые акты позже были объединены в единый корпус документов, получивший название «Шэнцзинские правила» (кит. «Шэнцзин динли»)⁴.

Уже тогда законотворческая деятельность маньчжуров начала приобретать важные, с политической точки зрения, черты. С учётом значимости контактов с монголами в маньчжурской администрации в 1636 г. учреждается специальное ведомство – Монгольский приказ (кит. *Мэнгу ямэнь*), в 1638 г. переименованный в Палату по делам вассальных территорий (кит. *Лифаньюань*). В этой службе, в частности, было организовано четыре территориальных департамента по регулированию различных аспектов маньчжуро-монгольских отношений и один функциональный отдел⁵. Вопросы кодификации национального законодательства для монгольских княжеств и ханств курировал департамент судебных дел (кит. *Лисинсы*)⁶. При подготовке правовых документов «тщательно учитывалась специфика монголов»⁷, что обеспечивало формирование «благоприятной социальной среды», необходимой для продолжения успешной кампании по присоединению всей Монголии⁸.

В 1643 г. на базе «Правил» был составлен и обнародован новый сборник – «Монгольские законы» (кит. «*Мэнгу люйшу*»)⁹. В него вошли законы для монголов, изданные в период с 1627 по 1643 г.¹⁰ Впоследствии «Законы» редактировались в 1657, 1658 и 1660 гг.¹¹, а в 1667 г. вышла последняя редакция этого свода¹², насчитывавшая 77 статей¹³. Законодательные акты помещались в

этот правовой корпус без учёта времени их опубликования¹⁴.

Включение Северной Монголии в Цинскую империю привело к дальнейшему реформированию национальной правовой системы. В 1696 г. Лифаньюань на базе «Монгольских законов» издал новый сборник законодательств «Монгольское уложение» (кит. «*Мэнгу люйли*», мнг. «*Цааджин бичинг*»), в которое вошли маньчжурские правовые акты для монголов на 1627–1694 гг.¹⁵ Это был первый единый корпус законов, «включавший нормы государственного, гражданского, уголовного и судебного права, во многом основывающегося на традиционном монгольском обычном праве»¹⁶.

«Монгольское уложение» состояло из 152 статей¹⁷ и являлось «самостоятельным сводом законов, выработанным маньчжурскими правителями для монголов как раз в период покорения маньчжурами соседних народов и становления Цинской империи»¹⁸. В 1741 г. департамент судебных дел Лифаньюаня провёл первую кодификацию «Уложения»¹⁹, а в 1749 г. ревизия сборника была проведена повторно²⁰. Впоследствии этот корпус законов исправлялся и дополнялся неоднократно: масштабные кодификации проводились в 1759, 1766, 1777, 1785, 1789 гг.²¹. Как указывают китайские исследователи, в настоящее время в Китае и за рубежом сохранилось более 10 редакций этого свода правовых актов, выпущенных в разное время и на разных языках²².

На территории Северной Монголии «Монгольское уложение» действовало вместе со сборником законов «Халха Джирум», или «Трёх-хошунное Великое уложение» (кит. «*Хаэрха цзиньлин*»; также называют «*Сань ци да фадянь*» или «Великий кодекс трёх знамён»)²³, включившим все основные законы и постановления, принятые на съездах крупнейших северо-монгольских правителей во главе с Тушету-ханом, Цэцэн-ханом, Дзасакту-ханом с 1709 по 1770 г.²⁴ «Халха Джирум» весьма органично дополнялся содержанием «Монгольского уложения», так как первый сборник больше регулировал внутреннюю жизнь трёх хошунов

(тушету-ханский – располагался в центральной части Халхи; цэцэн-ханский – в восточной части; дзасакту-ханский – в западной), тогда как «Цааджин-Бичик» – межмонгольские отношения²⁵.

В конце XVIII – начале XIX в. работа по кодификации «Монгольского уложения» продолжилась. В 1789 г. «Уложение» было частично отредактировано и опубликовано на трёх языках (монгольском, китайском и маньчжурском). В то время оно включало 209 статей, разнесённых на 12 глав-цзюаней, и состояло из четырёх книг²⁶. В 1805 и 1814 г. были проведены дополнительные мероприятия по обновлению сборника, причём по итогам последнего в 1814 г. сам текст «Уложения» не был изменён, а все дополнения (23 статьи) были включены в него в виде отдельного приложения²⁷.

С начала XIX в. в Лифаньюане велись работы по созданию единого унифицированного свода правовых документов для этой службы – «Уложения Палаты по делам вассальных территорий» (кит. «*Лифаньюань цзэли*»)²⁸. С учётом утверждённых правил по составлению подобных сборников «цзэли» должно было включать нормативно-должностные инструкции, на которых строилась работа самого ведомства, а также содержать законодательные акты для монголов, джунгаров (западные монголы), Тибета и Кашгарии (Восточный Туркестан). Сюда же предполагалось включить основные правовые нормы, регулировавшие отношения Цин с Россией (поскольку в цинской администрации именно это ведомство курировало российско-китайские контакты).

Первые попытки издания «Уложения» Лифаньюаня в контексте упорядочения работы Пекина с монголами были предприняты ещё в 1750-х гг., когда в этой службе появилось «Рукописное Уложение Палаты по делам вассальных территорий, составленное в Дворцовом управлении в период правления Цяньлун» (кит. «*Цяньлун нэйфу чаобэнь лифаньюань цзэли*»)²⁹. «Рукописное уложение» не делилось на главы, каждая из частей описывала деятельность одного из департаментов Лифаньюаня, там «давалось

общее описание ситуации в различных монгольских княжествах в период начиная с ранних годов правления Шуньчжи (середине XVII в.) до 22 года правления Канси (1755)³⁰.

Подготовка этого корпуса документов позволила накопить важный практический опыт, который был задействован в будущем. В 1811 г. глава Лифаньюаня Цингуй направил на имя императора доклад с просьбой разрешить его ведомству приступить к разработке полноценного «Уложения» Лифаньюаня. «Разысканиями было установлено, – докладывал чиновник, – что в Палате имеется уложение («Монгольское уложение». – *Авт.*), написанное на маньчжурском, монгольском и китайском языках и содержащее 209 статей. С 54 года правления Цяньлун (1789), когда оно было [повторно] опубликовано, к настоящему времени прошло более 20 лет. Все высочайше утверждённые указы, а также доклады чиновников императору не были распространены»³¹. В конце доклада Цингуй испрашивал разрешения монарха приступить к подготовке нового «Уложения» и получил утвердительный ответ³².

С целью организации работ в 1811 г. в системе Лифаньюаня создаётся новое подразделение – Комиссия по составлению Уложения Палаты по делам вассальных территорий (кит. *Лифаньюань цзэли гуань*). Из чиновников, служивших на должностях канцеляристов (кит. *сююань*) и писарей (кит. *битеши*), были отобраны четыре старших редактора и восемь младших для работы над сборником, для организации перевода привлечены десять переводчиков маньчжурского, китайского и монгольского языков, а для обработки текстов – ещё двадцать копиистов. На подготовку «Уложения» было дано три года³³.

За основу нового сборника было взято «Монгольское уложение». При кодификации из прежних 209 статей 20, ввиду потери актуальности, были отменены, среди оставшихся 189 статей 178 были отредактированы и изменены, а две из них объединены с другими в рамках сборника. Кроме того, бы-

ли тщательно изучены все нормативные документы, регулировавшие контакты Пекина с монголами начиная с периода правления императора Шуньчжи (1644–1661), в результате чего в «цзэли» включили ещё 526 статей. Отредактированное «Уложение» в итоге стало насчитывать 713 статей, разнесённых на 63 цзюаня³⁴.

В конце 1815 г. новоназначенный глава Лифаньюаня Хэшитай и отвечающий при дворе за дела этого ведомства придворный советник Тоцзинь направили доклад на имя императора с просьбой утвердить первую редакцию «Лифаньюань цзэли» на китайском языке. «Уложение» было утверждено и в 1817 г. отпечатано. В 1817 г. издаются переводы «Уложения» на маньчжурском и монгольском языках. Распространение нового кодекса на местах началось в 1818 г.³⁵. Сборник разослали во все центральные ведомства империи, в города Шэнцзин (совр. Шэньян), Жэхэ, Или, а также военным губернаторам (кит. *цзяньцзюнь*), ведавшим монгольскими делами, и их заместителям (кит. *фудутун*); его также получили все монгольские князья от первой до четвертой степени, наместники Пекина в Тибете и Кашгарии. Для этих нужд в общей сложности на трёх языках было отпечатано шестьсот экземпляров «цзэли»³⁶.

В 1817 г. все работы по составлению первой официальной редакции «Уложения» были завершены. Появление этого сборника унифицировало деятельность Палаты и повысило качество исполнения ею своих функций. Однако, несмотря на новый свод узаконений, фактически заменивший все прежние правовые сборники для монголов, работники Палаты по традиции иногда называли «Уложение Лифаньюаня» «Монгольским уложением»³⁷.

Значительное место в этом корпусе документов отводилось монгольским делам, что лишний раз подчёркивало важность этого приграничного района для центральных властей в Пекине. Из 64 глав-цзюаней 55 касались Монголии³⁸. Вошедшие в «цзэли» положения были актуальны и практичны, обеспечивали многогранную и сложную по-

литику цинского двора на монгольском направлении и одновременно предоставляли прочные правовые гарантии местной военно-политической и религиозной верхушке, защищали её интересы.

Вскоре после выхода в свет первой редакции «Уложения», в 1823 г., в Лифаньюане была осуществлена повторная кодификация «цзэли», успешно завершившаяся в 1827 г. изданием обновлённой редакции этого законодательного сборника³⁹. Активное развитие национальной политики в монгольских княжествах в будущем продолжало ставить вопрос о плановых преобразованиях имевшейся там правовой системы. В 1843⁴⁰ и 1891⁴¹ гг. проводились дополнительные кодификации «Уложения», а в 1906 г., в связи с преобразованием Палаты (юань) по делам вассальных территорий в одноимённое Министерство (бу), была предпринята последняя попытка внести некоторые изменения в этот правовой сборник⁴².

Де-юре «Лифаньюань цзэли» как основной свод законов для значительной части национальных меньшинств, заселявших северные и северо-западные рубежи Цинской империи, было аннулировано после Синьхайской революции 1911 г. вслед за расформированием самого Лифаньбу и созданием на его основе Бюро по делам Монголии и Тибета (кит. *Мэн цзан ши'у цзюй*). Однако фактически действие этого сборника сошло на нет гораздо раньше: «С течением времени и ослабеванием Цинского государства, — справедливо отмечал китайский историк Ян Сюаньди, — *цзэли* начало утрачивать своё значение, а запретительные указы [помещённые в него] к концу правления династии Цин постепенно превратились в пустые слова»⁴³.

Монгольские княжества и ханства, первыми вошедшие в состав Цинской империи, в стратегическом плане были весьма важны для пекинских властей. С одной стороны, этот приграничный район служил своеобразной буферной зоной, отделявшей центральные области Китая от России, с которой, несмотря на подписанные международные соглашения (Нерчинский договор

1689 г. и Кяхтинский трактат 1727 г.), по-прежнему имелось немало нерешённых вопросов, включая пограничные. Монголы также были составной частью цинской «восьмизнаменной» армии и входили в состав государственного аппарата. С другой стороны, в Пекине понимали, что установить полный контроль над этой группой кочевников весьма непросто (особенно над ханами Северной Монголии). Монгольская военно-политическая элита, формально признававшая своё данническое положение перед Пекином и проявлявшая лояльность к новой власти, тем не менее продолжала сохранять в своих племенах реальную власть, хорошо подкреплявшуюся материально со стороны тех же маньчжуров.

В подобных условиях от продуманности и дальновидности политических решений маньчжуров во многом зависело то, насколько стабильным в политическом плане будет этот стратегический для них регион. Поэтому маньчжурские правители пытались закрепить эти земли за империей не только путём установления над ними военного и экономического контроля (хотя это также было важно), но и через разработку юридических норм, правовым образом оформлявших включение Монголии в состав маньчжуро-цинской империи.

Стоит сказать, что законодательство для монголов было своевременным и актуальным, соответствовало сложившейся политической ситуации. Лишь за короткий период, со второй четверти до последнего десятилетия XVII в. (когда в состав Цинской империи вошли южные и северные монгольские княжества), маньчжуры разработали и распространили в Монголии четыре сборника правовых актов, а также значительное количество разрозненных указов цинских монархов и других нормативных документов, носивших инструктивный характер.

Маньчжурское законодательство хорошо вписывалось в монгольскую правовую систему и органично её дополняло. Законотворческая практика в Монголии, зародившаяся там задолго до маньчжурского вторжения, не отличалась новизной и была во

многом архаичной. Понимая это, маньчжуры старались включать в свои правовые акты положения, понятные монголам⁴⁴. Усиливалось значение применяемого в Монголии маньчжурского законодательства и то, что все законы, направляемые туда, проходили процедуру утверждения императором, то есть приобретали некую высшую сакральную и духовную силу.

Разработка и распространение в ранний период династии Цин в этом районе маньчжурских законов создало благоприятные условия для подготовки в Лифаньюане более совершенного корпуса правовых документов – «Уложения Палаты по делам вассальных территорий», значительная часть правовых актов которого была посвящена контактам Пекина с монголами. С появлением «цзэли» кодификация монгольского обычного права была продолжена, но осуществлялись эти мероприятия на более высоком уровне. Как и прежде, важным являлась актуальность и новизна законодательских инициатив, поэтому плановые ревизии этого корпуса законов считались важным мероприятием Лифаньюаня. За всю свою историю «Уложение» дорабатывалось и обновлялось пять раз, причём три последних кодификации проходили на фоне глубокого политического кризиса, поразившего всю систему государственной власти Цинской империи. Именно актуальность и своевременность позволяли этому сборнику законодательств оставаться востребованным в течение продолжительного времени и даже после крушения Цинской империи и образования нового немонархического государства.

«Цзэли» имеет большое значение и с научной точки зрения как памятник цинского законодательства для монголов. «Оно («Уложение» Лифаньюаня. – *Авт.*) представляет весьма любопытную картину настоящего положения Монголии в политическом и нравственном отношении. Статистик найдёт здесь обильные материалы для своих соображений», – ещё в первой половине XIX в. говорил о нём один из создателей отечественной монголистики О.М. Ковалевский⁴⁵.

Примечания

¹ *Цин шилу. Тайцзун вэнь хуанди шилу* (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Тайцзун). Т. II. Пекин, 1985. Цз. 16. С. 212. Это была одна из первых попыток распространить в южно-монгольских княжествах законы будущей Цинской империи. После восшествия Хун-Тайцзи на престол направление узаконений в Монголию продолжилось. Вскоре все эти разрозненные акты были объединены в единый юридический сборник, получивший название «Монгольские правила» (*Мэнгу люй*) (см.: *Цин шилу. Тайцзун вэнь хуанди шилу* (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Тайцзун). Т. II. Пекин, 1985. Цз. 5. С. 67, 70). Важной особенностью распространявшихся тогда указов было то, что они были «высочайше утверждены», то есть получили одобрение маньчжурского правителя (в китайской традиции – обряд «циндин»). Стоит сказать, что утверждённый таким образом указ приобретал особый статус. Чиновник, получивший этот документ, уже не рассматривал его как простой правовой акт, но видел в нём волю монарха. Встраивание сакрального элемента в юридическую практику являлось важной составной законодательской практики в Китайской империи, и Цины, «переняв эту традицию, начали активно пользоваться ею при установлении своего контроля над национальными меньшинствами, проживавшими в приграничных районах» (см.: *Гун Мэн. Циндай миньцзу фачжи гайшу* (Очерк о системе национального права во время династии Цин) // *Си'нань миньцзу сюэюань сюэбао* (чжэ-сюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2002. № 7. С. 185).

² *Цин шилу. Тайцзун вэнь хуанди шилу* (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Тайцзун). Т. II. Цз. 17. С. 221.

³ Там же. Вообще у монголов к тому времени уже сложилась своя законодательская традиция. Первым сборником законоположений этих кочевых племён считается яса (по-тюркски – «закон», «постановление», «запрет», «наказание») Чингисхана, появление которой датируется примерно началом XIII в. (см.: *«Халха Джирум»*. Памятник монгольского феодального права XVIII века. М., 1965. С. 4–8). В конце XVI – первой трети XVII в. на съездах крупнейших князей Северной Монголии были приняты так называемые «Восемнадцать степных законов», впоследствии послужившие основой для разработки более совершенных монгольских национальных сборников права (подробнее см.: *Восемнадцать*

степенных законов: памятник монгольского права XVI–XVII вв. / Перевод с монгольского, комментарии и исследование А.Д. Насилова. СПб, 2002. С. 9).

⁴ *Цин ши гао* (Черновые записи истории Цин). Т. XV. Пекин, 1976. Цз. 142. Чжи 117. Синфа 1. С. 4182.

⁵ Департамент Внутренней Монголии (кит. «Цицзисы»), Департамент по приёму князей и высших лам Внутренней Монголии (кит. «Ванхуэйсы»), Департамент Внешней Монголии, Джунгарии, Кукунора и Тибета (кит. «Дяньшусы»), Департамент по приёму князей и высших лам Внешней Монголии (кит. «Жоуяньсы»), Монгольский архив (кит. «Мэнгу фан»).

⁶ Подробнее о структуре Палаты по делам вассальных территорий и её месте в регулировании маньчжуро-монгольских контактов см., например: Ван Чжунхань. Шилунь лифаньюань юй мэngu (К вопросу о [связях] Палаты по делам вассальных территорий с Монголией) // Цинши яньцзю цзи. 1984. № 3. С. 166–179; Ма Цинлянь. Циндай лифаньюань чжи сыфа гуанься цюань чутань (Первичный анализ судебных полномочий цинской Палаты по делам вассальных территорий) // Сысян чжаньсянь. 2009. № 6. С. 137–138; Чжао Юньтянь. Циндай чжили бяньцзян дэ шуню – лифаньюань (Цинское учреждение по управлению пограничными территориями – Палата по делам вассальных территорий). Пекин, 1995.

⁷ Ян Сюаньди. Лунь цинчао дуй мэngu дицюй дэ лифа (О законодательстве в монгольском регионе во время династии Цин) // Нэй мэngu ши-фань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2000. № 5. С. 46.

⁸ Чжао Юньтянь. Циндай мэngu чжэнцзяо чжиду (Политико-религиозная система в Монголии во время династии Цин). Пекин, 1989. С. 64.

⁹ *Цин шилу. Шэнцзу жэнь хуанди шилу* (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Шэнцзу). Т. IV. Пекин, 1985. Цз. 24. С. 327; Сюй Вэйгао. Мэngu цзу фалюй гайшу (Очерк о монгольском законодательстве) // Мэн-гусюэ цзыляо юй цинбао. 1984. № 1. С. 51; Чжэн Цинь. Цинчао тунчжи бяньцзян шаошу миньцзу цюйюй дэ фалюй цоши (Правовое управление в среде нацменьшинств в национальных пограничных районах во время династии Цин) // Миньцзу яньцзю. 1988. № 2. С. 31; Сюй Сяогуан, Чэнь Гуанго. Цинчао дуй мэngu ли, лифаньюань цзэли дэ чжидин юй сюдин (Разработка и кодификация «Монгольского уло-

жения» и «Уложения Палаты по делам вассальных территорий» во время династии Цин) // Нэймэнгу шэхуэй кэсюэ. 1994. № 3. С. 53; Ли Баовэнь. Канси лю нянь мэngu люйшу («Монгольские законы», [принятые] в шестом году царствования императора Канси) // Лиши дань-ань. 2002. № 4. С. 3.

¹⁰ *Даличжабу*. Мэngu люйли цзици юй ли-фаньюань цзэли дэ гуаньси («Монгольское уложение» и его связь с «Уложением Палаты по делам вассальных территорий») // Цинши янь-цзю, 2003. № 4. С. 1.

¹¹ Там же. С. 2.

¹² *Цин шилу. Шэнцзу жэнь хуанди шилу* (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Шэнцзу). Т. IV. Цз. 24. С. 327.

¹³ Чжэн Цинь. Цинчао тунчжи бяньцзян шаошу миньцзу цюйюй дэ фалюй цоши (Правовое управление в среде нацменьшинств в приграничных районах во время династии Цин) // Миньцзу яньцзю. 1988. № 2. С. 31. Параллельно с распространением цинских законов в Южной Монголии продолжала укрепляться правовая система Северной Монголии и Джунгарского ханства, что позволяло тамошним правителям частично сосредоточить и укрепить силы перед лицом общей опасности, исходившей от маньчжурского государства. В 1640 г. по инициативе джунгарского правителя Эрдени Батурхунтайджи в урочище Улан-Бура у Тарбагатайских гор состоялся съезд крупнейших халхаских и джунгарских феодалов, на котором, в частности, было принято уложение «Их цааз» («Великое уложение»), или монголо-ойратские законы (подробнее см.: «Халха Джирум». Памятник монгольского феодального права XVIII века. М., 1965. С. 8; «Их Цааз» («Великое Уложение»). Правовая мысль средневековой Монголии / Антология мировой правовой мысли. Т. I. М., 1999. С. 618; Ян Сюаньди. Цун лифаньюань цзэли юй вэйлатэ фадянь дэ бицзю кань ци миньцзу фагуань дэ цзи-чэнсин (Элемент преемственности в национальном праве: на основе сравнения «Уложения Палаты по делам вассальных территорий» и «Монголо-ойратских законов – Их Цааз») // Нэймэнгу шэхуэй кэсюэ. 1998. № 6. С. 25–29).

¹⁴ *Даличжабу*. Мэngu люйли цзици юй ли-фаньюань цзэли дэ гуаньси («Монгольское уложение» и его связь с «Уложением Палаты по делам вассальных территорий») // Цинши яньцзю. 2003. № 4. С. 2.

¹⁵ «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов.

1627–1694 гг. / Введение, монгольский текст, транслитерация монгольского текста, перевод и комментарии С.Д. Дылыкова. М., 1998. С. 3; *Су Игун*. Мин цин людянь юй тяоли (Кодексы законов и правила во время династий Мин и Цин). Пекин, 2000. С. 79.

¹⁶ «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение»). Правовая мысль средневековой Монголии / Антология мировой правовой мысли. Т. I. М., 1999. С. 625.

¹⁷ По другим данным, «Уложение» насчитывало 125 статей (см., например: *Мэнгу цзу цзяньши* (Краткая история монголов). Хух-Хото, 1985. С. 218; *Лю Гуанъань*. Циндай миныйцу лифа яньцзю (Исследования национального законодательства во время династии Цин). Пекин, 1993. С. 4–5; *Су Игун*. Мин цин людянь юй тяоли (Кодексы законов и правила во время династий Мин и Цин). Пекин, 2000. С. 79–80; *Даличжабу*. Мэнгу люйли цзици юй лифаньюань цзэли дэ гуаньси («Монгольское уложение» и его связь с «Уложением Палаты по делам вассальных территорий») // *Цинши яньцзю*. 2003. № 4. С. 10). Однако это утверждение вряд ли можно считать правдоподобным: по всей видимости, авторы книги «Мэнгу цзу цзяньши» («Краткая история монголов») допустили досадную неточность, которая вошла в исследования, выпущенные после 1985 г.

¹⁸ «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов. С. 10.

¹⁹ *Цин шилу*. Гаоцзун чунь хуанди шилу (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Гаоцзун). Т. X. Пекин, 1985. Цз. 156. С. 1241.

²⁰ *Цин шилу*. Гаоцзун чунь хуанди шилу (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Гаоцзуна). Т. XIII. Пекин, 1986. Цз. 342. С. 739.

²¹ *Чжэн Цинь*. Цинчао тунчжи бяньцзян шаошу миныйцу цюйюй дэ фалюй цоши (Правовое управление в среде нацменьшинств в приграничных районах во время династии Цин) // *Миныйцу яньцзю*. 1988. № 2. С. 31; *Сюй Сяогуан, Чэнь Гуанго*. Цинчао дуй мэнгу ли, лифаньюань цзэли дэ чжидин юй сюдин (Разработка и кодификация «Монгольского уложения» и «Уложения Палаты по делам вассальных территорий» во время династии Цин) // *Нэймэнгу шэхуэй кэсюэ*. 1994. № 3. С. 53, 55.

²² *Су Игун*. Мин Цин людянь юй тяоли (Кодексы законов и правила во время династий Мин

и Цин). Пекин, 2000. С. 81–82; *Даличжабу*. Мэнгу люйли цзици юй лифаньюань цзэли дэ гуаньси («Монгольское уложение» и его связь с «Уложением Палаты по делам вассальных территорий») // *Цинши яньцзю*. 2003. № 4. С. 1. Самая ранняя из сохранившихся сегодня версий «Уложения» датируется 1766 г., самая поздняя – 1789 г. (см.: *Даличжабу*. Мэнгу люйли цзици юй лифаньюань цзэли дэ гуаньси («Монгольское уложение» и его связь с «Уложением Палаты по делам вассальных территорий») // *Цинши яньцзю*. 2003. № 4. С. 3).

²³ *Жамцарано Ц., Турунов А.* «Халха Джиром» (описание памятника) // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. VI. 1923. С. 3; *Ци Гэ*. Цинчао шидай дэ мэнгуфа (Монгольское законодательство во время династии Цин) // *Нэймэнгу дасюэ сюэбао* (жэньвэнь шэхуэй кэсюэбань). 1996. № 2. С. 52.

²⁴ «Халха Джирум». Памятник монгольского феодального права XVIII века. С. 10; «Халха Джирум». Правовая мысль средневековой Монголии. С. 628. Сборник законов «Халха Джирум» включал 24 законоположения и постановления, при этом основным законом в нём считается «Уложение» 1709 года. Он действовал на территории Северной Монголии вплоть до 1919 г., а в Шабинском ведомстве ургинского Богдо-гэгэна – даже до 1925 г. (см.: «Халха Джирум». Памятник монгольского феодального права XVIII века. М., 1965. С. 10, 12; «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. Введение, монгольский текст, транслитерация монгольского текста, перевод и комментарии С.Д. Дылыкова. М., 1998. С. 13).

²⁵ *Жамцарано Ц., Турунов А.* Обзорение памятников писаного права монгольских племён // Сборник трудов Государственного Иркутского университета (отд. отт.). Вып. VI. 1920. С. 3.

²⁶ *Мэнгу люйли* (Монгольское уложение). Тайбэй, 1968, с. 1–3; *Ковалевский О.М.* Монгольская хрестоматия. Т. I. Казань, 1836. С. 491; *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Ленинград, 1927. С. 84.

²⁷ *Сюй Сяогуан, Чэнь Гуанго*. Цинчао дуй мэнгу ли, лифаньюань цзэли дэ чжидин юй сюдин (Разработка и кодификация «Монгольского уложения» и «Уложения Палаты по делам вассальных территорий» во время династии Цин) // *Нэймэнгу шэхуэй кэсюэ*. 1994. № 3. С. 53.

²⁸ Составление «уложений» являлось весьма распространённым видом законодательской дея-

тельности в Цинской империи. Первые «уложения» появились уже вскоре после маньчжурского завоевания Китая: в 1673 г. принимаются «Утверждённые новые правила для шести ведомств» (кит.: «*Лю бу тидин синьли*»), призванные нормализовать работу шести традиционных ведомств империи (Ведомство церемоний (кит.: «*Либу*»), Ведомство общественных работ (кит.: «*Гунбу*»), Ведомство финансов (кит.: «*Хубу*»), Военное ведомство (кит.: «*Бинбу*»), Ведомство наказаний (кит.: «*Синбу*») и Ведомство чинов (кит.: «*Либу*») (см.: *Го Суньи*. Цинчао дэ хуэйдянь хэ цзэли (Цинские своды узаконений и уложения) // Цинши яньцзю тунсюнь. 1985. № 4. С. 37). В дальнейшем по мере укрепления власти маньчжуров в Китае и развития государственного аппарата начали составляться новые «уложения», регулировавшие различные сферы жизни и деятельности империи. В целях некой стандартизации подходов к обновлению «уложений» в 1774 г. издаётся указ, регламентировавший осуществление пересмотра нормативных актов, определявших работу главных ведомств империи или регулировавших контакты властей Пекина с представителями на местах, один раз в десять лет (см.: *Цин шилу*. *Гаоцзун чунь хуанди шилу* (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Гаоцзуна). Т. XX. Пекин, 1986. Цз. 963. С. 1062; *Циньдин сюэчжэнь цюаньшу*. *Цзяцин чао* (Высочайше утверждённый сборник правовых документов. Период правления Цзяцин). Т. I. Гонконг, 2004. Шоу цзюань. С. 2). Однако в связи с консервативностью китайского бюрократического аппарата и простым нежеланием чиновников проводить ревизионную работу своих нормативных баз это правило просуществовало относительно недолго и в 1830 г. было отменено (см.: *Цин шилу*. *Сюаньцзун чэн хуанди шилу* (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Сюаньцзуна). Т. XXXV. Пекин, 1986. Цз. 165 С. 552).

²⁹ *Цяньлун чао нэйфу чаобэнь лифаньюань цзэли* («Рукописное Уложение Палаты по делам вассальных территорий, составленное в Дворцовом управлении во время правления императора Цяньлуна»). Научный редактор Чжао Юньтянь. Пекин, 2006. 175 С. В работах китайских исследователей встречается мнение о том, что администраторы Лифаньюаня, приступая к систематизации правовых актов, вовсе не ставили перед собой задачу составить новый свод законов: «Нэйфу чаобэнь» — это разделённый по статьям рукописный сборник, появившийся в ходе

ревизии Лифаньюанем дел по Монголии, когда его сотрудники провели сбор и систематизацию разрозненных указов для монголов начиная со времен Шуньчжи, а также копий докладов императору. Сборник был подготовлен для последующего редактирования законодательных актов, и его составление не было официальным законотворческим мероприятием» (см.: *Даличжабу*. Мэнгу люйлю цзици юй лифаньюань цзэли дэ гуаньси («Монгольское уложение» и его связь с «Уложением Палаты по делам вассальных территорий») // Цинши яньцзю. 2003. № 4. С. 6).

³⁰ *Чжао Юньтянь*. Циндай мэнгу чжэнцзяо чжиду (Политико-религиозная система в Монголии во время династии Цин). Пекин, 1989. С. 66.

³¹ *Циньдин лифаньюань цзэли*, 63 цюань. (Высочайше утверждённое «Уложение Палаты по делам вассальных территорий» в 63 цзюанях). [Б.м.], 1796–1820. Цз 1. Юаньцзоу. Л. 1–10б.

³² Там же. Л. 10б.

³³ Там же. Л. 2–20б.

³⁴ Там же. Л. 9–90б.; *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Ленинград, 1927. С. 84; *Ковалевский О.М.* Монгольская хрестоматия. Т. I. С. 492.

³⁵ *Даличжабу*. Мэнгу люйлю цзици юй лифаньюань цзэли дэ гуаньси («Монгольское уложение» и его связь с «Уложением Палаты по делам вассальных территорий») // Цинши яньцзю. 2003. № 4. С. 5.

³⁶ *Циньдин лифаньюань цзэли*, 63 цзюань, цин гуансуй 17 нянь (Высочайше утверждённое «Уложение Палаты по делам вассальных территорий» в 63 цзюанях, изданное в 17 году правления Гуансуй). Л. 360б.–37.

³⁷ Так, например, было в 1821 г., когда при решении вопросов, связанных с незаконным отгоном скота в монгольских княжествах, Лифаньюань ссылался на нормы «Монгольского уложения», к тому времени уже не действовавшего более пяти лет (см.: *Цинцзи мэнгу шилу* (Хроники о монголах во время династии Цин). Т. I. Чанчунь, 1981. С. 24).

³⁸ *Лифаньюань цзэли* («Уложение Палаты по делам вассальных территорий»). Научные редакторы Ян Сюаньди, Цзинь Фэн. Хайлар. 1998. Цз. 1–55. С. 59–375.

³⁹ *Циньдин лифаньюань цзэли*, 63 цзюань, цин гуансуй 17 нянь (Высочайше утверждённое «Уложение Палаты по делам вассальных территорий» в 63 цзюанях, изданное в 17 году правления Гуансуй). Л. 23.

⁴⁰ Там же. Л. 41; *Лифаньюань цзэли* («Уложение Палаты по делам вассальных территорий»). С. 38; *Попов А.В.* О разных изданиях «Уложения китайской палаты внешних сношений» в первой половине XIX в. // IV Всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. I. М., 1986. С. 206; *Лю Гунань*. Циндай миньцзу лифа яньцзю (Исследования национального законотворчества во время династии Цин). Пекин, 1993. С. 12.

⁴¹ *Лифаньюань цзэли* («Уложение Палаты по делам вассальных территорий»). С. 44.

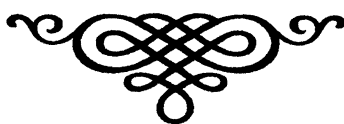
⁴² В начале XX в. кризис системы власти был настолько глубоким, что провести тщательную кодификацию «цзэли» так и не удалось: «Посчитать количество новых актов невозможно, имеются дублирующиеся и неточные; некоторые статьи, включённые в [прежние] *цзэли*, не соответствуют новым правилам. Наборные доски [с текстами] утеряны, копии не сохранились», — указывали чиновники Лифаньюаня (см.: *Циньдин лифаньбу цзэли* (Высочайше утверждённое «Уложение Министерства по делам вассальных территорий»). 1998, Шанхай, пайинь лифаньбу цзэли биньтянь (заявление по случаю редактирования и издания «Уложения» Лифаньбу). С. 28). В сложившихся условиях работники этого ведомства практически полностью скопировали прежнее издание «Уложения», лишь заменив на титульном листе название их службы с Палаты (*юань*) по делам вассальных территорий на Министерство (*бу*) по делам вассальных территорий. В 1908 г. с одобрения императора было отпечатано 200 экземпляров «цзэли», но было принято решение временно сборники не распространять в надежде на проведение более тщательной редакционной работы в будущем (см.: *Циньдин лифаньбу цзэли* (Высочайше утверждённое «Уложение Министерства по делам вассальных территорий»). С. 28).

⁴³ *Цяньтань «Лифаньюань цзэли»* (Очерк об «Уложении Палаты по делам вассальных территорий») // *Нэймэнгу шифань дасюэ*. Вып. 1985 года. С. 11. Упразднение «цзэли», однако, не означало, что китайские республиканские власти решили полностью отказаться от него.

В 1912 г., оглашая «Указ Президента Китайской Республики», Юань Шикай заявил, что «до введения местной единой административной системы вопросы коренных жителей Монголии, Тибета и Синьцзяна следует регулировать на основе прежнего «Уложения» («Уложения Лифаньюаня». — *Авт.*)» (см.: *Чжунго даши цзи* (Хроника великих событий в Китае) // *Дунфан цзачжи*. 1911. Цзюань 8. № 12. С. 3).

⁴⁴ Одним из таких элементов была «клятва», или «присяга», которая позволяла установить степень виновности подозреваемого лица. Этот обряд хорошо вписывался в монгольскую правовую практику. «Уникальный и имеющий некие признаки первобытности институт клятвы, — справедливо отмечал китайский исследователь Ян Сюаньди, — мог появиться при наличии глубоко религиозной и простой психологии; он подходил монголам — нации, отличавшейся своей незамысловатостью и почитавшей ламаизм» (см.: *Ян Сюаньди*. *Цун лифаньюань цзэли си цинчао дуй мэнгу дицзюй лифа тэдянь* (Анализ особенностей законотворчества в монгольском регионе во время династии Цин на основе «Уложения Палаты по делам вассальных территорий») // *Нэймэнгу шэхуэй кэсюэ* (ханьвэньбань). 2000. № 2. С. 41). Положение о «присяге» было включено маньчжурами уже в «Монгольское уложение». В этом сборнике говорилось: «Если вор будет отрицать свою вину, то его привести к присяге, и если он примет присягу, то его не винить и этим закончить дело» (см.: *Цааджис бичиг* («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. С. 76). Законоположения, связанные с «клятвой» и «присягой», также нашли своё отражение и в различных версиях «Уложения» Лифаньюаня и Лифаньбу (см.: *Лифаньюань цзэли* («Уложение Палаты по делам вассальных территорий»). С. 346–347; *Циньдин лифаньбу цзэли* (Высочайше утверждённое «Уложение Министерства по делам вассальных территорий»). С. 351–352).

⁴⁵ *Ковалевский О.М.* Монгольская хрестоматия. Т. I. С. 492.

Ян Чжэн

СОВЕТСКИЙ ДИСКУРС В КИТАЙСКОЙ ПРЕССЕ

НАЧАЛА 1930-х гг.

После поражения Цинской империи в Первой опиумной войне (1840–1842 гг.) передовые китайские интеллектуалы начали искать пути спасения своей страны. До Октябрьской революции 1917 г. их основное внимание было обращено на Запад и соседнюю Японию, которая вскоре после знаменитой Реставрации Мэйдзи встала на свой путь национального возрождения. Однако все попытки китайских интеллектуалов взять за образец модель западного или японского общества завершились полным провалом. Когда началась Октябрьская революция, Советская Россия сразу стала центром внимания всего человечества, в частности, и китайцев, которые придавали этому историческому событию особое значение. В этом отношении Мао Цзэдун высказал одну фразу, позже ставшую почти крылатой среди китайской интеллигенции: «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм»¹. С этого момента «учиться у России», «идти русским путем» стало для китайцев совершенно новой моделью, новым проектом и новой перспективой. Это путь, существенно отличавшийся от альтернативного «западного».

Последующие исторические события мирового и регионального масштабов, произошедшие в конце 1920-х – начале 1930-х годов, укрепляли решительность китайских интеллектуалов в выборе советского пути как наиболее подходящей модели развития страны. В 1929 г. вспыхнул мировой экономический кризис, который наиболее сильно затронул главные капиталистические страны (США, Великобритания, Германия, Франция и др.). Ярким контрастом стала досрочно выполненная первая пятилетка (1928–1932 гг.) в СССР, в результате чего «громоздкая отсталая аграрная страна превратилась в страну индустриальную без ограбления колоний, без ограбления чужих

стран или без больших займов и долгосрочных кредитов извне»². 18 сентября 1931 г. Квантунская армия Японии начала вооруженную оккупацию северо-восточной провинции Китая (Маньчжурии), а через полгода по инициативе Токио там было создано марионеточное государство Маньчжоу Го³. На этом историческом фоне успехи СССР поражали весь мир, в особенности Китай, который в то время тяжело переживал внутренние и внешние неурядицы.

Таким образом, китайские интеллектуалы, всегда боровшиеся за независимость и процветание Родины, не могли не призывать соотечественников брать пример с Советского Союза. Для этого прежде всего надо было досконально изучать эту страну. Поэтому неудивительно, что к началу 1930-х годов в Китае зародился огромный интерес к советской стране. Новые газеты и журналы, специально посвященные советской теме, появлялись как грибы после дождя. Например, один за другим выходили ежемесячные журналы «Исследование России» (1930), «Обозрение Советской России» (1931), «Китай и Советская Россия» (1934). В 22-х самых распространенных газетах того времени в начале 1930-х годов было опубликовано свыше 300 статей, в которых велись бурные обсуждения всего, что касалось СССР: от политической системы до повседневной жизни советских людей. Три четверти всех статей принадлежало 5 газетам: «Восточный журнал» (95), «Отечественные новости» (66), «Иши Бао» (40), «Независимое обозрение» (32), «Дагун Бао» (19). Цель этих обсуждений, разумеется, сводилась к тому, что на основе тщательного изучения Советского Союза Китай мог бы извлечь полезные уроки и тем самым найти собственный путь развития страны. Пролистывая газетные статьи, опубликованные в начале 1930-х годов, нам нетрудно

выделить слово «СССР» (или «Советская Россия») как первейшее ключевое слово. Можно утверждать, что ни одно из печатных изданий того времени не могло обойтись без освещения советской темы. Обсуждение Советской России стало модным.

С самого начала 1930-х годов китайские интеллектуалы с пристальным вниманием следили за проведением первой пятилетки в СССР. Они не только переводили многочисленные заметки из западной прессы, но и сами писали критические статьи. Они высоко оценили первый пятилетний план, составленный и реализованный в СССР для развития народного хозяйства, называя это великим социалистическим экспериментом в области экономики. Цзянь Бин, сравнивая экономические успехи в СССР с экономическим кризисом в капиталистических странах, одобрял этот беспрецедентный эксперимент: «Весь мир страдает от безработицы, исключая только Советскую Россию. <...> Особенность экономики Советской России состоит также в том, что весь мир переживает переполненность товарами и депрессию на рынке, а в этой стране нет проблемы сбыта. Ее собственная проблема не в перепроизводстве, а в недопроизводстве»⁴.

После Инцидента 18 сентября Япония расширила свои агрессивные действия на северо-востоке Китая, что служило реальной угрозой существованию китайского государства и его нации. Перед правительством Китая встала жизненно важная задача укрепить оборонный потенциал. Для этого в первую очередь необходимо было решить проблемы экономического развития страны. Китайские интеллектуалы начали широкие обсуждения и жаркие споры по поводу этих проблем. Главные разногласия состояли в том, какой путь выбрать – западный или советский. Экономический кризис на Западе усилил их надежду на советский успех. В то время на Западе существовало мнение, что «пятилетка – это утопические мечты, правительство Советской России уже встало на путь экономического поражения»⁵. Против этого мнения выступали многие китайские интеллектуалы, которые верили в успехи со-

ветской пятилетки, по крайней мере, в частичные ее успехи. Цзюнь Шэн в своей статье писал: «Даже те, кто невнимательно следили за всей правдой в этой стране, без труда могут прийти к выводу: независимо от того, увенчается ли пятилетка полным успехом, частичные успехи обеспечены. Согласно “амбициозному” плану, Россия сможет за 5 лет перескочить из Средневековья в XX век. При любых обстоятельствах они добьются определенных сдвигов»⁶.

Цзянь Бин в своей статье выразил схожее мнение: «Если Советская Россия сможет сконцентрировать все свои человеческие и материальные ресурсы для проведения этого плана, то даже если они не смогут выполнить план за 4 года, а за 6 или 10 лет, все равно можно считать, что они добились больших успехов в социалистическом строительстве»⁷.

Корреспондент газеты «Дагун Бао» Цо Губин, который посещал СССР, был твердо уверен в успехах пятилетки: «По моим личным наблюдениям, в последующие 2–3 года, если не возникнут непредвиденные препятствия, то Россия непременно построит свою тяжелую промышленность. Не только построит, а, по средним подсчетам, результаты могут превзойти ожидания. Что с легкой промышленностью? Естественно, нет надежды на срочное выполнение, или, может быть, результаты составят лишь 70–80 процентов предположенного объема. Однако мы видим, что основа российской промышленности построена меньше, чем за 5 лет; американские и немецкие инженеры, работающие в России, тоже говорят о возможном перевыполнении плана в области тяжелой промышленности до 1933 года. Поэтому я не могу отрицать возможность успеха пятилетки только из-за невыполнения строительства легкой промышленности»⁸.

В самый разгар мирового экономического кризиса СССР успешно выполнил первую пятилетку. Весь мир был потрясен достижениями Советской страны. Это событие вызвало большую сенсацию и в Китае. Будучи первой в истории человечества социалистической страной, СССР продемонст-

рировал всему миру жизнеспособность нового экономического строя, тем самым предлагая оригинальный путь национально-го развития. В этом смысле «новая экономическая жизнь во время пятилетки в Советской России является не столько большим экспериментом в какой-то одной стране, сколько, по сути, большим социалистическим экспериментом в экономической жизни всего человечества»⁹. Чжи Юань с удивлением и радостью пишет: «Оказалось, что сбылись мечты выполнить первую пятилетку за 4 года, дальше пойдет вторая пятилетка...»¹⁰. О достижениях в сельском хозяйстве Сяо Цю пишет: «... если говорить простыми словами, сельское хозяйство СССР, подвергшись преобразованию на основе социализма, превратилось из отсталого, мелкого сельского хозяйства старого типа в передовое, масштабное сельское хозяйство нового типа»¹¹. В социальной жизни «советские рабочие и крестьяне не поддавались настроениям деградации, разочарования и декадентства. Все они активные, решительные, храбрые и терпеливые, сплоченные вокруг советского правительства. Они трудолюбивые. Ставя предпосылками строительство нового общества, они неумоимо трудятся для осуществления долгожданных желаний»¹².

Одобряя экономические достижения СССР, китайские интеллектуалы не забывали указывать на негативные стороны в ходе проведения пятилетки, особенно во время принудительной коллективизации. В этом отношении были написаны заметки и критические статьи. Например, в редакционной статье газеты «Дагун Бао» за 18 марта 1930 г. отмечалось: «В последнее время в России началось раскулачивание. Так беспощадно, что везде тревожно. По крайней мере 5 миллионов людей будут лишены жизненных средств. В результате ожесточается сопротивление и увеличивается количество кровопролитных происшествий»¹³. Автор под псевдонимом Цзин Юй писал: «В прошлом году на местах, где оказали самое сильное сопротивление взиманию продналога, крестьяне целыми селами были высланы

в отдаленные местности»¹⁴. Он считал, что причина голода, охватившего СССР в 1932 г., заключалась именно в коллективизации. По его мнению, коллективизация сильно подавила производственную активность крестьян, потому что «простой крестьянин, имея понятие частной собственности, автоматически приобретает желание старательно работать. Такого желания не встречается в колхозах. Теперь, когда крестьяне принудительно вступили в колхозы по административным приказам, их лишили понятия того, что колхозные лошади или зерно принадлежат им, поэтому они становятся ленивыми и равнодушными к работе»¹⁵.

Помимо того, что китайские интеллектуалы обращали пристальное внимание на первую пятилетку в СССР, они также уделяли большое внимание его политической системе и внешней политике.

Некоторые из авторов полагали, что в СССР народная масса трудящихся пользуется самыми широкими правами. «Рабочие и крестьяне, составляющие 95% советского населения, получили много прав и свобод, которых до революции они никогда не имели»¹⁶. В статье «Политическая организация СССР» автор рассматривал советскую политическую систему как «самую окончательную и подлинную демократию в мировой истории»¹⁷. Автор статьи «Является ли Советская Россия демократической страной» видел цель политической системы СССР в «попытке создать такую социальную атмосферу, чтобы каждый человек имел равноправную возможность развивать свою личность»¹⁸. Даже самый стойкий представитель либерально мыслящих интеллектуалов Ху Ши соглашался с тем, что социализм является новым этапом демократии, совсем иным путем развития демократической политики, чем англо-американский демократизм¹⁹. В статье «Личная свобода и социальный прогресс» он задал ряд риторических вопросов: «Разве в социалистических странах не нужно в полной мере развивать личные способности? Разве в социалистических странах становятся лишними независимо мыслящие личности? Разве все передовые

люди, которые раньше боролись за социализм и коммунизм, были рабами капитализма? Давайте попробуем посмотреть, как в Советской России разнообразными способами поощряют личные инициативы, и мы поймём, что такое мировоззрение больше не принадлежит исключительно капитализму»²⁰.

Каждый успех СССР во внешней политике был тепло встречен и высоко оценён в китайской прессе начала 1930-х годов. Чтобы согласовать план действий по оживлению мировой экономики, в июне 1933 г. в Лондоне под эгидой Лиги Наций была созвана Всемирная экономическая конференция. В силу противоречий между Англией, Францией и США эти страны не смогли добиться ожидаемого результата, а Советский Союз, наоборот, пользуясь этой конференцией и всеми силами пропагандируя свои достижения в годы пятилетки и мирную внешнюю политику, добился впечатляющих результатов. Об этом Лян Фу написал: «Представители этих стран, видимо, будут возвращаться на родину ни с чем. Все были в полном разочаровании, кроме представителей одной страны, которые поедут домой с полной чашей. Исключением является страна под названием СССР. Во время Лондонской конференции удалось ослабить крайне напряжённые советско-английские отношения, открыть двери переговоров о возобновлении советско-американских отношений, также им удалось с соседними странами Запада заключить многосторонние договоры о взаимном ненападении, таким образом, образовалась крепкая система безопасности в Центральной и Восточной Европе, опасность войны временно устранена. Последняя победа непременно впишет яркую страницу в историю мирной внешней политики СССР»²¹.

Причины дипломатических успехов Советского Союза Ху Юйчжи, главный редактор «Восточного журнала», объяснял так: с одной стороны, «с усугублением внутренних конфликтов между капиталистическими странами антисоветская коалиция постепенно распадается», с другой стороны, «благодаря

успешному преобразованию внутри России капиталистические страны больше не могут принизить роль СССР»²².

Советские успехи помогли китайским интеллектуалам глубже понять проблемы собственной страны и найти возможные способы их преодоления: только мощная государственная сила обеспечивает стране сильные внешнеполитические позиции. Именно бедность и отсталость Китая того времени являлись коренными причинами зависимости китайской дипломатии на международной арене.

В начале 1930-х годов международная обстановка стала очень напряжённой из-за установления фашистской диктатуры в Германии и Японии. Будучи ярким контрастом по отношению к агрессивной дипломатии фашистских стран, мирная внешняя политика СССР была одобрена в Китае, который в то время подвергся варварскому нападению японского милитаризма. Китайская пресса того времени уделяла большое внимание восстановлению дипломатических отношений между СССР и США и вступлению СССР в Лигу Наций. Чжан Минъян в своей статье писал: «Само по себе восстановление дипотношений между СССР и США является обыкновенным внешнеполитическим действием, чему не стоит удивляться. Однако при острой международной обстановке и неизбежной угрозе войны на Дальнем Востоке это событие имеет крайне важное значение. Вероятно, благодаря этому событию ситуация на Дальнем Востоке будет на время смягчена»²³. Газета «Иши Бао» также подчеркивала важность восстановления дипотношений между СССР и США: «С тех пор как две мировые державы, СССР и США, представляющие два полюса – Восток и Запад, прекратили дипотношения, прошло уже 16 лет. После Инцидента 18 сентября обе страны почувствовали беспокойство, поэтому с обеих сторон возникло желание возобновить отношения. Об этом говорили уже два года, и в конце концов оно стало реальностью. Какие бы реакции не вызвало это событие у народов этих двух стран, с исторической точки зрения это

является большим событием мирового значения, о котором стоит много написать»²⁴.

Что касается вступления СССР в Лигу Наций, то в китайской прессе это событие называют значительным событием 1930-х годов в деле укрепления мировой безопасности. Ещё до того, как СССР приняли в Лигу Наций, Ху Ши с оптимизмом утверждал, что вступление СССР «вольёт в тяжело раненную Лигу Наций свежий воздух и идеализм, чтобы снова поднять её на ноги, чтобы спасти этого тринадцатилетнего хозяина мира от печального уныния, чтобы Устав Лиги, в котором предусматриваются санкции, не превратился в пустые слова»²⁵.

Когда СССР вступил в Лигу Наций, «Восточный журнал» опубликовал ряд статей, посвящённых этому событию. Вот некоторые названия: «СССР и Лига Наций», «Вступление СССР в Лигу Наций», «Значение и влияние вступления СССР в Лигу Наций», «Вступление СССР в Лигу Наций и международная обстановка» и др. Авторы этих статей единодушно одобряли вступление СССР в Лигу Наций. Приведем пример из статьи «Значение и влияние вступления СССР в Лигу Наций», автор которой констатировал: «Долго вынашиваемый план вступления СССР в Лигу Наций теперь стал фактом, Советский Союз, площадь которого занимает одну шестую часть земного шара и население которого насчитывает 180 миллионов, теперь стал краеугольным камнем защиты мира в Лиге Наций»²⁶.

Китайская печать начала 1930-х годов в столь широкомасштабном освещении Советского Союза преследовала собственные цели – показать позитивный пример Китаю, который учился бы у СССР и быстро превратился в такую же мощную державу, как СССР. Именно поэтому в печати много обсуждали плановую экономику, которую китайские интеллектуалы относили к самому большому секрету успехов СССР. «В последнее время отечественные ученые перешли от изложения просьбы о принятии конституции и правового государства к рекомендации плановой и управленческой экономики», отсюда видно, что «плановая и

управленческая экономика снова вошла в моду»²⁷, – пишет Ю Синь. По словам Дин Вэньцзяна, который вернулся из путешествия по СССР, «самым распространённым лозунгом сегодня можно считать “управленческую экономику”! Будь то левые или правые, все они согласны с тем, что наступил конец произвольной экономике, что управленческая экономика – путь всего человечества к земле обетованной»²⁸. Кризис на Западе и успехи СССР заставили Ма Иньчу, сторонника свободной конкуренции капитализма, изменить свои взгляды. Теперь он полагал, что свободная конкуренция при капитализме явилась коренной причиной экономического кризиса в капиталистических странах. Он советовал совместить плановую экономику с сохранением частной собственности: «Мы должны заимствовать у тех и других достоинства, выбрать третий путь, т.е., с одной стороны, ввести плановое производство, с другой – сохранить частную собственность»²⁹. Эти и другие обсуждения в китайской прессе реально действовали на решения верхушки Нанкинского правительства. Так, Сун Цзывэнь, президент Центрального банка Китая и министр финансов, вернувшись из поездки по Европе и США, выдвинул свой план экономической реформы: «Ставить в центр народное хозяйство, неуклонно проводить в жизнь плановую экономику»³⁰.

Извлекая уроки из опыта первой пятилетки СССР, китайские интеллектуалы призывали центральное правительство к созданию собственной промышленности, что, по их мнению, являлось предпосылкой совершенной системы обороны. В редакционной статье «Дагун Бао» под аллегорическим названием «У сильного всегда бессильный виноват» выражалась большая надежда на «скорейшую разработку правительством проекта экономического строительства, чтобы построить в короткое время основу собственной промышленности»³¹. Только потом можно будет говорить об «экономическом самоспасении», и правительство может оказать эффективное сопротивление агрессии со стороны империалистической эконо-

мики. Дин Вэньцзян, призывая руководство страны брать примеры с вождями СССР, выдвигал теорию «новой диктатуры», которая имеет четыре критерия: «Во-первых, диктатор должен защищать национальные интересы как свои собственные; во-вторых, диктатор должен хорошо вникнуть в характер модернизированного государства; в-третьих, диктатор должен уметь эффективно использовать потенциалы специалистов и профессионалов своей страны; в-четвертых, диктатор должен уметь использовать кризисное время национального бедствия, чтобы собрать всех достойных политических деятелей страны под одним флагом»³². Под прототипами диктатора теории «новой диктатуры» Дин Вэньцзян подразумевал советских вождей Ленина и Сталина.

Итак, тот факт, что Советский Союз по завершении первой пятилетки сразу превратился в мировую державу, оказал сильное воздействие на китайских интеллектуалов. Во время китайского национального бедствия начала 1930-х годов всенародная «мечта о державе» была для них актуальна как никогда. Они пытались найти в СССР действенные способы для спасения китайской нации от внешней опасности. Поэтому нет ничего удивительного, что едва ли не в каждой идейной дискуссии того времени мы можем обнаружить дискурс советского пути, который был воспринят как один из наилучших возможных выборов китайских интеллектуалов для осуществления национального возрождения.

Примечания

¹ Мао Цзэдун. Избранные сочинения в 4 томах. Т. 4. Пекин: Народ. 1991. С. 1471.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 172.

³ Данное событие в китайской историографии называется Инцидентом 18 сентября, а в русской часто – Маньчжурским (или Мукденским) инцидентом.

⁴ Цзянь Бин. Пятилетка Советской России глазами англичан и американцев // Восточный журнал. Т. 28. № 7. 10 апреля 1931.

⁵ Цит. по: Ду Жо. Разговор Троцкого о пятилетке // Восточный журнал. Т. 28. № 18. 25 сентября 1931.

⁶ Цзюнь Шэн. Краткое изложение одного американца о последних ситуациях в Советской России. // Восточный журнал. Т. 28. № 7. 10 апреля 1931.

⁷ Цзянь Бин. Пятилетка Советской России глазами англичан и американцев // Восточный журнал. Т. 28. № 7. 10 апреля 1931.

⁸ Цо Губин. Записки из путешествия в Советскую Россию. Тяньцзинь: Дагун Бао, 1941. С. 192.

⁹ Кэ Ци. Распространенная во всем мире теория управленческой экономики // Восточный журнал. Т. 30. № 3. 1 августа 1933.

¹⁰ Чжи Юань. Беглый взгляд на вторую пятилетку СССР // Восточный журнал. Т. 30. № 1. 1 января 1933.

¹¹ Сяо Цю. Достижения коллективизации сельского хозяйства СССР // Восточный журнал. Т. 30. № 2. 16 января 1933.

¹² Кэ До. Эскиз повседневной жизни Советских рабочих и крестьян // Восточный журнал. Т. 30. № 2. 16 января 1933.

¹³ Раскулачивание в России // Дагун Бао. 18 марта 1930.

¹⁴ Цзин Юй. Голодомор в СССР // Отечественные новости. Т. 10. № 34. 18 августа 1933.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Чжун Хань. Что такое Советская Россия? // Восточный журнал. Т. 29. № 4. 16 октября 1932.

¹⁷ Шэнь Хуашэн. Политическая организация СССР // Восточный журнал. Т. 30. № 2. 16 января 1933.

¹⁸ Является ли Советская Россия демократической страной. В переводе Лю Чжэньдуна // Отечественные новости. Т. 10. № 10. 13 марта 1933.

¹⁹ См.: Ху Ши. Об обсуждении демократии и диктатуры в течение последнего года // Восточный журнал. Т. 32. № 1. 1 января 1935.

²⁰ Ху Ши. Личная свобода и социальный прогресс – еще раз о Движении 4 мая // Независимое обозрение. № 150. 12 мая 1935.

²¹ Лян Фу. Победа мирной внешней политики СССР // Восточный журнал. Т. 30. № 15. 1 августа 1933.

²² Ху Юйчжи. Развитие Советской мирной внешней политики // Восточный журнал. Т. 29. № 8. 16 декабря 1932.

²³ Чжан Минъян. Восстановление дипотношений между СССР и США и мир на Дальнем Востоке. // Восточный журнал. Т. 30. № 22. 16 ноября 1933.

²⁴ Значение восстановления дипотношений между СССР и США (редакционная статья) // Иши Бао. 19 ноября 1933.

²⁵ Ху Ши. После просмотра конференции по разоружению // Независимое обозрение. № 104. 10 июня 1934.

²⁶ Хуа Юань. Значение и влияние вступления СССР в Лигу Наций // Восточный журнал. Т. 31. № 21. 1 ноября 1934.

²⁷ Ю Синь. Плановая и управленческая экономика // Восточный журнал. Т. 29. № 5. 1 ноября 1932.

²⁸ Дин Вэньцзян. Условия введения управленческой экономики // Независимое обозрение. № 108. 8 июля 1934.

²⁹ Ма Иньчу. Капитализм и коммунизм // Восточный журнал. Т. 28. № 24. 25 декабря 1931.

³⁰ Цит. по: Тэн Сюэхэ. Проблемы управленческой экономики в Китае // Новый Китай. Т. 1. № 15. 10 августа 1933.

³¹ У сильного всегда бессильный виноват (редакционная статья) // Дагун Бао. 30 января 1934.

³² Дин Вэньцзян. Демократия и диктатура // Независимое обозрение. № 133. 30 декабря 1934.

А.Н. Хохлов

ПРОБЛЕМА СОЮЗА КИТАЯ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ В ОЦЕНКЕ СУН ЦИНЛИН В 1930-е – 1940-е гг.

Об активной политической и общественной деятельности Сун Цинлин (1893–1981), супруги известного китайского революционера Сунь Ятсена (1866–1925), существует довольно небольшая посвящённая лично ей литература на русском и китайском языках¹. Столь же немногочисленна она на западных языках, в том числе на английском².

В последние годы эта литература заметно пополнилась новыми публикациями. Среди серьёзных журнальных статей, написанных специалистами, выделяется, на наш взгляд, обзорная статья Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой³.

Заслуживает внимания и статья о Сун Цинлин, опубликованная двумя авторитетными китаистами В.И. Антоновым и В.Н. Усовым в солидном энциклопедическом издании «Духовная культура Китая»⁴. В библиографии к этой публикации указан сборник выступлений и писем Сун Цинлин, который хронологически начинается с 1938 г., когда часть территории Китая уже была захвачена Японией: в 1937 г. её тогдашними правителями была развязана грабительская война против соседнего Китая.

Вероятно, из-за энциклопедического характера упомянутой публикации авторам её не удалось даже кратко охарактеризовать содержание сборника, что необходимо, на наш взгляд, для более полной оценки творческого наследия замечательной женщины, оставившей заметный след в области китайской журналистики, тесно связанной с историей советско-китайских отношений в период антияпонской войны (1937–1945). Между тем выступления Сун Цинлин в печати, как и её письма, дают весьма яркое представление об исключительно тяжёлой, затяжной войне, потребовавшей от китайского народа огромного напряжения сил в борьбе с хорошо оснащённой японской армией.

В период Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровского фашизма контакты Китая с СССР стали постепенно налаживаться, что позволило китайским патриотам активнее бороться со своим злейшим врагом благодаря материальной поддержке советских людей, в том числе работавших тогда в Китае.

Предлагаемая ниже статья основана на опубликованных и архивных данных. Она имеет своей целью показать, как тесно и органично были связаны выступления Сун Цинлин в печати с её непосредственным участием в многотрудной работе по укреплению связей между народами двух соседних стран в тяжелейших условиях военного лихолетья.

Для публицистики Сун Цинлин 1930-х гг. весьма характерен её страстный призыв к организации отпора наглым провокациям и варварским действиям японских милитаристов. Это видно, например, из заглавия её статьи «Все силы китайского народа на борьбу с японскими захватчиками», опубликованной в советской газете «Ленинградская правда» в марте 1937 г.⁵

Резким осуждением грабительских действий японской военщины в центральной части Китая проникнуто обращение Сун Цинлин к народу Великобритании. Судя по русскому переводу, появившемуся 8 января 1938 г. в выходившей во Владивостоке газете «Красное знамя», в этом документе, в частности, говорилось:

«Почти шесть месяцев мы бьёмся в одиночестве против врага, оснащённого всеми современными орудиями войны...»

Иностранные свидетели подтверждают ужасы, происходящие в Нанкине. Только в одном этом городе японцы убили 50 тыс. мирных жителей. Подобно чёрной чуме, захватчики пронесли над семьёю величайшими провинциями Китая, обращая миллионы людей в бездомных, нищих, уми-

рающих от голода»⁶ (здесь и далее курсив мой. – Авт.).

Чтобы лучше представить образ мыслей Сун Цинлин о важности союза республиканского Китая с Советской Россией путём установления с СССР нормальных дружеских отношений, достаточно обратиться к её статье «Мирная политика Советского Союза и его помощь Китаю», опубликованной 6 июня 1938 г. в газете «Синьхуа жибао». Её текст в русском переводе Л.Д. Позднеевой (возможно, лично не сверенном ею), приведён ниже в сокращённом виде с небольшой стилистической правкой, не искажающей смысла цитируемого документа:

«Доклад, представленный правительством д-ром Цзян Тинфу⁷, о советско-китайских отношениях не вызвал во мне никакого удивления.

Советский Союз является социалистическим государством. Его мирная неагрессивная политика неразрывно связана с принципами социализма. Социалистическая экономика ставит своей целью производство необходимых для населения продуктов, а не рыночную прибыль. Она (в отличие от экономики империалистических держав) не нуждается в экспорте капитала, поэтому СССР не заинтересован в борьбе за рынки и колонии.

Задачей сухопутных, морских и воздушных сил Советского Союза является оборона. Все соглашения и договоры Советского Союза с другими странами, кроме пресечения агрессии путем гарантии мира с помощью коллективной безопасности, не имеют другой цели. В этом заключается смысл сотрудничества этой страны с Лигой Наций и заключённых им договоров с другими странами о ненападении и взаимопомощи.

Соответственным образом внешняя политика этого государства прежде всего опирается на силы самостоятельного национального существования [суверенитета]. Одновременно оно использует своё международное влияние для того, чтобы путём коллективной поддержки освободительных сил угнетённых стран, как, например, Китая, сохранить мир во всём мире. Его помощь Ки-

таю базируется именно на такого рода политике. Советский Союз не нападает на Японию, но желает преградить путь японской агрессии в отношении самого себя. Если же в конечном счёте он не сможет сдержать [эскалацию] японской агрессии, он не преминет немедленно выступить для полного уничтожения корней агрессии.

Подобно тому, как национально-независимый Китай является главным фактором, обеспечивающим Советскому Союзу возможность противодействия агрессии, так и Советский Союз, опирающийся на свою военную мощь для обеспечения своей безопасности, служит главным фактором, дающим возможность Китаю бороться против Японии за своё спасение.

Базирующееся на такой основе сотрудничество между Китаем и Советским Союзом (включая и монгольский народ), имея целью взаимную помощь, даёт внутренним силам Китая возможность развиваться. Если бы Советский Союз, действуя обособленно, напал на Японию и осуществил вмешательство [в её дела], это только помогло бы фашистским государствам, оклеветав СССР в агрессии, сконцентрировать свои вооружённые силы против Советского Союза и тем самым ускорить возникновение мировой войны с [расширением] борьбы против Советского Союза. Как одного, так и другого СССР стремится всеми мерами избежать.

Самыми важными элементами практической помощи является организация Китаем самозащиты с установлением сотрудничества международных сил [борющихся за мир] во всем мире. Особенно же важно объединение всех демократических государств для противодействия фашистской агрессии.

Только таким путём можно будет заложить фундамент совместного вмешательства в военный конфликт международных неагрессивных сил [при участии] Англии, США, Франции и Советского Союза⁸. Эти силы должны остановить агрессию. Опираясь на систему мира и коллективную безопасность, возможно обуздать развитие агрессии и таким образом обеспечить мир и Китаю и всему миру.

Ключ к разрешению [вышестоящих задач] заключается в решимости Китая, а главное, в мобилизации Китаем всех людских и материальных сил для укрепления фундамента мира во всём мире и безопасности Дальнего Востока, а также для обеспечения единого согласия и сотрудничества Советского Союза и всех других наций, уважающих независимость и территориальную целостность Китая»⁹.

Весьма примечателен следующий факт: 10 июня 1938 г. Сун Цинлин отправила руководителю правительства провинции Гуандун генералу У Течэну письмо, в котором подвергла его критике за неумение провести мобилизацию в этой провинции, при этом она выдвинула перед провинциальной администрацией три задачи: 1) немедленная мобилизация населения, 2) усиление мер противовоздушной обороны и 3) создание безопасной зоны для беженцев на время налётов вражеской авиации с бомбёжкой¹⁰.

Довольно верный взгляд Сун Цинлин на проблемы политического развития Китая в условиях гоминдановского режима содержит написанная ею в Гонконге в октябре 1941 г. статья «Китай нуждается в большей демократии», опубликованная в журнале «Эйша» (Азия) в Нью-Йорке¹¹.

С началом Великой Отечественной войны советского народа с германским фашизмом культурные и другие контакты между Россией и Китаем стали менее частыми, но более деловыми с учётом военной обстановки на территории обеих стран. Об этом, в частности, свидетельствуют демонстрации советских фильмов и различные фотовыставки, организуемые сотрудниками Советского посольства в Чунцине и консульств в других городах Китая. Об одной такой выставке под названием «Женщины Советской страны», устроенной в Чунцине 9 октября 1941 г., подробно говорится в письме руководителей Женского комитета китайско-советского общества культурных связей (председателя Комитета Ли Дэцюань и её заместителя Цао Мэнцзюнь), отправленного 10 июня 1942 г. на имя тогдашнего председателя Правления ВОКС'а В.С. Кеменова:

«Наше общество открыло эту выставку в своём помещении в Чунцине 9 октября прошлого года. Выставка функционировала в течение шести дней, и её посетило более 25 тыс. чел. Среди посетителей [главную массу] составляли работники фабрик и школы. Иногда на выставку приходили целыми отрядами местные жители посёлков и селений, лежащих от города на расстоянии нескольких десятков ли. <...>

После окончания работы выставки в Чунцине по просьбе рабочих и преподавателей школ её экспонаты четыре раза выставлялись в окрестностях Чунцина, в рабочих и студенческих районах. Этот показ продолжался в течение месяца, благодаря чему число посетителей увеличилось на 30 тыс. чел.

Позднее наше общество в течение длительного времени продолжало получать письма с просьбой от различных женских организаций более 10 провинций относительно демонстрации материалов нашей выставки. Сначала экспонаты мы отправили в провинцию Юньнань, где в г. Куньмин выставка работала 4 дня (9–12 мая). Здесь её посетило более 10 тысяч чел. Из Куньмина выставку отправили сначала в соседнюю провинцию Гуйчжоу, а затем в провинции Гуанси, Гуандун, Хунань, Чжэцзян, Фуцзянь, Шэнси, Ганьсу. Таким образом, с полезной информацией о Советской России смогла познакомиться значительная часть населения Китая. <...>

В день годовщины вашей Отечественной войны наше общество специально изготовило плакат, на котором начертали четыре иероглифа (в русском переводе: “плечом к плечу победить врага”) с подписями бывш. супруги Сунь Ятсена – Сун Цинлин и других женщин, а также известных людей Чунцина.

Этот плакат с указанной надписью в день упомянутой годовщины был вручён в 3 часа дня на банкете в нашем Обществе женой Фэн Юйсяна (Ли Дэцюань) жене вашего посла для передачи женщинам – героям Отечественной войны в знак глубокого уважения»¹².

Интересна и другая советская выставка под аналогичным названием «Женщины СССР», прошедшая в Чунцине с 8 по 10 марта 1943 г. О ней имеется краткая информация в письме сотрудника советского посольства Скворцова от 13 марта 1943 г. на имя председателя Правления ВОКС'а. С его содержанием можно вкратце познакомиться ниже:

«С 8 по 10 марта провели показ выставки “Женщины СССР”. Её экспонатами послужили фотоснимки, поступившие сюда от ВОКС'а и ТАСС, которые были пополнены привезёнными супругой Шао Лицзы, бывшего китайского посла в СССР. Выставка заняла две комнаты, где было выставлено 270 снимков. Вход на выставку украсил широким аншлагом лозунг: “Женщина в СССР действительно равноправна с мужчиной”. С обоих концов аншлаг был украшен лозунгами: “Она борется – наравне с мужчиной – на производстве”, “Она борется на фронте, уничтожая фашистов”.

Над входом и на косяках дверей, ведущих в комнаты, были помещены прекрасные отзывы о советских женщинах и призывы к их китайским подругам следовать по стопам советских женщин. Эти призывы лично написали Сун Цинлин и Ли Дэцюань.

Выставка привлекла довольно большое внимание китайцев: за три дня её посетило около 5 тыс. чел.»¹³.

В связи с 25-летием Октября женский комитет КСКО на основе материалов, полученных от ВОКС'а, организовал выставку «Дети – жертвы гитлеризма», которая была открыта для осмотра с 7 по 10 ноября 1943 г. Её посетили свыше 20 тыс. чел.

В основу китайской экспозиции был положен альбом фотографий (в 8 экз.), отправленный Восточным отделом ВОКС'а 12 декабря 1942 г. в г. Куйбышев для передачи А.С. Панюшкину, возвращавшемуся в г. Чунцин из командировки¹⁴.

Согласно сообщению председателя филиала КСКО в г. Гуйлине, здесь в 1943 г. состоялось несколько выставок советских фотоснимков, которые посетило более 30 тыс. чел.

Выступления Сун Цинлин в печати, подкреплённые личным участием в культурно-массовых мероприятиях, организуемых при содействии ВОКС'а, были высоко оценены руководством КПК в первый же месяц после образования КНР. 5 октября 1949 г. на Учредительном собрании Общества китайско-советской дружбы, на которое были приглашены советские гости (в их числе находились С.Л. Тихвинский, К.Ф. Крючкова и другие лица), Сун Цинлин была избрана зам. председателя Исполкома. В 1955 г. она стала председателем Общества китайско-советской дружбы, задача которого состояла в установлении и укреплении культурных, экономических и других связей между Китаем и Советским Союзом. Такой выбор на руководящий пост в массовой общественной организации вполне соответствовал её прежним выступлениям в прессе и на собраниях общественности в трудные для Китая годы, требовавшие действительно действенной дружбы между двумя соседними государствами, оказавшимися в пекле Второй мировой войны, развязанной фашизмом на Западе и Востоке.

Придавая большое значение распространению русского языка в КНР для облегчения деловых и культурных контактов между представителями России и Китая, Сун Цинлин приветствовала появление в стране газеты «Дружба» на русском языке нижеследующим посланием в адрес организаторов нового издания:

«Выход в свет газеты “Дружба” на русском языке (15 апреля 1955 г.) является одним из замечательных событий в области дружественных отношений между великими китайским и советским народами... Китайско-советская дружба основана на общности интересов наших двух стран и пользуется единодушной поддержкой наших народов... Эта дружба способствует общему прогрессу человечества и продвижению общества на новую, высшую ступень.

Таково главное значение китайско-советской дружбы, являющейся великим вкладом народов Китая и Советского Союза в общее дело мира и прогресса человечества...

Мы рады каждой новой силе, которая способствует нам в достижении дальнейших побед во имя этой дружбы. Вот почему мы горячо приветствуем “Дружбу” и желаем [газете] больших успехов»¹⁵.

Примечания

¹ Сун Цинлин цзинянь цзи (Памяти Сун Цинлин. Сборник статей и материалов). Пекин, 1982; Чэнь шу юй. Чжунго минцюань бао чжан пун мэн (Лига защиты прав китайского народа, созданная в 1932 г. Сун Цинлин, Лу Синем и др.). Пекин, 1985; *Чжэн Сяньхуй, Цзи Хуншан, У Цзинтин*. Сун Цинлин юй канжи цзюван юньдун (Сун Цинлин и движение за спасение Родины в период антияпонской войны). Фучжоу, 1986.

² Soong Chin ling (M-me Sun Yat-sen). Б.м., 1984 (Из библиотеки академика С.Л. Тихвинского, подаренной Государственной Публичной исторической библиотеке).

³ Мамаева Н., Сотникова И. Сун Цинлин в общественно-политической жизни Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 102–117.

⁴ Антонов В.И., Усов В.Н. Сун Цинлин // Духовная культура Китая. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 600–601.

⁵ Ленинградская правда, № 68 (665) (24 марта 1937 г.). С. 1.

⁶ Красное знамя, № 6 (8 января 1938 г.). С. 1.

⁷ Цзян Тинфу – китайский историк и преподаватель истории, в 1936–1938 гг. – посол Китайской Республики в СССР // Духовная культура Китая. Т. 4. С. 713–715.

⁸ Идея возможного сотрудничества Китая со странами, признававшими равенство его в международных делах, каковыми Сун Цинлин тогда считала Советский Союз, США, Англию и Францию, была высказана ею ранее в заявлении, опубликованном в газете «Красное знамя» в феврале 1937 г.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 896. Л. 198.

¹⁰ Там же. Л. 218. Согласно архивным данным, на «неумелое руководство» гоминдановских деятелей в период антияпонской войны Сун Цинлин ссылалась в беседе с советским послом в Китае А.С. Панюшкиным в мае 1942 г. См. упомянутую выше статью Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой.

¹¹ Сун Цинлин. Вэй синь Чжунго фэндоу (В борьбе за новый Китай). Пекин, 1952. С. 120.

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 18. Д. 37. Л. 25.

¹³ Там же. Д. 32. Л. 1–27.

¹⁴ Там же. Д. 37. Л. 34.

¹⁵ Подробнее см.: Хохлов А. Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 138.

В.Г. Бухерт

«НАМ НУЖНО ОЧЕНЬ ТЩАТЕЛЬНО СОИЗМЕРЯТЬ НАШИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЦАРЕГРАДЕ...»

Записка академика Ф.И. Успенского. 1915 г.

29 и 30 октября 1914 г. шедшие под турецким флагом германские крейсера «Гёбен» («Султан Селим Грозный») и «Бреслау» («Мидилли») обстреляли Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. 2 ноября 1914 г. Россия объявила Турции войну. 5 ноября войну Турции объявила Англия, 6 ноября – Франция.

Со вступлением в Первую мировую войну Турции «политическое и экономическое положение России стало катастрофическим», и потому «самым важным фронтом для России становился турецкий»¹.

В этом высказывании есть, конечно, немалое преувеличение, чем отличались работы талантливого историка А.А. Керсновского². Он, тем не менее, прав в том, что «без предварительного разгрома Турции нечего было и надеяться на сокрушение Германии и Австро-Венгрии»³.

Встаёт, однако, вопрос: чего же добивалась Россия, вступая в войну с Турцией? На него в своё время ответил академик М.Н. Покровский⁴: не только в войну с Турцией, но и в Первую мировую войну Россия «ввязалась» из-за проливов Босфор и Дарданеллы⁵. Но так ли это было на самом деле? Как известно, М.Н. Покровский, следуя своей схеме торгового капитализма, всю внешнюю политику России сводил «к борьбе за торговые пути», и потому борьбой за Босфор и Дарданеллы был «склонен объяснять решительно все агрессивные проявления русского царизма»⁶.

Чтобы прояснить вопрос, необходимо иметь в виду, что обстрелу черноморского побережья турецкими крейсерами «Гёбен» и «Бреслау» предшествовала их стычка с отрядом русских кораблей, шедшим ставить мины у входа в Босфор⁷.

Трудно предположить, что сторона, заранее готовящаяся к захвату Босфора, будет

спешно минировать вход в пролив, скорее, наоборот, она будет стараться расчистить проход для последующей атаки. Современные историки справедливо отмечают, что «в долговременные стратегические цели русской политики обладание Босфором и Дарданеллами не входило, а поэтому и причиной войны быть не могло»⁸.

19 февраля 1915 г. началась Дарданелльская операция англо-французских морских сил. Идея «мощной демонстрации военно-морского могущества» принадлежала У. Черчиллю⁹, но фактически действия союзников была также инициированы и русским военным командованием, рассчитывавшим, что демонстрационной операцией союзников в районе пролива, сухопутной или морской, удастся отвлечь часть турецких войск с Кавказского фронта. В этих условиях участие России в той или иной форме в военных действиях в районе проливов было совершенно логично. Политические и военные аспекты русской экспедиции на Босфор, с последующим соединением её с силами союзников для похода через Месопотамию и Кавказ, «всесторонне просматривались»¹⁰, однако никакого заранее скоординированного плана военной операции России и союзников по овладению проливами, по-видимому, не существовало¹¹.

План Дарданелльской операции предусматривал не только захват Дарданелл, но и удар по Константинополю, а этого-то Россия совсем не желала: в отношении Константинополя у неё были свои планы.

Овладение Константинополем стало одной из стратегических задач России уже после начала Первой мировой войны. В марте и начале апреля 1915 г. России удалось добиться от союзников подтверждения её прав на присоединение Константи-

нополя¹². Политические предпосылки начала Константинопольской операции русской армии, таким образом, были созданы. Уступчивости союзников в этом вопросе способствовал неудачный ход Дарданелльской операции.

К непосредственной военной подготовке Константинопольской операции приступили в конце марта 1915 г., возложив руководство ею на командующего 7-й армией генерала В.Н. Никитина¹³, в распоряжении которого находились 2-й армейский и 5-й Кавказский армейский корпуса. В конце марта – начале апреля 1915 г. части 5-го Кавказского армейского корпуса сосредоточились в черноморских портах¹⁴ в ожидании начала операции. Наступлению русских войск должна была противостоять османская 2-я армия под командованием генерал-лейтенанта Вехиб-паши¹⁵, расположившаяся «в окрестностях Босфора и Константинополя»¹⁶.

Помимо задач, связанных непосредственно с планируемой операцией и последующим военным управлением Константинополем, контроль над городом, являвшимся одним из мировых центров православия, неизбежно выдвигал на повестку дня церковный вопрос. Своё понимание этого вопроса выражал один из крупнейших авторитетов в области истории Византии академик Ф.И. Успенский¹⁷ в «Записке о цареградском патриархе и Св. Софии», предназначенной для императора Николая II¹⁸.

22 марта 1915 г. Ф.И. Успенский послал графу С.Д. Шереметеву¹⁹, содействием и посредничеством которого он надеялся воспользоваться, свою записку, пояснив, что написать её побудили обращённые к нему слова императора Николая II при обсуждении вопроса о константинопольском патриархате: «Надеюсь, и вы нам поможете выяснить этот вопрос»²⁰. В сопроводительном к записке письме Ф.И. Успенский писал С.Д. Шереметеву: «Что касается вопроса об Иерусалиме и Гробе Господнем, то мы не простираем своих притязаний на господство в Палестине, а думаем установить там род совладения (*condominium*) с французами и

англичанами. Во всяком случае, надеемся утвердить за Россией протекторат над православными и соучастие в обладании св[ятыми] местами»²¹.

Что же писал академик Ф.И. Успенский в своей записке?

«Ход событий на Ближнем Востоке приближается к роковой для Оттоманской империи развязке. Подготавливающаяся великая катастрофа открывает для России необъятные политические перспективы, имеющие для себя основу в религиозных принципах, и, вместе с тем, ставит перед ней высокой важности обязательства, вполне соответствующие значению ожидаемых выгод». Поэтому, подчёркивал Ф.И. Успенский, «необходимо без промедления поставить на очередь и обсудить хотя бы некоторые вопросы, с которыми мы, прежде всего, встретимся при завладении Цареградом».

Необходимость предельной точности в выработке и принятии соответствующих решений Ф.И. Успенский объяснял следующим образом: «Раз допущенная неправильность или сделанная ошибка обойдётся нам весьма дорого, ибо населяющие Цареград народности, веря в провиденциальное назначение наше владеть их городом, не простят нам тех ошибок, какие легко извинят “франкам”, т.е. всем другим иностранцам».

Ф.И. Успенский выделял два, с его точки зрения, основных вопроса, подлежащие предварительному решению:

1) отношение к главе православной церкви Константинополя, носившему титул вселенского патриарха;

2) отношение к главному православному памятнику, под которым он имел в виду, конечно, «несравненную по изяществу выполнения и доселе не превзойдённую по архитектурному искусству Св. Софию».

Касаясь первого вопроса, Ф.И. Успенский отмечал, что существуют разные взаимоотношения точки зрения на будущее положение константинопольского патриарха. Привилегии патриархата, напоминал Ф.И. Успенский, базируются не на канонических основаниях, а на соглашении, заключённом с завоевателем Константинополя ос-

манским султаном Мехмедом II Фатихом. Исходить же, по мнению Ф.И. Успенского, следует из того, что «в Цареграде, по переходе его под нашу власть, мы встретим не расположенного к России православного пастыря, а оттоманского чиновника, “князя” эллинского народа (εθνάρχης²²), который тем более будет держаться за старый режим, что под властью султана, в Малой Азии, останутся многочисленные церковные епархии, зависящие от патриархата». Поэтому вполне можно допустить, что патриарх, «уступая внешним влияниям», возможно, «признает более выгодным для себя и для интересов эллинизма разделить участь султанского правительства». Из этих слов Ф.И. Успенского следовало, что рассчитывать на сотрудничество патриарха и, шире, греческой православной общины Константинополя с русскими оккупационными властями не стоило.

Исходя из этого, Ф.В. Успенский формулировал и отношение к судьбе храма Св. Софии. Он напоминал о преобладавшем в России мнении, что после намечавшегося возвращения константинопольской мечети статуса православного храма первую литургию в храме Св. Софии должен отслужить константинопольский патриарх. Ф.И. Успенский решительно возражал против этого, указывая, что к патриархии мечеть не имеет отношения, более того, «как турецкий чин патриарх не может без согласия султана позволить себе располагать мечетью Айя-София как христианским храмом». Поэтому, писал он, нужно «иметь нам смелость объявить эту мечеть христианским храмом и признать её “Великим царским собором Св. Софии Цареградской”, как она всегда в Византийской империи именовалась “Великой церковью”».

В дальнейшем же, считал Ф.И. Успенский, следует выработать проект документа, который будет регулировать отношения с вселенской патриархией, а для этого образовывать специальную комиссию «из сведущих лиц» под председательством одного из членов Синода. Этим планам не суждено было быть реализованными.

После Горлицкого прорыва немцев в апреле 1915 г. на спасение русской 3-й армии планировалось перебросить 33-й армейский корпус из Заднепровья, но Ставка решила его не трогать, рассчитывая, что он пригодится для наступления в Карпатах, или, как иронично выражался А.А. Керсновский, «для покорения гуцульских посёлков». В результате на помощь 3-й армии был направлен 5-й Кавказский армейский корпус, предназначенный для овладения Константинополем. А.А. Керсновский так оценивал последствия этого решения: «Совершена была величайшая стратегическая ошибка – величайшее государственное преступление. Отказавшись от форсирования Босфора и овладения Константинополем, великий князь Николай Николаевич²³ обрекал Россию на удушение. Отныне война затянулась на долгие годы»²⁴.

В апреле 1915 г. Россия была поставлена перед дилеммой: Константинополь или наступление в Карпатах. Ставка променяла Константинополь на «гуцульские халупы», совершив тем самым «жесточайший промах всей войны»²⁵. Русские войска не вступили в Константинополь, «что знаменовало бы для России выигрыш войны, а были без толку загублены на Сане у какого-то Радымна»²⁶...»²⁷.

Отказ от Константинопольской операции А.А. Керсновский объяснял не только обстоятельствами конкретно складывавшейся военной обстановки, но и в принципе «необъяснимой недооценкой» русской военной мыслью значения десантных операций. Между тем, по мнению А.А. Керсновского, император Николай II чувствовал «глубокую необходимость» для России этой операции²⁸. «Записка» академика Ф.И. Успенского, написанная по просьбе Николая II, очевидно, подтверждает этот вывод.

Но неудача постигла не только Россию, но и её союзников. Военные действия в районе Дарданелл затянулись почти на год.

Дарданелльская операция оказалась одним из самых кровопролитных сражений, которое когда-либо ранее вела английская армия. Высадка английских войск в бухте

Сувла (Галлиполийский полуостров), начавшаяся 7 августа 1915 г., стала «одной из самых трагических страниц всей истории Первой мировой войны»²⁹. Тогда, в августе 1915 г., потери англичан составили 45 тыс. человек, при этом Австралийский и Новозеландский армейский корпус потерял около 20 тысяч³⁰.

Всего же в ходе Дарданелльской операции обе стороны потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 332 тыс. человек³¹. Союзники понесли большие потери (свыше 146 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести³²). Операция провалилась, следствием чего стало вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав.

Для точной оценки стратегических планов России, мотивов её действий в Первую мировую войну необходимо выявление дополнительных архивных материалов, касающихся военных аспектов планировавшейся Константинопольской операции, но этого недостаточно. Необходимо выявление и изучение документов, проясняющих намерения России в отношении территорий, которые могли бы быть заняты ею в ходе войны. «Записка» академика Ф.И. Успенского – интересный и, возможно, не единственный документ подобного рода, хранящийся в архивах.

* * *

Ф.И. Успенский

Записка о цареградском патриархе и Св. Софии³³

Ход событий на Ближнем Востоке приближается к роковой для Османской империи развязке. Подготавливаемая великая катастрофа открывает для России необъятные политические перспективы, имеющие для себя основу в религиозных принципах, и, вместе с тем, ставит перед ней высокой важности обязательства, вполне соответствующие значению ожидаемых выгод. И тем прискорбней то обстоятельство, что до сих пор не выяснилось наше отношение к имеющим совершиться событиям.

Между тем время не ждёт. Дабы не уподобиться тем евангельским девам, которые оказались без масла в светильниках, когда пробил час встречи жениха³⁴, необходимо без промедления поставить на очередь и обсудить хотя бы некоторые вопросы, с которыми мы, прежде всего, встретимся при завладении Цареградом. Имея в виду крайнюю неопределённость господствующих на этот предмет воззрений даже в влиятельных сферах и хорошо известную несогласованность в действиях разных ведомств, можно опасаться, что те органы, которым выпадет жребий первым вводить в Цареграде новое управление, за неимением общей директивы невольно попадут в сложное положение. Раз допущенная неправильность или сделанная ошибка обойдётся нам весьма дорого, ибо населяющие Цареград народности, веря в провиденциальное назначение наше владеть их городом, не простят нам тех ошибок, какие легко извинят «франкам», т.е. всем другим иностранцам.

Политическую оценку нашего вступления в Цареград нужно соизмерять с теми обстоятельствами, которые вытекают из принадлежности России к православному обряду, иначе говоря, политическая важность черпает силу в церковном начале. Два обстоятельства подлежат в этом отношении предварительному зрелому обсуждению: отношение к архиепископу Константинополя, носящему вместе с тем титул вселенского патриарха³⁵, и взгляд на первостепенный православный памятник в Цареграде, несравненную по изяществу выполнения и доселе не превзойдённую по архитектурному искусству Св. Софию.

1. Нельзя без глубокого сожаления подумать о том, что по вопросу об отношениях к патриарху высказываются самые противоречивые мнения даже в тех кругах, которые находятся в соприкосновении с каноническими правилами и с церковной историей. Есть теория «церковной области» в пользу патриарха, теория «соединения Константинополя с Афоном или даже с Грецией», есть мнение полного отрицания патриархата, «он сам по себе, а мы сами по себе», наконец,

высказывается мнение о слиянии патриархата с святейшим всероссийским Синодом, причём патриарху предоставляется пребывание частью в Цареграде, частью в Петрограде или Москве. Все подобные теории в их применении могут угрожать большими осложнениями и, кроме того, носят признаки недостаточного вникания в дело. Реальный взгляд на вопрос нужно заимствовать в том непререкаемом политическом положении патриархата, в котором он оказался вследствие соглашения с завоевателем³⁶ Константинополя в 1453 г. Не на канонических, конечно, основаниях утверждаются те привилегии (привилегии) патриархата под властью османских турок, которыми так тесно соединены судьбы вселенского патриарха с турецкой империей. Никак нельзя забывать, что в Цареграде, по переходе его под нашу власть, мы встретим не расположенного к России православного пастыря, а оттоманского чиновника, «князя» эллинского народа (εθνάρχης), который тем более будет держаться за старый режим, что под властью султана, в Малой Азии, останутся многочисленные церковные епархии, зависящие от патриархата. И кто решится утверждать, что патриарх, уступая внешним влияниям, не признает более выгодным для себя и для интересов эллинизма разделить участь султанского правительства. Ввиду этого положения, основывающегося на государственном праве Турции, нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые шаги в Цареграде по отношению к патриарху с наметленным состоянием вопроса.

2. Указанная точка зрения на патриархат упрощает взгляд на наши права относительно храма Св. Софии. У нас преобладает мнение, что первую литургию в Св. Софии должен служить патриарх. Отнюдь нет. Мы освобождаем обращённую в мечеть Св. Софию от мусульманского культа, к патриархии же мечеть не имеет отношения. Даже напротив, как турецкий чин патриарх не может без согласия султана позволить себе располагать мечетью Айя-София как христианским храмом. Нужно поэтому иметь нам смелость объявить эту мечеть христиан-

ским храмом и признать её «Великим царским собором Св. Софии Цареградской», как она всегда в Византийской империи именовалась «Великой церковью».

Что касается дальнейших мероприятий по установлению наших отношений к вселенской патриархии, следует строго придерживаться канонических правил и церковной практики при царях византийских. Дабы обставить необходимым авторитетом проект таких отношений, который послужит директивой для разнообразных органов русской власти, было бы весьма целесообразно назначить комиссию из сведущих лиц под председательством одного из членов Синода и поручить ей выработать требуемые на сей конец положения.

Российский государственный архив древних актов.

Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5126. Л. 109 с об.

Примечания

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 270.

² Керсновский Антон Антонович (1907–1944) – публицист, военный историк.

³ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 270

⁴ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, зам. наркома просвещения РСФСР (с 1918 г.), академик АН СССР (с 1929 г.).

⁵ Покровский М.Н. Империалистическая война. Сб. статей. М., 1934. С. 401.

⁶ Ерусалимский А. Происхождение мировой империалистической войны 1914–1918 гг. в освещении М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сб. статей. М.-Л., 1939. Ч. 1. С. 509.

⁷ Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. М., 1995. С. 125. «Гёбен» 26 декабря 1914 г. всё же подорвался на русских минах у Босфора (см.: там же. С. 130).

⁸ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 170.

- ⁹ Шеремет В.И. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 172.
- ¹² История первой мировой войны. Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975. Т. 2. С. 106.
- ¹³ Никитин Владимир Николаевич (1848–1922) – генерал от артиллерии, командующий 7-й армией (1914–1915).
- ¹⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 271.
- ¹⁵ Мехмед-Вехиб-паша (1877–1940) – генерал-лейтенант, командующий 2-й (1914–1916), 3-й (1916–1917) армиями, главнокомандующий османской армией на Кавказском фронте (1917).
- ¹⁶ Зайончковский А.М. Первая мировая война. М., 2000. С. 387–388.
- ¹⁷ Успенский Фёдор Иванович (1845–1928) – историк, профессор Новороссийского (Одесского) университета (1879–1894), директор Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), редактор «Византийского временника» (с 1915 г.), председатель Российского Императорского православного палестинского общества (с 1918 г.), академик Петербургской академии наук (с 1900 г.).
- ¹⁸ Николай II (1968–1918) – российский император (с 1894 г.).
- ¹⁹ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф, обер-егермейстер, председатель Общества любителей древней письменности (с 1888 г.), Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (с 1895 г.), Археографической комиссии (с 1900 г.), почётный член Петербургской академии наук (с 1890 г.).
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5126. Л. 109.
- ²¹ Там же. Л. 109об.
- ²² Этнарх – глава православной общины (миллета) в Османской империи.
- ²³ Николай Николаевич (Младший) (1856–1929) – великий князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, генерал-инспектор кавалерии (1895–1905), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914), верховный главнокомандующий русской армией (1914–1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917).
- ²⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 279.
- ²⁵ Там же. Т. 4. С. 136.
- ²⁶ Радымно – город в составе Подкарпатского воеводства современной Польши.
- ²⁷ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 136.
- ²⁸ Там же. Т. 3. С. 271.
- ²⁹ За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 178.
- ³⁰ Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 446–447.
- ³¹ Коленковский А. Дарданелльская операция. Изд. 2-е. М., 1938. С. 121.
- ³² История первой мировой войны. С. 114.
- ³³ Так записка озаглавлена самим академиком Ф.И. Успенским в его письме к графу С.Д. Шереметеву от 22 марта 1915 г. Ранее был опубликован вариант записки, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. (См.: Герд Л.А. Ещё один проект «русского Константинополя». Записка Ф.И. Успенского. 1915 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб, 2007, т. XXX. С. 424–433). Опубликованный текст – черновой автограф, видимо, поэтому Л.А. Герд не удалось разобрать некоторые места записки.
- ³⁴ Имеется в виду Притча о десяти девах в Евангелии от Матфея (Мф. 25:1–13).
- ³⁵ Герман V (в миру Георгиос Кабакопулос) (1835–1920) – епископ Константинопольской церкви; Вселенский Патриарх (1913–1918).
- ³⁶ Мехмед II Фатих (1432–1481) – османский султан (1444–1446 и с 1451).

Г.Н. Валиахметова

МАТЕРИАЛЫ ПО НЕФТЯНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В условиях глобализации роль энергетического фактора в международных отношениях и мировой политике устойчиво повышается, и тема энергетической безопасности выходит на первый план. На фоне возрастающего дефицита энергоносителей, масштабных сдвигов в структуре мирового энергетического рынка и усиления конкуренция за доступ к энергоресурсам идёт процесс трансформации субъектного поля мировой энергетической политики. В числе новых энергетических акторов – динамично развивающиеся страны Азии и Латинской Америки, новые независимые государства Центральной Азии и Закавказья, государства Африки, национальные и транснациональные корпорации энергетического профиля из стран Востока, Центральной и Южной Америки.

Государства Запада и ТНК американского и европейского базирования пока имеют ряд преимуществ перед новыми участниками, что обусловлено их более мощным финансово-экономическим, организационно-корпоративным и технологическим потенциалом, а также длительной историей развития и многолетним опытом энергетической дипломатии. Однако страны и регионы Азии оказывают всё возрастающее влияние на мировую энергетическую политику, поскольку на азиатском геополитическом пространстве расположены ключевые ресурсные зоны мира – традиционные (Ближний и Средний Восток) и новые (Центральная Азия и Каспийский регион), а также главные энергоёмкие регионы (Северо-Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия).

Сегодня уже очевидна однотипность энергетических проблем традиционного Ближнего Востока и обновлённых стран Центральной Азии и Каспийского региона. Прослеживается также историческая прием-

ственность энергетических стратегий США, стран Европы, России и их нефтегазовых корпораций в энергоресурсных регионах мира, что в совокупности со стремлением местных правительств балансировать на противоречивых интересах последних существенно повышает там уровень конкурентного противостояния.

Взаимоотношения между ключевыми «игроками» на мировом энергетическом поле приобретают всё более конфликтный характер, всё чаще принимают хаотичные и нецивилизованные формы. Это актуализирует проблему развития международного сотрудничества и выстраивания партнерских отношений между всеми участниками мировой энергетической политики. Пока этот процесс остаётся весьма напряжённым и противоречивым. Одна из причин кроется в том, что, хотя содержание и методы энергетической дипломатии многократно менялись, многие её установки и принципы, которые сформировались на более ранних этапах развития нефтегазовой индустрии, и сегодня действуют в полную силу. В этой связи уроки прошлого приобретают особую актуальность.

Нефтяной аспект международных отношений достаточно широко представлен в отечественной и зарубежной исторической науке. Вместе с тем следует признать, что целый комплекс вопросов, исследование которых способствовало бы более глубокому пониманию роли и места энергетического фактора в современной мировой политике, пока остаётся вне поля зрения аналитиков.

Документы из Национальных архивов Великобритании¹ позволяют раскрыть новые аспекты нефтяной дипломатии ведущих стран Запада на Ближнем Востоке в первой половине XX в. и провести параллели с текущей ситуацией на Большом Ближнем Вос-

токе. Речь идёт о фондах британских внешнеполитических ведомств (министерств иностранных дел и по делам колоний); кабинета министров, военных (министерство авиации и военное министерство) и финансово-экономических (казначейство, министерства торговли и энергетики) ведомств. Процесс их рассекречивания начался в 1969 г. и завершился в середине 1990-х гг.

Фонд Форин Офис² располагает весьма обширными и разнообразными по характеру материалами. Это дипломатическая переписка с министерствами иностранных дел различных государств; донесения британских дипмиссий из стран Ближнего Востока и Европы, США и СССР; стенограммы межведомственных совещаний; межминистерская и внутриведомственная корреспонденция; записи конфиденциальных разговоров с руководством британских нефтяных компаний и ведущих английских банков; отчеты о встречах с представителями информационных агентств; материалы прессы различных стран.

Общая картина текущей социально-политической и экономической обстановки на Ближнем и Среднем Востоке раскрывается в ежегодных, полугодовых и ежеквартальных отчетах британских дипломатических миссий. Пересылаемые в Лондон копии принятых в той или иной стране законов и подзаконных актов, подписанных международных соглашений, обнародованных программ развития, отчётов правящих кабинетов о расходовании бюджетных средств и т. п. обязательно сопровождалось подробными комментариями британских дипломатов. В них указывалось, какие именно политические силы лоббировали принятие того или иного решения; имеется ли угроза британским имперским интересам в постановлениях местных властей и как её можно нейтрализовать; в каком случае предпочтительнее воздержаться от прямого нажима на местные правительства, а в каком, напротив, действовать жёстко, вплоть до открытого военного вмешательства.

В посольской корреспонденции имеются копии концессионных и финансовых со-

глашений между правительствами ближневосточных стран и западными нефтяными компаниями, а также подробная информация о ходе различных переговоров по предоставлению последним нефтяных концессий, прав на прокладку нефтепроводов, строительство шоссейных и железных дорог и морских портов. Внушительный корпус документов раскрывает политическую подоплёку финансовой и иной помощи местным правительствам со стороны европейского и американского нефтяного капитала.

Указанные материалы позволяют выявить причины и ключевые пункты постоянных конфликтов между местными властями и нефтяными концессионерами; показать направления формировавшейся нефтяной политики первых нефтедобывающих стран Ближнего Востока – Ирана, Египта и Ирака, её нацеленность в перспективе на установление правительственного контроля над национальными нефтяными ресурсами. Примечательно, что Тегеран, Каир и Багдад в спорах с нефтяными компаниями искали поддержки в Лондоне и всегда жертвовали своими нефтяными интересами в обмен на уступчивость Уайтхолла в других, не менее важных вопросах – о предоставлении льготных кредитов на военное строительство, развитие промышленной и транспортной инфраструктуры страны.

Из содержания посольской переписки с Форин Офис видно, что британская дипломатия не всегда могла с уверенностью определить, когда местные правительства добивались уступок, а когда всерьёз были настроены на подрыв британского влияния в своей стране. К числу подобных сюжетов можно отнести сближение Ирана и ряда арабских стран с Берлином и Римом в 1934–1939 гг., тайные и явные встречи ближневосточных политиков с дипломатами и представителями нефтяного бизнеса США, Германии и Италии, заявления правящих кабинетов о намерении предоставить нефтяные концессии американским или германским компаниям и т. д. Сотрудники британских дипмиссий на Ближнем Востоке также подробно информировали Лондон о своих

встречах с представителями местных политических сил. При соблюдении критического подхода к содержанию этих бесед их анализ позволяет воссоздать общую картину различных мнений и суждений в правящих и оппозиционных кругах Ирана и арабских стран по вопросам развития национальной нефтяной отрасли; объяснить, почему в глазах местной политической элиты и общественности нефтяные компании стали символом ограничения национальной независимости и окрасили в нефтяные тона национально-освободительную борьбу Ирана и нефтедобывающих стран Персидского залива.

Из ближневосточных столиц в Лондон, кроме того, пересылались копии ежемесячных отчётов британских нефтяных компаний местным министерствам экономики, а также добытая британскими дипломатами по неофициальным каналам информация о деятельности американских, германских и итальянских компаний-аутсайдеров. Следует отметить, что на Даунинг-стрит весьма критично анализировали донесения с Ближнего Востока, обязательно принимая во внимание возможные связи дипломатов (деловые или личные) с представителями западного нефтяного бизнеса и местной политической элиты. Вся поступающая информация, особенно сомнительного характера, подвергалась тщательной проверке на предмет её достоверности и рассматривалась в совокупности с донесениями других дипломатических миссий в странах Ближнего Востока (Иран, Турция, Египет, шейхства Персидского залива), Европы, США и СССР. Значение этих дипломатических каналов возросло с началом Второй мировой войны, когда отношения Великобритании с Ираном и арабским миром вошли в полосу затяжного кризиса. Деятельность дипломатов и агентов держав «оси» в нефтедобывающих странах Персидского залива, их тайные встречи с представителями местной оппозиции и лидерами националистических движений стали предметом пристального внимания британских посольств, консульств и резиденций.

Ближневосточный отдел Форин Офис работал в тесном сотрудничестве с другими

департаментами министерства, которые курировали отношения Великобритании с Францией, Германией, Италией, США и СССР. Эта внутриведомственная переписка дополняет и уточняет сведения о специфике внешней и национальной нефтяной политики указанных стран, а также наглядно иллюстрирует, как ближневосточный нефтяной фактор использовался для продвижения британских интересов в западных странах и в качестве инструмента нажима на Париж, Берлин или Рим при решении вопросов европейской политики.

Процесс принятия решений британским правительством позволяют проследить стенограммы многочисленных межведомственных совещаний и переписка Форин Офис с другими министерствами и их департаментами. Здесь представлены порой диаметрально противоположные точки зрения различных правительственных подразделений, в том числе Адмиралтейства, военных министерств и казначейства, к архивам которых доступ пока остаётся ограниченным. Эти материалы свидетельствуют, с одной стороны, о наличии разногласий в британском правительстве в вопросах ближневосточной нефти, а с другой – о строгой коллегиальности в принятии решений и учёте целого комплекса факторов военно-стратегического, политического, финансово-экономического характера. Данная группа документов со всей очевидностью демонстрирует, что все британские ведомства мыслили в рамках имперского подхода, а также раскрывает инструменты косвенного вмешательства Уайтхолла во внутренние дела и внешнюю политику ближневосточных стран.

Ценную для исследователя информацию, в том числе ту, которая по определенным причинам не должна была выходить за стены МИД, содержит внутренняя документация Форин Офис – аналитические записки, переписка между сотрудниками, различные варианты подготовленных меморандумов и дипломатических депеш с инструкциями, рукописные заметки на полях документов и т.д. При подготовке офи-

циальных ответов Форин Офис на парламентские запросы в обязательном порядке выяснялось, какие именно политические силы или деловые круги и почему привлекли внимание Палаты общин к таким проблемам Ближнего Востока, как темпы и масштабы разработки нефтяных ресурсов, строительство транспортной инфраструктуры, допуск американского нефтяного капитала в зону Персидского залива, деятельность германских и итальянских спецслужб, принципы отбора персонала для британских дипмиссий в арабских странах и т.п. Это свидетельствует о том, что правительство и политическая оппозиция порой расходились во взглядах на пути укрепления Британской империи, что ближневосточная политика Уайтхолла и особенно методы её реализации далеко не всегда находили понимание и одобрение не только в Багдаде, Тегеране или Париже, но также и в самом Лондоне.

Значительный исследовательский интерес представляют записи конфиденциальных разговоров высших чиновников Форин Офис с Дж. Кэдменом, президентом «Англо-Иранской нефтяной компании» (АИНК) и «Ирак Петролеум Компани» (ИПК), а также с его заместителями и руководителями влиятельных банков лондонского Сити. Из содержания этих бесед очевиден факт тесного сотрудничества британского правительства с крупным финансово-промышленным капиталом в деле реализации ближневосточной и европейской политики Уайтхолла. Согласованность их действий позволяла удерживать Италию и Германию в рамках нефтяной зависимости и оказывать определённое влияние на политику держав «оси» в Иране и на Арабском Востоке. Эти материалы также свидетельствуют о том, что в случае возникновения разногласий между имперскими и деловыми интересами последние всегда шли на уступки; в случае, если эти интересы совпадали, нефтяным компаниям была гарантирована помощь Форин Офис.

К началу 1940-х гг. «Ирак Петролеум», многонациональная корпорация под британ-

ским контролем в составе ведущих нефтяных компаний Великобритании, США и Франции, приобрела монопольные нефтяные права на подавляющей части Ближнего Востока (за исключением Саудовской Аравии, Бахрейна и Кувейта). Стенограммы заседаний правления ИПК, которые Дж. Кэдмен с подробными комментариями передавал в Форин Офис, раскрывают сложную обстановку в совете директоров; причины и ключевые пункты разногласий между группами акционеров; специфику политики англосаксонского нефтяного капитала на Ближнем Востоке и в других районах Восточного полушария, включая Европу; методы противодействия мировых трестов стремлению Франции, Германии, Италии добиться определённой нефтяной самостоятельности; суть сложных дипломатических ходов, предпринятых нефтяными магнатами на переговорах с правительствами арабских стран. Здесь же достаточно подробно представлена позиция французских владельцев «Ирак Петролеум», очевидна тесная связь полуправительственной «Компани Франсез де Петроль» с проводимой Парижем ближневосточной и национальной нефтяной политикой.

Фонды Форин Офис, кроме того, содержат разнообразные материалы периодической печати – тематические подборки из новостных и аналитических изданий стран Европы и США, правительственной и оппозиционной прессы Египта, Ирака, Палестины, Сирии, Ливана, Ирана, Турции и других стран Ближнего Востока. Как правило, подобные подборки сопровождались комментариями сотрудников министерства, которые отмечали реакцию общественности на данные публикации, источник информации и степень её достоверности. Не менее интересными являются записи встреч руководителей отдельных департаментов МИД с представителями британских информационных агентств, где последние получали рекомендации относительно необходимости либо, напротив, нежелательности обсуждения в прессе тех или иных событий мировой и ближневосточной политики.

Внушительную помощь Форин Офис оказывали другие правительственные подразделения, в первую очередь министерство по делам колоний. В первой половине XX в. в его ведении находились подмандатные и полузависимые арабские страны (Палестина, Ирак, Трансиордания, шейхства Персидского залива), а также отношения с французскими подмандатными странами – Сирией и Ливаном. По мере отмены мандатных режимов часть сотрудников, курировавших соответствующее направление, переходила в Ближневосточный департамент МИД. Фонды министерства колоний³ содержат богатые фактические и аналитические материалы по вопросам социально-экономического и политического развития ближневосточных стран, позволяют провести сравнительный анализ британской и французской политики в регионе, выявить тесную связь нефтяной проблематики с вопросами укрепления военно-стратегических и экономических позиций Англии и Франции на Ближнем Востоке.

Форин Офис также работал в тесном сотрудничестве с нефтяным и горнорудным департаментами министерства торговли. Их сотрудники предоставляли дипломатам сводные статистические данные о деятельности британских нефтяных компаний на Ближнем Востоке и досье на их американских и европейских конкурентов. Они также подробно освещали ситуацию на мировом и региональных рынках нефти; разъясняли экономическую суть конфликтов между местными правительствами и нефтяными концессионерами; выявляли потенциальные угрозы нефтяным интересам Британской империи, исходившие со стороны европейских и ближневосточных правительств; рекомендовали определенную линию поведения в сложных ситуациях. Главы указанных департаментов, кроме того, встречались с отдельными представителями лондонского Сити, появление которых в Форин Офис считалось нежелательным, с целью добыть необходимую информацию об аутсайдерах или отговорить британских бизнесменов и финансистов от поддержки компаний, конкурировавших с

АИНК и ИПК в Восточном Средиземноморье и зоне Персидского залива.

Архивы министерства энергетики и казначейства⁴ содержат обширные статистические данные по финансово-экономическому положению стран Ближнего Востока; анализ правительственных программ их экономического развития, принципов формирования местных бюджетов, структуры государственных доходов и расходов с указанием ключевых ошибок экономической политики местных властей. Материалы фондов подтверждают тот факт, что в рамках имперской политики казначейство регулярно запускаяло свои механизмы давления на ближневосточные правительства, на британских акционеров нефтяных и других промышленных компании со сферой действия в Иране и арабских странах или на их потенциальных конкурентов.

Архивные файлы военного министерства и министерства военной авиации⁵ представляют точку зрения военных ведомств, которая обязательно учитывалась в британской политике на Ближнем Востоке. Их содержание раскрывает военно-стратегическую значимость нефтяных объектов региона и позволяет понять, почему, несмотря на целый ряд преимуществ в использовании арабской нефти, в первой половине XX в. главной нефтяной базой Великобритании всё же оставался Иран. Секретные донесения военной разведки тоже помогали Форин Офис составить более полную картину обстановки на Ближнем Востоке и проводимой здесь европейскими державами и США политики.

Значительный исследовательский интерес представляют фонды Нефтяного совета Комитета имперской обороны, организованного при британском кабинете министров в 1934 г., и Постоянного англо-французского нефтяного комитета, занимавшегося вопросами нефтяного планирования в 1938–1940 гг.⁶ Содержащиеся в этих архивных фондах материалы раскрывают тенденции развития мировой нефтяной промышленности, специфику нефтеснабжения и нефтяной политики стран Европы и США, острые анг-

ло-французские разногласия в нефтяных вопросах, роль нефтяного фактора в подготовке военных операций Англии и Франции на Ближнем Востоке в годы Второй мировой войны.

Досье военного кабинета и стенограммы заседаний англо-французского Верховного совета союзников⁷ дают исключительно важный материал для понимания места Ближнего Востока и его нефтяных ресурсов в военной стратегии Англии и Франции на начальном этапе Второй мировой войны. Планы нанесения бомбового удара по советским нефтепромыслам на Кавказе силами англо-французской авиации, базировавшейся в Сирии и Ираке, убедительно доказывают, что антисоветские политические установки и желание преградить Германии путь к нефтяным источникам Кавказа и Ближнего Востока оказывали определяющее воздействие на стратегию союзников в Восточном Средиземноморье в период «странной войны». Меморандумы и стенограммы, кроме того, дают исследователям ценную информацию о сотрудничестве британских военных властей на Ближнем Востоке с нефтяными компаниями в вопросах организации поставок горючего союзным армиям и флоту, в реализации программ демонтажа нефтяных объектов, расположенных на Ближнем Востоке.

Ко многим документам доступ исследователей остается закрытым, в том числе к досье нефтяных компаний, личным делам дипломатов и представителей нефтяного бизнеса, работавших на Ближнем Востоке в первой половине XX в. Вместе с тем материалы уже рассекреченных правительственных архивов обеспечивают современного исследователя весьма солидной и разнообразной источниковой базой, которая позволяет более полно раскрыть роль нефтяного фактора в политике европейских держав и США на Ближнем Востоке, а также более детально реконструировать процесс становления государств региона в качестве субъектов международных экономических отношений, мировой политики и нефтяной дипломатии. В целом, динамичное развитие ар-

хивного дела в Великобритании существенно расширяет исследовательские возможности как с точки зрения введения в научный оборот новых документов, так и в контексте современных предметов исследования и методологических подходов. Это позволяет более основательно подчеркнуть многофакторность ближневосточной политики великих держав и её нефтяную составляющую, более полно реконструировать картину прошлого и существенно скорректировать политический нарратив, доминировавший в политико-дипломатических исследованиях в XX в.

Примечания

¹ National Archives of Great Britain. Public Record Office (PRO).

² PRO. FO 371. General Correspondence of the Foreign Office.

³ PRO. Colonial Office. CO 730, 732, 733, 831, 852. Iraq and Middle East Original Correspondence.

⁴ PRO. Ministry of Power. POWE 33. Petroleum Division: Correspondence and Papers; Treasure. T 160, 161. Records of Finance and Supply Divisions.

⁵ PRO. War Office. WO 201. Middle East Forces; AIR 2, 3, 8, 9, 23, 34. Papers of Air Ministry, Royal Air Force and Ministry of Defence.

⁶ PRO. Cabinet Office. CAB 50. Papers of the Oil Board of the Committee of Imperial Defence.

⁷ PRO. Cabinet Office. CAB 69, 79, 80, 99.

А.Е. Локшин

О ПОРЯДКЕ ВЪЕЗДА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ В СССР ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА В ЕВРЕЙСКУЮ АВТОНОМНУЮ ОБЛАСТЬ

В мае 1934 г. советское правительство объявило о создании на Дальнем Востоке Еврейской автономной области со столицей в г. Биробиджан. Район, избранный властями для компактного заселения евреями, по территории равнялся Бельгии и располагался на юге Хабаровского края, на советско-китайской границе. Эта территория была присоединена к Российской империи в 1858 г. и находилась в нескольких тысячах километров от мест традиционного проживания евреев бывшей Российской империи.

Новой землёй обитания евреев должна была стать станция Тихонькая (будущий Биробиджан). Почему было решено расселить евреев в столь экзотических местах, власти публично так и не объяснили. Очевидно, причины следует искать прежде всего в вопросах безопасности советской границы на Дальнем Востоке. Правительство стремилось как можно быстрее заселить этот малообжитой район, пока он не стал объектом экспансии Китая или Японии. Известный советский разведчик Павел Судоплатов полагал, что «образование Еврейской автономной области с центром в Биробиджане было предпринято Сталиным для усиления пограничного режима на Дальнем Востоке путём создания там заслона, а совсем не как шаг к созданию еврейского государства...»¹.

Вместе с тем в Кремле хорошо понимали, что еврейская автономия на Дальнем Востоке является альтернативой сионистской идее создания еврейского государства в Палестине. Решение в пользу Дальнего Востока, возможно, связано и с тем, что попытки массового поселения евреев на землю на Украине, в Белоруссии и Крыму вызвали недовольство среди местного населения и усиление антисемитских настроений.

Заселение дальневосточной территории, и особенно юга Хабаровского края, стало

особенно важным после советско-китайского конфликта 1929 г. и оккупации Манчжурии японцами в 1931 г. Организация компактного переселения евреев на эту территорию открывала сразу несколько возможностей: получить финансовую помощь от зарубежных еврейских организаций; благоприятно повлиять (в условиях стремления Кремля улучшить отношения со странами Запада) и на еврейское и проеврейское общественное мнение в США. Кроме того, такое заселение способствовало решению и части экономических трудностей, с которыми сталкивались советские евреи.

Ещё летом 1927 г. в бассейн рек Биры и Биджана была направлена экспедиция для обследования возможностей основания там сельскохозяйственных поселений. На основе рекомендаций экспедиции в марте 1928 г. президиум ВЦИК принял решение поручить Комитету по земельному устройству трудящихся евреев (Комзету) взять на себя ответственность за создание сельскохозяйственных поселений в этом отдалённом от центра крае. В апреле 1928 г. на станцию Тихонькая пришёл первый эшелон с евреями-переселенцами.

Сурово встретила местная земля новосёлов: отсутствие жилья, работы, медицинской помощи, элементарных условий для жизни... Сотни семей жили под открытым небом, ожидая своего места в строившихся бараках. Советский журналист и писатель Виктор Финк, посетивший этот район в 1928 г., отметил, что колонизация Биробиджана началась и происходила без подготовки и планирования. Не было построено жильё для переселенцев, людям приходилось «буквально гнить в бараках» годами, а совсем не несколько дней, как обещали власти переселенцам. Ведь «Биробиджан не Крым, где можно шесть месяцев в году ночевать в

землянке или шалаше, или даже под открытым небом»².

Зарубежные еврейские организации приняли участие в реализации проекта. Всего за первые шесть лет колонизации края прибыло около 20 тысяч евреев, однако почти 11,5 тысячи уехали обратно³.

Вместе с советскими евреями на Биробиджан приехало и несколько сот иностранных евреев. Однако столкнувшись с крайне тяжелыми бытовыми условиями, плохим климатом, практически полным отсутствием какой-либо инфраструктуры для приёма переселенцев, почти все они вернулись в свои страны, став источником неблагоприятной для советских властей информации. Очевидно, в этом одна из причин принятия публикуемого ниже специального постановления правительства, касавшегося зарубежных переселенцев-евреев. Биробиджанский проект явно не состоялся, ведь власти собирались уже в первую пятилетку переселить на китайскую границу до 200 тысяч евреев. Переселенцы возвращались домой либо пытались закрепиться в крупных дальневосточных городах – Хабаровске, Владивостоке. Немногие остались на селе, где усилиями переселенцев были основаны посёлки Вальдгейм и Бирофельд.

Тем не менее 7 мая 1934 г. Еврейский национальный район был преобразован в автономную область с перспективой создания автономной республики.

В настоящее время стал доступным целый ряд документов из областного архива Еврейской автономной области. Один из них предлагаем вниманию читателей. К этому следует добавить, что на основании данного «постановления» в ЕАО прибыло свыше 1500 зарубежных переселенцев, плохо представлявших советские реалии – идеалистов, придерживавшихся левых и прокоммунистических убеждений. Они приехали из Польши, Латвии, Аргентины, Соединенных Штатов, Германии, Франции и даже Палестины. Многие из них бежали от пришедших к власти в Германии нацистов, от всё усиливавшейся волны, прежде всего в Евро-

пе, антисемитских выступлений, погромов, от безработицы и нищеты в период экономической депрессии в США и других странах Запада.

Приехав по зову сердца, все они страстно желали построить на новой земле при поддержке Советских властей «Красный Сион» – еврейское социалистическое государство. Сталин же смотрел на иностранных евреев, поселившихся в Еврейской автономной области, как на шпионов. В 1937–1938 гг. фактически все они были арестованы НКВД, обвинены в шпионаже. Большинство из них погибло.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза СССР

Москва, Кремль, 10 сентября 1935 года.

Об утверждении правил о порядке въезда из-за границы на постоянное жительство в Еврейскую Автономную область

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Утвердить следующие правила о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное место жительство в Еврейскую Автономную область (см. приложение).

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР: В. Молотов⁴.

Зам. Управляющего делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР: И. Межлаук⁵.

Приложение к пост. СНК СССР от 10.IX.35 г.

Правила

О порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в Еврейскую Автономную область

1. Въезд из-за границы в СССР для постоянного жительства в Еврейской Автономной области разрешается лишь лицам, принявшим гражданство СССР.

2. Заявления о желании принять гражданство СССР и переселиться в Еврейскую

Автономную область подаются евреями иностранцами в Консульский отдел Полпредства СССР соответствующей страны. Необходимые заключения по заявлениям в НКВД⁶ дают в месячный срок с момента подачи.

3. По всем подаваемым заявлениям о переселении в Еврейскую Автономную область (ст. 2) ОЗЕТ⁷ даёт заключения, знакомясь с заявлениями через специальных своих представителей, командируемых в соответствующие страны для проведения этой работы.

4. К переселению из заграницы в Еврейскую Автономную область допускаются только трудящиеся – рабочие, служащие и кустари..., а также земледельцы, не пользующиеся наёмным трудом, физически здоровые. Указанные лица представляют соответствующие документы как о своей квалификации, так и здоровье (своём и членов семьи).

При переселении преимущество оказывается лицам, родственники которых или близкие которых уже осели в Еврейской Автономной области.

5. Допускаемые к переселению лица дают обязательства работать в Еврейской Автономной области в местах по указанию Комзета⁸ и Облисполкома не менее 3-х лет на общеустановленных условиях переселения граждан СССР.

6. Все расходы по подготовке своей поездки в СССР до советской границы (медицинский осмотр, питание в пути, поездка и перевозка багажа до советской границы и др.) несут переселенцы или соответствующие общественные организации, помогающие им в переселении.

Консульский сбор с переселяющихся в Еврейскую Автономную область не взимается.

7. Каждый переселяющийся глава семейства или переселяющийся одиночка вносит на особый счёт Комзета в ИНО⁹ Госбанка СССР 200 ам. долларов, прилагая к своему заявлению о приёме в гражданство СССР и переселении в Еврейскую Автономную область квитанцию об этом взносе. В

случае отказа в переселении взнос возвращается обратно...

8. В счёт вносимых переселяемым 200 долларов Комзетом оплачиваются:

а) проезд от советской границы до г. Биробиджана и питание в пути на всех переселяемых в Еврейскую Автономную область условиях, а также обслуживание переселенцев в пути и период до устройства переселяющегося соответствующей хозяйственной организацией;

б) расходы на домообзаведение в пределах 1080 руб. на семью и 300 руб. на одиночку.

9. По водворению на место жительства в Еврейской Автономной области переселяющийся получает: семейный дом и корову, а одинокий квартиру и участие во владении коровой из расчёта 1 голова на 5 одиночек переселенцев. При доме должна быть отведена в личное пользование переселенцев усадьба в размере 1/4 га в промышленных посёлках и до 1 га в сельскохозяйственных местностях. На первое время переселяющиеся семейные обеспечиваются квартирами, а одиночки – общежитиями. Ответственность за своевременное предоставление переселяющимся дома (или квартиры), а также коровы возлагается на председателя облисполкома Еврейской Автономной области...¹⁰

10. Провоз багажа переселяющихся в размерах, установленных для лиц, приезжающих в СССР на постоянное жительство; допускается беспрошленный провоз рабочего инструмента.

11. Переезд переселенцев из заграницы организуется группами в 50–60 человек с таким расчётом, чтобы переселенцы от советской границы до Москвы и от Москвы до Биробиджана смогли следовать в отдельных вагонах...

Зам. Управляющего Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР: И. Межлаук.

Архивная копия. Машинопись. Госархив ЕАО. Ф. 204. Оп. 2. Д. 13. Л. 9–11.

Примечания

¹ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: «Олма-Пресс», 1997. С. 462.

² Финк В. Евреи в тайге. М.: Федерация, 1930. С. 227.

³ Краткая Еврейская энциклопедия. Т. I. Иерусалим, 1976. Стлб. 445.

⁴ Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский политический и государственный деятель. Председатель Совета Народных Комиссаров в 1930–1941 гг., народный комиссар, министр иностранных дел в 1939–1949, 1953–1956 гг. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 г. Герой Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета. Один из главных организаторов сталинского террора.

⁵ Межлаук Иван Иванович (1891–1938) – советский партийный и государственный деятель, участник большевистской революции и Гражданской войны. Арестован в декабре 1937 г. 25 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорён к высшей мере наказания. В этот же день расстрелян. Посмертно реабилитирован.

⁶ Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР) – центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, обеспечению государственной безопасности в 1934–1946 гг.

⁷ ОЗЕТ (аббревиатура от Общество землеустройства еврейских трудящихся; полное название – Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР), организация (формально – общественная), ставившая целью привлечение советских евреев к земледельческому труду. Проводила сбор средств в разных странах мира (в основном среди евреев). Общество землеустройства еврейских трудящихся было организовано в январе 1925 г. в Москве. В 1928 г. центральные органы Общества землеустройства еврейских трудящихся, несмотря на несогласие части руководства (Ю. Ларин, А. Брагин и др.), выразили готовность организации принять на себя

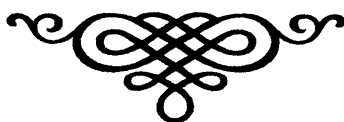
финансовое и практическое осуществление поселенческой работы в Биробиджане.

Таким образом, деятельность Общества землеустройства еврейских трудящихся фактически сосредоточилась на Биробиджанском проекте. Кроме обычных работ в Биробиджанском районе, Общество занималось прокладкой дорог, а также участвовало в организации санитарно-медицинской помощи и культурной жизни еврейских поселенцев. С 1931 г. Общество землеустройства еврейских трудящихся практически прекратило поселенческую деятельность, занимаясь лишь подбором кандидатов на переселение и их перевозкой, пропагандой и шефской помощью. Почти все крупные деятели Общества были арестованы и осуждены, его орган «Трибуна» закрыт в ноябре 1937 г. Общество ликвидировано к середине 1938 г.

⁸ КОМЗЕТ – Комитет по земельному устройству трудящихся евреев при президиуме Совета национальностей Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР. Был создан 29 августа 1924 г. по постановлению ЦИК СССР с целью так называемой продуктивизации еврейского населения, привлечения его к производительному, в первую очередь земледельческому, труду. Весной 1927 г. Комзет принял решение об отправке в Бирско-Биджанский район Дальневосточного края научной экспедиции для выяснения возможностей широкой переселенческой деятельности. Президиум ЦИК СССР 28 марта 1928 г. принял решение возложить на Комзет руководство еврейским заселением Биробиджанского региона. С этого времени деятельность Комзета была в основном связана с Биробиджанским проектом. Под началом Комзета в 1936 г. работало больше 200 тыс. евреев-земледельцев, они обрабатывали около 250 тыс. га посевных площадей. В период массовых репрессий середины 1930-х гг. деятельность Комзета была практически прекращена, а летом 1938 г. он был ликвидирован.

⁹ Иностранный отдел.

¹⁰ Этот пункт постановления реализован не был.

В.В. Беляков

ДНЕВНИК ВОЙНЫ В ЕГИПТЕ

Из архива русского эмигранта А.Л. Маркова

Для жителей Александрии, «северной столицы» Египта, Вторая мировая война началась 12 июня 1940 года¹. В этот день итальянская авиация впервые совершила воздушный налёт на александрийский порт, служивший крупнейшей в Восточном Средиземноморье британской военно-морской базой.

Согласно переписи населения Египта 1937 г., в этой стране проживали 1176 русских, половина из них – в Александрии². По крайней мере двое «русских александрийцев» вели во время войны дневник. Автор одного из них – священник Алексей Дехтерёв (2.5.1889, Вильнюс – 19.4.1959, Вильнюс), настоятель храма Св. Александра Невского, чей дневник был опубликован ещё в начале 1950-х годов³.

Другой дневник вёл капитан англо-египетской полиции Анатолий Львович Марков (28.12.1893, Курская губерния – 10.8.1961, Сан-Франциско). Он хранится в архиве Маркова, который одна из его дочерей передала в 2010 г. Дому русского зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве. Дневник представляет собой пухлую папку в 435 листов, текст напечатан на машинке с одним интервалом и с оборотом и переложено вырезками из франкоязычной египетской прессы⁴.

В отличие от дневника Дехтерёва, который записывал в него исключительно свои александрийские впечатления, дневник Маркова содержит записи и о всех крупнейших событиях Второй мировой войны в целом, в том числе и на Восточном фронте. Однако в нём немало информации и об обстановке в самом Египте. В целом свидетельства Маркова о ситуации в Александрии совпадают с описаниями Дехтерёва, но тематика записок офицера шире, чем священника. Так, он упоминает о бомбардировках Каира и зоны Суэцкого канала, описы-

вает крупнейшие политические события в Египте и некоторые происшествия в Александрии.

В данную публикацию включены выдержки из дневника А.Л. Маркова, касающиеся обстановки в Египте в годы Второй мировой войны.

* * *

«Вторник, 13.11. Воздушные тревоги в Александрии дважды в день, и залы синема (кинотеатров. – В.Б.), показав красный сигнал и выпустив желаящую публику, продолжают представление, иначе невозможно работать. Ввиду почти полнолуния итальянские налёты приурочиваются около 8 час. вечера. Бомбардируют порт и Абу-Кир, каковы результаты этих бомбардировок – власти скрывают, хотя несомненно, что каждый раз имеются и убитые, и разрушения»⁵.

В воскресенье, 17.11, на Александрию было несколько налётов. «В Рас эль-Тине разбита бомбами школа, мясная и два или три дома, около 30 убитых и раненых; в Абу-Кире в абри (убежище. – В.Б.) задавлено и убито несколько десятков людей и наконец в последний налёт пойманный прожекторами аэроплан сбросил все свои бомбы, чтобы удрать, на арабский квартал Кармус вокруг площади Баб эль-Сидра и в районе улицы Эль-Нил. Этот квартал перенаселён и состоит из едва державшихся от старости трёх- и четырёхэтажных домов. Я был на месте несчастья и видел, что там произошло. Много домов обрушилось совершенно, и под грудой камней и развалин побито всё население. В других домах вдоль целых улиц выбиты передние стены и обрушились, уж не говоря о дверях и окнах, в них побита и переранена масса людей. Убитых и раненых надо считать несколько сотен человек, так как огромное число трупов

осталось под развалинами, и нужна работа нескольких дней, чтобы их разыскать. Пока вытащено около сотни трупов, но сколько их ещё предстоит добыть»⁶.

Понедельник, 25.11. 87-я бомбардировка рано утром. «Бомбардировали исключительно мирное население, не обращая внимания на военные объекты. Бомб было сброшено около 20, причём все в районе, где нет никаких военных целей... Убито 4 человека, ранено до 30. Нападение жестокое, дикое и ничем не оправдываемое, кроме бессильной злобы»⁷.

21 февраля 1941 г. Марков записал в дневнике, что 30 января бомбардировкам подверглись Суэц и суда на Суэцком канале. В тот же день проходившее по каналу финское судно разбросало магнитные мины. Канал был закрыт на 9 дней. В записи от 11 марта упоминаются новые налёты на Суэц и отмечено, что Суэцкий канал работает с перебоями⁸.

«Четверг, 19-го июня. За прошедший срок пришлось пережить нам, жителям Александрии, самые сильные ощущения с начала войны. В ночь с 7-го на 8-е немецкая авиация подвергла город бомбардировке, от которой Александрия сильно пострадала и много пережила. Воздушная тревога была подана в 11 часов ночи 7-го, это была по счёту СТО СЕМНАДЦАТАЯ тревога. На город налетело до 75 немецких аппаратов, которые бросили бомбы в 16 местах города, главным образом в порту и в районе квартала Лабан, где совершенно был снесён с лица земли квартал проституции, т.н. Кам Букир, или Генина, то же произошло в Габари, Мексе, Минет Эль-Бассал и у нас в Ибрагимие. Огромные мины были спущены на парашютах, которые произвели неопишное разрушение. На Ибрагимие бомбы попали в двух местах – одна на Абукирском шоссе у станции Шелла, разрушила весь квартал, до 20 домов, и перебила массу людей, другая позади нашего дома на улице Гирга разрушила почти всю улицу. Страшным взрывом, свалившим меня на землю, у нас в доме были сорваны и разбиты в песок окна и сорваны две двери, пострадали почти все русские

дома, сосредоточенные в этом районе, однако к счастью квартира, наиболее пострадавшая и совершенно разрушенная, оказалась генеральши Гельмгольц, которая в эту ночь ночевала не дома, а у знакомых, что её и спасло»⁹.

Налёт закончился в 1 час 20 утра, после чего мы бросились с тюфяками и подушками провести остаток ночи в большом доме по соседству, где уже ночевали в прошедшие бомбардировки. Не успели перебраться, как была снова подана СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ тревога, начавшаяся в 2.10 и окончившаяся в 5 часов 30 минут утра. Грохот взрывов и канонада были неопишемы, весь город трясся вместе с домами, но к счастью в районе Рамле бомб не было сброшено. Наутро в городе, когда подсчитали разрушения и жертвы, началась паника. Население бросилось спасаться по всем дорогам. За автомобили платили по несколько десятков фунтов, на железной дороге творилось столпотворение. Правительство объявило проезд из Александрии по ж.д. бесплатно, и в первые три дня после бомбардировки 250,000 человек покинуло город. Этому способствовали распущенные кем-то слухи о том, что немцы по радио предупредили, что снесут Александрию с лица земли.

Паника, охватившая Египет в эту пору, не поддается описанию. Каир оказался совершенно переполненным, цены возросли вдвое, в провинции, которая находится между Каиром и Александрией, все деревни также переполнены, не хватает продуктов, начались от жары, скученности и антигигиенических условий эпидемии. В Александрии жизнь замерла, и половина города представляет пустыню. Убедившись, впрочем, что слухи оказались преувеличенными и немцы Александрии не разбивают, публика к сегодняшнему дню как будто начала успокаиваться и даже понемногу возвращаться в Александрию назад. Во всяком случае, из города больше не бегут. Несколько успокаивает население и тот факт, что Египетское правительство обратилось с официальным протестом в Берлин по поводу бомбардировки в Александрии мирных

кварталов. Ходят слухи и о том, что не то немцы, не то итальянцы выразили сожаление по поводу такого количества жертв мусульман. Каково количество убитых и раненых – наверное не известно, так как правительство считает эту цифру в полторы тысячи, народный голос же уверяет, что погибло до 5,000»¹⁰.

«Среда, 25.6.41. Самое огромное политическое событие, прошедшее с момента последней записи (19.6. – В.Б.), затмевает собой всё остальное и даже бомбардировки и все связанные с ними ужасы, которые мы переживаем в Александрии. 21-го июня 1941 года в 3 часа 30 минут утра Гитлер объявил войну СССР»¹¹.

Во вторник 5 августа Марков записал, что очень сильным бомбардировкам подверглись Порт-Саид и Исмаилия. Авиация держав «оси» бомбила также Каир и Даманхур¹².

Во вторник 16 сентября Марков записал в дневнике, что Каир впервые подвергся сильной бомбардировке. Сброшены 44 бомбы, попавшие в 14 мест. «Как мне сегодня говорил приехавший из Суэца египтянин, этот последний город представляет собой теперь груды развалин – настолько часто и сильно его бомбардируют немцы. Никто из служащих частных компаний ни за какие деньги туда не соглашается ехать на службу»¹³.

«1 мая 1942 г., пятница. В ночь с 28 апреля в 9,30 вечера Александрия подверглась сильной бомбардировке. Около 40 аппаратов вели около двух часов нападение. Бомбы кроме портовых сооружений, где были зажжены пожары и разбиты склады, попали кроме того на еврейский базар, квартал, именуемый “Харет эль-ягуди”, где бомбы разбили целую улицу арабских хат-развалишек, под развалинами которых впрочем не погибло, кажется, ни одного еврея, а исключительно арабы. В квартале Ком эль-Шугафы, который пострадал уже в последнюю бомбардировку, попаданием бомбы уничтожена арабская зенитная батарея, причём убито 8 человек солдат и офицер. Но самое главное – четыре бомбы почти рядом упали

в самый центр города, в районе площади Могамет Али. Одна бомба, упавшая в сквер, разбила и вынесла все двери и окна в большой гостинице “Мажестик”, отведённой под военный постой. Другая прямым попаданием уничтожила еврейскую синагогу рядом, третья также рядом попала на английский солдатский дом, совершенно его уничтожив, и наконец четвёртая в ряду влетела в помещение центральной почты, где, хотя и разорвавшись, ничего особенного не сотворила. Любопытнее всего, что англиканская церковь Св. Андрея осталась совершенно целой, если не считать разбитых стёкол, между двумя совершенно уничтоженными зданиями синагоги и солдатского дома, стены которых вплотную прилегали к стенам церкви. Это похоже поистине на чудо, как это и было принято народом, без различия вероисповеданий»¹⁴.

Воскресенье, 28.6.42. «Каждому ребёнку в Египте известно, что по крайней мере 15 из 16 миллионов египтян спят и видят, что немцы займут страну и прогонят англичан»¹⁵.

04.7: «В Египте события за последние дни приняли лихорадочный и трагичный одновременно с тем характер. Укрепления Мерса Матрух были взяты немцами с налёту, и восьмая армия, теряя позиции, отступила к последнему перед нильской долиной укреплению Эль-Аламейн, отстоящему от Александрии в 100 километрах. За это укрепление в настоящее время идёт решительный бой, долженствующий решить судьбу Египта, а быть может, и судьбу всего Ближнего Востока. Александрия переживает тревожные дни, население в ужасе от мысли, что город станет ареной военного столкновения, и настроено панически, особенно евреи и греки. Все коммерсанты и капиталисты, имеющие средства, бегут из города в Каир, Палестину и даже в Южную Америку; особенную панику создают евреи, которые ожидают для себя от войск акса верную гибель. Консула греческий и американский уехали, оставив за себя в консульствах секретарей. Все кабаре закрылись. Порт и многие военные части, госпитали и штабы также

эвакуированы. Все поезда переполнены бе-
гущими из Александрии. Это паническое
положение усугубляется тем, что каждую
ночь германская авиация бомбардирует
Александрию. Бомбы помимо военных объ-
ектов попали в последнее время в частные
дома на Мохарем-бей, в сад около памятни-
ка Нубару-паше и на Мазарит, т.е. в цен-
тральные части города. В порту египетское
судно портовой службы взорвалось, попав
на мину, причём погиб весь экипаж. На днях
офицеров-египтян торжественно хоронили
при большом стечении официальных лиц.

Хуже всего то, что ночные бомбарди-
ровки начинаются с разрывов бомб, и сире-
на тревоги начинает выть после того, как
пушки уже стреляли и бомбы рвутся, так
что весьма вероятно, что пропадёшь, не ус-
пев добежать до абри.

Вчера, 3-го, и раньше прибыли из Пале-
стины и Сирии части 9-й армии, которые
идут на помощь и выручку сильно потрё-
панной 8-й, которая билась на последних
подступах к Египту. По сегодняшним сведе-
ниям, свежие части остановили наступление
немцев на последнем рубеже. Однако поло-
жение, что говорится, висит на волоске. В
Каире правительство беспрестанно заседа-
ет и находится в постоянном контакте с коро-
лём и военным британским командованием,
на случай, если фронт будет прорван. В за-
крытом заседании парламента Наххас-паша
(премьер-министр. – В.Б.) сообщил сенато-
рам и депутатам о тех мерах, которые он
принял и принимает, чтобы не допустить
ужасов войны в городах и сёлах Египта.
Парламентёры высказались, что они удовле-
творены этими заявлениями, однако в чём
усилия Наххаса-паши выразились и какие
результаты он достиг, неизвестно»¹⁶.

«7-го июля 1942 г., понедельник. Бри-
танское командование успело двинуть
спешно на помощь 8-й армии части девятой
и десятой армий из Палестины, Сирии и да-
же, как говорят, из Ирана. Эти спешно подо-
шедшие части спасли положение под Эль-
Аламейном, где под натиском наступающих
немцев был ими сделан уже прорыв. Коли-
чественное пополнение, прибывающее те-

перь с часу на час на ливийский фронт, по-
видимому, огромно, так как не только Алек-
сандрия напоминает ныне военный лагерь,
но и, по словам приезжающих из Каира,
сплошной чередой войск заполнены все до-
роги от Суэца и Кантары до Александрии,
уж не говоря о Каире, который стал воен-
ным лагерем. Если все эти многочисленные
войска снабжены в достаточной мере танка-
ми и броневиками, то, несомненно, войска
Роммеля не только останутся, но и, веро-
ятно, отступят. Немецкие коммуникации
очень растянуты, и его пути связи слишком
подвержены нападению британской авиа-
ции, которая, по-видимому, в Египте преоб-
ладает численно над германской. Во всяком
случае, вот уже неделя, как бои происходят
у Эль-Аламейна, причём теперь атакуют
британские части, а не немцы. Да и вероят-
но, что немцы после долгих и непрерывных
боев и невероятно быстрого продвижения от
Тобрука к египетским границам измотались
физически в условиях страшной жары, кото-
рая царит в Ливийской пустыне в июле ме-
сяце.

С вторника на среду, когда положение
считалось критическим, город Александрия
принял никогда ещё не виданный мною
раньше аспект. Со всех стен, не говоря о
витринах, исчезли все афиши и буквы V, ко-
торыми были испещрены буквально все сте-
ны города, и конечно, больше всех об этом
старались те, которые когда-то так хлопота-
ли о всех этих символах британской победы,
т.е. евреи. Паника достигла своего апогея в
особенности потому, что из города исчезли
все военные и моряки, а ночью во время ко-
роткого налёта немецких аэропланов по ним
не стреляли даже пушки, что публика при-
няла за полную сдачу города на волю побе-
дителя. Банки и крупные предприятия выда-
ли своим служащим ликвидационные день-
ги за два, три и больше месяцев, консульст-
ва закрылись, порт замер, магазины распро-
давались, казино и кабаре закрылись и город
замер в ужасе в ожидании событий.

Теперь всё это переменялось, и город
принял прежний оживлённый вид, только
красочные пятна на стенах домов, где замаза-

ны лозунги и буквы V, говорят о недавнем прошлом. Однако огромное большинство людей, имеющих деньги, как говорится, смотало из Египта удочки, кто в Палестину, кто в Южную Африку, кто и ещё дальше, их возвращение вряд ли возможно, так как большинство из них не озаботилось получением обратных виз, а так как всё это почти поголовно иностранная для Египта публика, то возвратиться им назад теперь не так просто, да и вряд ли англо-египетские власти станут способствовать этому возвращению»¹⁷.

«Суббота, 11 июля 1942. Вчера утром начался решительный бой на позициях Эль-Аламейна, который надо полагать, так или иначе решит судьбу Египта. Живём здесь, в Александрии, как на передовых позициях, однако город, надо правду сказать, спокоен, несмотря на то, что населён отнюдь не боевой публикой. Авиационные налёты на Александрию происходят ежедневно, или, вернее, еженощно, однако налёты короткие и с результатами для мирного населения неопасными. Ввиду близости фронта вся организация пассивной обороны сильно нарушена. Ар кордоны (истребители. – В.Б.) разбежались, как пишут в газетах, аж до самой Палестины, что же касается сирен воздушной тревоги, то они сделались совсем беспомощными, так как слуховые аппараты не в состоянии из-за близости фронта поспеть и разобрать шум германского аппарата от английского, так что начинают выть уже после того, как сброшены бомбы и начинают стрелять пушки. По этому случаю губернатор Александрии объявил, чтобы население на сирены не надеялось, а пряталось бы в бомбоубежища при первых звуках пушечной стрельбы или разрывов»¹⁸.

Вторник, 03.8. «На днях были сильно бомбардированы окрестности Каира, Аббасия, где расположены казармы британских войск, и аэродром Гелиополиса. Очевидцы, приехавшие из Каира, в том числе русский поп¹⁹, рассказывают, что после бомбардировки, длившейся с 2 часов утра до 5, начались сильные пожары»²⁰.

«Среда (так в тексте. – В.Б.), 5-го августа 1942. Ко всему привыкают люди, даже к

военным сюрпризам в виде неожиданных взрывов бомб, налётам аэропланов и т.д. Привыкли и мы в Александрии к этого рода сюрпризам. Вокруг города и в самом городе часто совершенно неожиданно грохают страшные взрывы, от которых открываются сами собой двери и вылетают стёкла. Публика вскакивает и прислушивается, и если ничего подобного не повторяется, то все немедленно успокаиваются. Потом оказывается, что взорвалась у берега мина, прибитая волной, или бомба, брошенная раньше при налёте немцев, а теперь вдруг ни с того ни с сего грохнувшая на весь город. Сегодня, например, было два таких сюрприза. Часов около восьми или раньше, когда мы ещё спали, грохнул какой-то взрыв. Так как это случилось при свете дня и больше взрыв не повторился, то все мы перевернулись на другой бок и продолжали спать. Оказывается, произошло следующее: мальчишка арабчонок нашёл где-то в песке небольшую бомбу, которую принял за игрушку или мячик. Так как он шёл в булочную, то положил свою находку в сумку. В булочной, купив хлеб, он сунул его сверху бомбы, которая от этого, казалось бы, невинного действия взорвалась. Разнесло всю булочную, уложило на смерть мальчишку и булочника и тяжело ранило находившихся в булочной девочку и женщину.

В 6 с половиной часов вечера другой сюрприз. Жена читала, а я слушал радио. Вдруг весь дом вздрогнул от страшного удара, с треском открылись, зазвенев стеклами, двери. Выскочив на балкон (мы живём на 7 этаже), мы увидели огромный расходящийся вверх столб белого дыма и песка над аэродромом Мохарем-бея. Столб этот, поднявшийся на страшную высоту, показывал, что взрыв был большой силы, что показывал и воздушный толчок, отворивший у нас двери, несмотря на то, что аэродром от нас в трех километрах. Взорвалась крупная бомба, по-видимому, сброшенная немцами в один из ночных налетов и не замеченная в песке.

В Египте каждую ночь, пользуясь лунной, немцы бомбардируют аэродромы и во-

енные лагеря. Приехавшие из Каира рассказывают, что в Гелиополисе пострадали и дома, близко лежащие к аэродрому. Одна бомба лежала целый день на базарной улице. Её во избежание нагревания солнцем обложили льдом. Сильно пострадал аэродром Алмазы. Ночью из Александрии была слышна оттуда бомбардировка и канонада, а через час, когда немцы летели назад, была подана тревога воздушная в Александрии. Города пока что не трогают, если не считать припортовые кварталы»²¹.

Четверг, 29.10. «24 октября на египетском фронте британские войска начали наступление. По ночам у нас все стёкла звенели и вздрагивали от пушечного гула со стороны пустыни. Если принять во внимание, что Эль-Аламейн, где находится фронт, в 90 километрах от Александрии, то надо полагать, какова же там артиллерийская стрельба, если она ясно слышна на такое расстояние. Официальные сообщения британцев сообщают о прорыве фронта, но не называют никаких географических названий...»²²

Примечания

¹ За два дня до этого, 10 июня, Италия объявила войну Англии и Франции (Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 61).

² Сулейман, Махмуд Мухаммед. Аль-аганиб фи маср (Иностранцы в Египте). Каир, 1996. С. 63, 81.

³ Огненное небо. Александрийская эпопея. Дневник священника. 1940–1942 годы // *Алексий, епископ Пряшевский*. И мир, и безмятежие даруя... Вклад Православной церкви в дело мира. Пряшев (Чехословакия), 1950–1951. С. 97–152. Книга – библиографическая редкость, хранится в Синодальной библиотеке в Москве. Выдержки см.: *Беляков, Владимир*. Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945). М., 2010. С. 28–50.

⁴ Архив Дома русского зарубежья (ДРЗ). Ф. 64. Марков А.Л. Оп. 1. Ед. хр. 7. Дневник войны в Египте. 5.9.1937 – 25.10.1945.

⁵ Там же. Л. 74 об.

⁶ Там же. Л. 77 и об.

⁷ Там же. Л. 78.

⁸ Там же. Л. 87, 90 об.

⁹ Этот случай описывает и Алексей Дехтерёв: «Тут же я узнал, что Александра Николаевна Г., вчера вечером усердно молившаяся в церкви (она стояла впереди, и я видел, как она горячо, истово молилась), сейчас же после всенощной, вместо того чтобы вернуться к себе домой, внезапно уехала на ночь к своей двоюродной сестре в Саба-паша (её томило предчувствие чего-то недоброго, и она побоялась остаться одна дома). Во время же налёта её квартира оказалась совершенно разбитой, так что если бы она осталась дома, то безусловно была бы убита: тяжёлая дверь, сорвавшись с петель, легла на её кровать» (*Беляков, Владимир*. Эль-Аламейн... С. 43).

¹⁰ Архив ДРЗ. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 114 и об., 116.

¹¹ Там же. Л. 116 об.

¹² Там же. Л. 122 об.

¹³ Там же. Л. 126 об.

¹⁴ Там же. Л. 174 об., 176.

¹⁵ Там же. Л. 199. В это время фронт проходил у Эль-Аламейна, в 100 км к западу от Александрии.

¹⁶ Там же. Л. 201 и об.

¹⁷ Там же. Л. 202 и об.

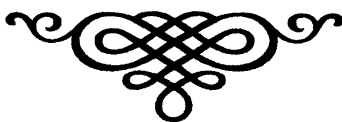
¹⁸ Там же. Л. 204.

¹⁹ Алексей Дехтерёв.

²⁰ Архив ДРЗ. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 210 об.

²¹ Там же. Л. 211 об., 212.

²² Там же. Л. 226 об.

Н.А. Жерлицына

СССР И ТУНИС: ТРУДНОСТИ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СОТРУДНИЧЕСТВА (1960-е годы)

Российско-тунисские, в том числе и советско-тунисские, отношения прошли длительный исторический путь развития. Прямые связи между двумя странами, установленные в последней четверти XVIII века, поддерживались и развивались вплоть до начала Первой мировой войны и Октябрьской революции в России. Затем они были надолго прерваны – с 1917 по 1956 г.

Новый этап в отношениях Советского Союза и Туниса начался в 1950-х годах. Провозглашение Туниса 20 марта 1956 г. независимым государством с удовлетворением было встречено в СССР. Уже через пять месяцев после обретения Тунисом независимости, 11 июля 1956 г., были установлены дипломатические отношения между СССР и Тунисской Республикой. В 1960 г. правительства обоих государств обменялись послами. Началось налаживание контактов по всем направлениям – политическому, экономическому и культурному.

Хотя сотрудничество развивалось довольно успешно, но на начальном этапе народы двух стран, лишённые опыта взаимного общения в предыдущие сорок лет, испытывали определённые трудности взаимного восприятия. Отсутствие межкультурного диалога осложнялось заметным воздействием политического фактора – атмосферой «холодной войны». На то, чтобы в СССР и Тунисе научились доверять друг другу, оценили и поняли своих партнеров, ушло более десяти лет: лишь к середине 1970-х гг. отношения двух стран приобрели стабильно поступательный характер. Основные трудности, которые пришлось преодолеть советской и тунисской сторонам, связаны, в первую очередь, с проблемами идеологии и религии.

Советско-тунисское сотрудничество лимитировалось идейными позициями совет-

ского и тунисского руководства, придерживавшихся различных социальных идеологий. В 1960 гг. СССР по-прежнему пытался изменить соотношение сил в мире в пользу социалистического выбора – «единственно правильного пути» и проводил политику поддержки молодых государств, таких как Тунис, имевших антиимпериалистический потенциал. Основные контуры тунисской политики в отношении СССР были намечены президентом Х. Бургибой в первые годы установления дипотношений. Внешняя политика Туниса при декларировании «нейтрализма» шла в фарватере политики западных держав, что не могло не раздражать советское правительство, а вслед за этим и пропагандистскую печать СССР.

В 1960-х гг. в тунисской печати материалы, посвящённые жизни в Советском Союзе, его внешней и внутренней политике, занимали довольно значительное место. Большая часть публикаций носила нейтральный информационный характер, но наряду с этим появлялись также статьи полемические, вызывавшие недовольство в Москве.

Внутренняя политика СССР находила сравнительно широкое освещение в печати Туниса, что показывало интерес тунисской общественности к жизни в СССР. К примеру, реакция в Тунисе на приход к власти Н.С. Хрущева и решения XX съезда КПСС была положительной. Газета «Аль-Амаль», освещая итоги работы XXII съезда КПСС, в 1962 г. в публикации, названной «Новый курс», как положительный момент отмечала, что на этом форуме была подтверждена резолюция, признававшая возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем и подчеркнута необходимость устранения возможности возникновения войны¹.

Стереотип об агрессивности коммунистической сверхдержавы, типичный для западной печати, легко разрушался при личных контактах русских и тунисцев. Так, первый посол Тунисской Республики в СССР А. Местири в интервью 1961 г. описывал, как он был поражён по приезде в Москву «огромным стремлением к миру и ненавистью к войне со стороны всех русских... На Западе слишком часто недооценивают эту основную истину: атомная война для русских лидеров – истинное бедствие. Они абсолютно не понимают в этом отношении позиции американцев, и французские атомные испытания в Сахаре подвергаются резкой критике во всех газетах»². Симпатию тунисцев вызывала и фигура советского лидера – «живой, охотно улыбающийся, подвижный, с живым блеском глаз. Человеческий контакт с ним очень лёгок, он хорошо говорит, быстро очаровывает и блестяще импровизирует», – так описывает первый посол Туниса Н.С. Хрущёва³.

Когда в начале 1960-х гг. в Тунисе начался недолгий социалистический эксперимент, советская пресса поначалу благожелательно освещала происходившие в тунисской экономике перемены, избегая, однако, использовать термин «социализм». Ведь его тунисская разновидность довольно сильно отличалась от канонической «марксистско-ленинской» формы. Скептицизм Советского Союза в отношении тунисского социализма с каждым годом только укреплялся, что вызывало раздражение во взаимных отношениях. Так, в марте 1966 г. посол Тунисской Республики в СССР Н. Бузири сетовал, что хотя в Тунисе за годы независимости сделано гораздо больше, чем в других странах – и по части деколонизации, и в области социалистических мероприятий, «однако нас ваша “Правда” никогда не перечисляет в числе стран: Мали, Гвинея, Гана, ОАР, Алжир, Танзания, – избравших некапиталистический путь развития»⁴. Тунисская сторона была недовольна тоном публикаций о своей стране в советской прессе. Посол Бузири в беседе в МИД СССР выразил своё несогласие с «необъективной оценкой роли Туниса»,

выраженной работником ЦК КПСС В. Румянцевым в публикациях журналов «Коммунист» и «Новое время»⁵. Несправедливой посчитали тунисцы предложенное автором в соответствии с советскими идеологическими теориями деление арабских стран на «передовые» и «консервативные». Тунис был отнесен к последним⁶.

В сентябре 1966 г. газета «Ля пресс» в статье «Новая политика планирования в СССР, направленная на преобразование экономики», писала: «...поскольку в центральных организациях КПСС имеется серьёзная оппозиция новой политике планирования, предложенной группой Косыгина – Брежнева, следует ожидать, что эта политика потерпит провал». Далее излагались основные положения экономической реформы, и авторы статьи намекали, что в СССР будто бы вводятся капиталистические формы хозяйствования. Газета утверждала, что советская печать сообщает лишь положительные результаты начального этапа осуществления реформы и всячески скрывает трудности и промахи. Таким образом, тунисская печать, по мнению советской стороны, перепевала домыслы западной прессы, появившиеся в период обсуждения в советской печати новой экономической реформы⁷.

Также негативную реакцию в Москве вызвала и публикация в газете «Ля пресс», которая, «подхватив антисоветскую кампанию, развернутую буржуазной печатью западных стран» во время судебного процесса над писателями-диссидентами А.Д. Синявским и Ю.М. Даниэлем, в номере от 28 декабря 1966 г. писала: «В то время как достижения СССР в различных областях науки находятся на высоком уровне, в области литературы дела обстоят иначе – она находится под жёстким контролем со стороны партии. Суровый процесс над Синявским и Даниэлем является драматическим эпизодом и показывает, насколько ограничена свобода творчества в СССР»⁸.

Принадлежность СССР и Туниса к различным лагерям «холодной войны» служила в первое десятилетие после установления отношений источником недоверия между

странами, особенно когда речь шла о внешней политике. В туниской прессе нередко были выпады против Советского Союза и его политики на Ближнем и Среднем Востоке. Местная печать неоднократно отмечала, что СССР ведет якобы двойную игру в этом районе, «заигрывает» одновременно и с Израилем, и с арабскими странами, указывала на «опасность коммунистического вмешательства» в палестинскую проблему. Во время визита А.Н. Косыгина во Францию в 1966 г. на первых полосах были напечатаны статьи под заголовком «СССР будет способствовать эмиграции евреев в Израиль», хотя в действительности А.Н. Косыгин говорил лишь о том, что правительство СССР не будет препятствовать их выезду, если они захотят выехать к своим родственникам⁹.

20 декабря 1966 г. газета «Ас-Сабах» напечатала статью, в которой утверждалось, что якобы Советский Союз осуществляет вмешательство не для того, чтобы помочь арабам, а для упрочения своей позиции и создания плацдарма в этом районе: «СССР хочет превратить этот район в плацдарм “холодной войны”. Основывая свою политику освобождения Палестины на союзе с коммунистическими странами, арабы лишь готовят себе могилу»¹⁰.

Тунисские авторы также обвиняли СССР в непоследовательности и двойных стандартах: заявляя о своей приверженности политике мирного сосуществования, Советский Союз продолжает вооружать такие страны, как Алжир, ОАР, Сомали, Кипр, Марокко. Особое беспокойство в Тунисе вызывали союзнические отношения между СССР и Египтом. Газета «Аксон» от 11 октября 1966 г. опубликовала как достоверное сообщение о заключении секретного военного союза между ОАР и СССР, по которому Египет «обязуется передать СССР часть территории на побережье Красного и Средиземного морей для строительства военно-воздушной и военно-морской баз, а также взлетно-посадочных полос для советской авиации». Затем, в конце октября, в газете «Аль-Амаль» была опубликована статья С. Эльтля, руководи-

теля «Арабского пресс-бюро» в ФРГ, о советско-египетском «тайном оборонном союзе». К статье прилагалась карта предполагаемого строительства советских баз. В ней также указывалось, что «за Асуан Египту придется заплатить своей независимостью, этот союз заменит английскую оккупацию». В Москве подобные публикации расценивались как «намеренное извращение миролюбивой внешней политики Советского Союза на Ближнем Востоке»¹¹.

Еще одним труднопреодолимым препятствием на пути к установлению взаимопонимания между двумя народами был атеизм коммунистической доктрины, порождавший неприятие мусульманского общества. Вопросы религии, советского атеизма и положения мусульман в атеистической стране разделяли наши общества и служили камнем преткновения вплоть до распада СССР. Особенно остро они проявились в первые годы становления отношений между Советским Союзом и Тунисской Республикой. Так, депутат Национального собрания Туниса А. Ризкаллах, посетив в 1963 г. СССР, в том числе и республики Средней Азии, опубликовал в туниской газете «Аль-Амаль» весьма резкий очерк, посвященный «русскому колониализму» в мусульманских регионах. Только силой, писал автор, подавлением и угнетением удалось большевикам сохранить под своим влиянием исламские районы. «С самого начала коммунистической революции советская власть вела борьбу с исламом, запретив печатание Корана и деятельность, предусматриваемую Кораном и Сунной, заменив шариат законом... Мусульманские районы находились в изоляции от остального мусульманского мира»¹².

Вопросы, связанные с положением мусульман в СССР, поднимались туниской стороной и во время официальных визитов. Например, в беседе председателя ГК по культурным связям с зарубежными странами Г. Жукова с членами делегации Ассоциации «Тунис – СССР» в октябре 1958 г. Рассказывая о своих впечатлениях о пребывании в Советском Союзе, член туниской делегации Эйяри сказал: «Мы посетили Моск-

ву, Ленинград, Сталинград и Баку. Однако нам бросилось в глаза, что уровень жизни в Баку, ее ритм, размах строительства ниже, чем в таких городах, как Ленинград и Сталинград. Чем объяснить тот факт, что русские города развиваются быстрее и живут богаче, чем города таких республик, как Азербайджан?»¹³. В отчетах советских дипломатов, работавших в те годы в Тунисе, можно найти и более радикальные высказывания тунисских деятелей, утверждавших, что в национальных республиках Советского Союза у власти якобы находятся только русские коммунисты, и сравнивавших присутствие русских в Средней Азии с пребыванием французов в Тунисе¹⁴. В более объективных публикациях тунисской прессы тех лет указывалось и на такие положительные стороны советской политики по отношению к мусульманским республикам, как отсутствие национальной дискриминации, равенство при приеме на работу, стимулирование мобильности населения национальных окраин при освоении пустынных земель и для работы в промышленных центрах, широкое распространение браков между людьми разных национальностей. «Там для всех найдется работа», – писали газеты Туниса, страны, в которой проблема безработицы всегда входила в число трудноразрешимых¹⁵.

Наиболее непримиримую позицию в отношении атеистической идеологии занимало тунисское духовенство. Во время поездки в Тунис в 1963 г. председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий З. Бабаханов дискутировал со своим тунисским коллегой, инспектором по духовному образованию К. Аттарзи, назвавшим коммунизм «опасной идеей». «Христианство, как бы ни распространялось, является религией, христиане тоже верят в бога. А вот коммунизм ничему не верит и распространяется более быстрым темпом, чем какая-либо религия. Самое главное, что мы должны делать, – заявил Аттарзи, – это стараться предотвратить распространение коммунизма, в особенности в исламские страны»¹⁶.

В плену стереотипов и преувеличений, впрочем, пребывали не только тунисцы. Вот типичный пример советской пропагандистской статьи из журнала «Новое время» (1962 г.) о том, как из СССР виделось положение женщин в Тунисе: «Как во всякой мусульманской стране, положение тунисской женщины всегда было очень тяжелым. Вначале рабыня в доме отца, а затем в доме мужа, она была лишена всяких прав. Она не могла сесть за один стол с отцом или участвовать в молитве вместе с мужчинами. Для выдачи замуж её согласия не требовалось, отец просто продавал её. Муж поселял свою жену в гарем – комнату без окон. Он мог иметь две, три и даже четыре жены. Для развода мужу достаточно было только заявить об этом, жена же права на развод не имела. Она не имела также никаких прав на своих детей: в случае развода дети оставались в семье мужа. Особенно пагубным для женщин был обычай скрывать свое лицо от посторонних мужчин. Муж не выпускал жену на улицу, даже в мечеть. При таких обстоятельствах женщины и думать не могли о какой-либо общественной или производственной деятельности. Чадра лишала женщину лица, характера, личности. Она парализовала половину населения страны!»¹⁷.

Преобладание стереотипов, и не всегда справедливых, во взаимном восприятии тунисцев и советских людей объяснялось крайне небольшим опытом взаимного общения. Узость идеологических рамок и закрытость советского общества препятствовали установлению личных контактов. Публикации прессы были в 1960-х гг. чуть ли не единственным средством для народов СССР и Туниса познакомиться друг с другом. Поэтому некоторые представления тунисцев о «русской жизни» выглядели довольно забавно. Вот как описывает жизнь в СССР в 1961 г. тунисский дипломат: «Вы хотите знать, дорога ли жизнь в Москве? Это трудно определить, пользуясь нашими нормами. Медикаменты почти даром: столь дорогие в Европе антибиотики стоят несколько копеек. Рабочий, который зарабатывает 800 рублей в месяц, распределяет их типично по-

русски: ему ничего не стоят медицинские услуги, обучение детей, отдых, ясли, даже некоторые развлечения. Но он готов дорого платить за водку, крабы, икру, меха и в целом за редкие хорошие товары, импортируемые из других социалистических стран»¹⁸. Поражали тунисских гостей и такие особенности советского общества, как отсутствие частной торговли, «вся торговля находится в руках государства, а продукты покупаются в “Гастрономах”»; и то, что «в Москве нет ночных кабачков, кабаре, дансингов. Развлечения русских более культурные: прекрасные концерты, классическая музыка, великолепные балеты Большого театра»¹⁹.

О интересе к СССР, существовавшем в те годы в Тунисе, свидетельствует советский журналист В.К. Катин, побывавший в молодой арабской республике в 1962 г.: «В Тунисе мне много раз приходилось наблюдать, какой большой интерес вызывает к себе наша страна. Афиши столичного театра извещали о спектаклях “Дядя Ваня” и “На дне”. Гастроли труппы Большого театра в январе 1962 года проходили в переполненном зале. В книжных киосках города Сфакса продавались свежие номера журнала “Советский Союз”, а у букиниста на острове Джерба я видел томики Горького и Шолохова. По радио транслировались передачи об освоении советскими людьми космоса, о жизни в среднеазиатских республиках, о Блоке...»²⁰.

В обретении доверия, взаимопонимания и установлении дружественных отношений между СССР и Тунисской Республикой особую роль сыграла бескорыстная помощь Советского Союза в сфере строительства, образования, здравоохранения и сотрудничество в области культуры. В 1960-х гг. начала действовать программа по обучению тунисцев в советских вузах, в столице республики был открыт Советский культурный центр, организованы курсы русского языка, регулярно проводились книжные выставки, демонстрировались советские кинофильмы. Во время официального визита в Тунис в мае 1975 г. председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина стороны выразили

удовлетворение состоянием двусторонних отношений, которые «развиваются на основе равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и отвечают коренным интересам народов обеих стран, служат делу упрочения мира во всем мире»²¹.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 563. Оп. 6. П. 5. Пор. 9. Л. 27.

² Там же. Оп. 5. П. 4. Д. 8. Л. 26.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Оп. 10. П. 10. Д. 6. Л. 7–9.

⁵ Там же. Оп. 14. П. 14. Д. 2. Л. 4–6.

⁶ Румянцев В. Арабский Восток на новом пути // Коммунист. 1969. №16. С. 101.

⁷ АВП РФ. Ф. 563. Оп. 11. П. 11. Д. 3. Л. 5–11.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Оп. 7. П. 7. Пор. 5. Л. 40–44.

¹³ Там же. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁴ Там же. Оп. 6. П. 5. Пор. 9. Л. 26–29.

¹⁵ Там же. Оп. 7. П. 7. Пор. 5. Л. 20.

¹⁶ Там же. Л. 19–31.

¹⁷ Бочкарев Ю. Тунис наших дней // Новое время. М., 1962. №11. С. 26.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 563. Оп. 5. П. 4. Д. 8. Л. 23–29.

¹⁹ Там же.

²⁰ Катин В.К. В Тунисе. М., 1963. С. 57.

²¹ СССР и страны Африки. 1975–1976 гг. Ч. 2. М., 1985. С. 53–57.

С.И. Марахонova

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЯПОНОВЕДА С.Г. ЕЛИСЕЕВА В ПАРИЖЕ (1957–1975)

В январе 1955 г. директор Института Гарвард-Яньцзинь и заведующий отделением дальневосточных языков Гарвардского университета Сергей Григорьевич Елисеев достиг 66 лет – возраста выхода в отставку в США. Но ввиду больших заслуг перед Гарвардом и хорошей физической формы ему было позволено задержаться на службе ещё на некоторое время. В августе 1956 г. С.Г. Елисеев передал пост директора Института Гарвард-Яньцзинь своему бывшему ученику Э.О. Рейшауэру, но остался преподавать в университете до конца академического года. Его контракт в Гарварде, согласно документам, заканчивался 30 июня (либо 31 октября) 1957 г.

В августе 1957 г. С.Г. Елисеев с супругой вернулись во Францию, от гражданства которой не отказались во время своего пребывания в США, и продолжали оставаться её гражданами до конца жизни. Когда С.Г. Елисеев уезжал из Франции на преподавательскую работу в Америку, ему было разрешено не подавать в отставку со своего постоянного места работы в Практической школе высших исследований. «Это устраивало всех, так как сохраняло мою кафедру неприкосновенною, сохраняло за мною право на пенсию и позволяло назначить вместо меня временного заместителя. Лекции были предложены Агеноэру¹», – писал Елисеев².

Сначала учёный был командирован в Гарвард с целью преподавания на шестимесячный срок, начиная с 1 ноября 1934 г. Позднее командировка была продлена на год, а потом она продлевалась каждые пять лет вплоть до 1956 г. и затем до 31 октября 1958 г. (по другому документу – до 30 сентября 1958 г.)³.

Все 23 года своего отсутствия во Франции Елисеев числился пребывающим в командировке в США для преподавания ordinарным профессором 5-й секции Практиче-

ской школы высших исследований при Сорбонне (без зарплаты и преподавания). В Практической школе Елисеев оставался профессором третьего класса с ноября 1932 г., с 1 января 1938 г. профессором второго класса, а с 1 января 1943 г. и далее – профессором первого класса⁴. Такое положение давало учёному возможность сохранить своё прежнее место работы и претендовать в дальнейшем на французскую пенсию. Ежегодно он делал отчисления в размере 6% от жалования в счёт будущей пенсии.

Однако получить прежнее место работы оказалось не так просто. Согласно документам Практической школы, Елисеев находился в командировке в США до осени 1958 г., хотя контракт его с Гарвардом заканчивался в 1957 г. Таким образом, почти полтора года ему было трудно претендовать на возвращение на прежнее место. Тем не менее Елисеев обратился в Министерство национального образования с просьбой разрешить ему возобновить чтение курсов в Практической школе уже в 1957–1958 учебном году.

В соответствии с французскими правилами вернувшийся из официальной командировки преподаватель в обязательном порядке должен был быть восстановлен в той же должности, которую он занимал до отъезда, при первой же вакансии. Елисеев в дальнейшем рассчитывал вернуться на своё место в 5-й секции Практической школы, однако оно продолжало оставаться занятым Ш. Агеноэром. Вот что писал президент 5-й секции, известный религиовед А.Ш. Пюэш (Puech), профессор Коллеж де Франс (Collège de France), министру национального образования, молодежи и спорта 23 декабря 1958 г.: «Господин Министр! В ответ на Ваше письмо от 5 декабря 1958 г. относительно восстановления г-на Елисеева и в подтверждение моего письма от 16 сентября 1957 г. имею честь сообщить следующее: Я

не представляю, как предусмотреть восстановление Елисеева, т.к. вакансии отсутствуют, а единственное место преподавания, которое можно было бы ему предложить – история религий Японии, давно уже занято Ш. Агенозом»⁵.

Из документов также явствует, что отношения С.Г. Елисеева с администрацией Практической школы и с коллегами были прохладными, и встречен он был довольно недружелюбно. Так, в своём письме министру национального образования от 14 мая 1953 г. президент 5-й секции оказывается не в состоянии предоставить об учёном самые простые сведения, необходимые министру: дату и место рождения С.Г. Елисеева и его адрес. И мотивирует он это тем, что не поддерживает ни малейших отношений с Елисеевым и не знает не только его нынешней ситуации в США, его дальнейших намерений, но и самого адреса. Он также пишет, что «коллеги сочли обстоятельства отъезда ученого из Практической школы неприятными»⁶.

Очевидно, по какой-то причине сам Елисеев не поддерживал контакты со своим прежним местом службы, и там ничего не знали о нём. В более раннем письме министру от 7 января 1952 г. Пюэш ещё более категоричен: «Елисеев уже давно не относится к персоналу нашей секции... Попытки его восстановления делаются вопреки консультациям с Бюро секции, которое полагает, что Елисеев не имеет к ней никакого отношения»⁷. Складывается впечатление, что дело тут не просто в реальном отсутствии вакансии, но и в нежелании принять Елисеева к себе. Такое отношение к учёному напоминало ту недоброжелательную атмосферу французского научного сообщества (за исключением профессиональных востоковедов, высоко ценивших своего коллегу), которая не хотела принимать русского эмигранта в начале 1920-х годов. В данном случае могла иметь место и зависть к более успешному учёному, прославившемуся в США. Один из японских знакомых Елисеева замечал, что французские японоведы по приезде Елисеева из США стеснялись с ним

общаться из-за его блестящего знания японского языка⁸.

С одним из документов, датируемых летом 1957 г., во время устройства Елисеева на работу в Практическую школу, произошёл казус. Сергей Григорьевич Елисеев значился в качестве профессора-совместителя в 6-й секции Практической школы и профессора Школы Лувра, хотя на самом деле эти должности занимал его младший сын Вадим Елисеев⁹.

Приказом министра национального образования с 1 октября 1957 г. Серж Елисеев был восстановлен в числе преподавателей Практической школы высших исследований, но прежнего статуса не получил. В документах от 7 мая и 8 сентября 1958 г. он значится как дополнительный преподаватель либо как ординарный профессор без жалования. Лишь с 1 января 1959 г. учёный вновь становится ординарным профессором первого класса. Об этом гласит приказ по Министерству национального образования от 25 апреля 1959 г.¹⁰ Всё же его не смогли устроить в 5-ю, религиозную, секцию Практической школы из-за отсутствия вакансии, и ему было предложено место в 6-й, которая специализировалась на истории современной Японии. Учёный ответил согласием.

Теперь один раз в неделю Елисеев читал лекции по истории Японии и зарабатывал 114000 франков. Один из последних учеников С. Елисеева, Поль Акамацу, в некрологе учителя писал, что его лекции и семинарские занятия были посвящены истории периода Токугава (1603–1868 гг.), которую он иллюстрировал и комментировал с помощью произведений Ихара Сайкаку¹¹ и Рютэй Танэхико¹². Кроме того, учёный рассматривал экономическую жизнь Японии в XV–XVI вв. на примере истории расположенного к югу от Осака города Сакаи, который сыграл большую роль во внешней торговле Японии как крупный порт. Он изучил также и последние годы могущества этого города, связанные с историей рудников в XVII–XIX вв., привлекая, с одной стороны, документы эпохи Эдо¹³, а с другой – используя рассказ Нацумэ Сосэки «Шахтёр»¹⁴.

О работе С.Г. Елисеева упоминает и его старый друг, живший в Японии русский японовед Орест Викторович Плетнер (1892–1970), в своём письме японоведу Николаю Иосифовичу Конраду (1891–1970) в Москву от 8 января 1959 г.: «Елисеев как будто возобновил свои две-три лекции в неделю»¹⁵.

В Практической школе высших исследований С.Г. Елисеев вышел на пенсию с 1 октября 1959 г.¹⁶, но ещё какое-то время продолжал работать. П. Акамацу писал, что Елисеев оставил работу в 1964 г. в связи с серьёзной болезнью «и после этого замкнулся в себе»¹⁷.

Возможно, что учёный вёл часы также на курсах в Школе живых восточных языков. В письме О.В. Плетнеру предположительно за 1968 или 1969 г. С.Г. Елисеев упоминал это учебное заведение вот в какой связи: «В большинстве университетов лекции начались в начале декабря. В *École des Langues Orientales* всё ещё не могут наладить курсов и занятия не начались...»¹⁸.

Печатался Елисеев уже мало. Существуют лишь две его небольших статьи – о формировании библиотеки Института Гарвард-Яньцзинь¹⁹ и его воспоминания о детстве, проведённом в купеческой семье в России²⁰. В двух других публикациях – о творчестве японского художника XIX в. Хиросигэ²¹ и о древней буддийской живописи²² – он был автором предисловия. Елисеев написал небольшую заметку о преподобном Антуане Мостэре и составил библиографию его работ²³. Однако существует одна работа, заслуживающая особого внимания. В 1961 г. тремя выпусками в серии «Общая история литератур» вышел в свет его обширный очерк «Японская литература»²⁴. Это довольно большая работа (около сотни страниц стандартного формата), итог занятий Елисеева японской литературой. В широком культурно-историческом контексте Сергей Григорьевич рассматривал становление и развитие литературы в Японии с VIII в. и заканчивая несколькими десятилетиями после 1945 г. Между этим трудом и первым очерком «Японская литература» на русском языке за 1920 г. пролегла вся жизнь учёного...

Имя выдающегося японоведа Сергея Елисеева было не просто хорошо известно в Японии. В некрологе С.Г. Елисеева американский учёный, скрывшийся за инициалами G.W.B. (очевидно, Glen W. Baxter – С.М.), отмечал, что благодаря тому, что С.Г. Елисеев был первым западным студентом и первым западным выпускником Токийского Императорского университета и ввиду его знакомства с такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Нацумэ Сосэки²⁵, Нагаи Кафу²⁶ и Уэда Маннэн²⁷, русский учёный стал в Японии (да и везде) своего рода легендой²⁸. Японцы относились к нему с большим уважением и почтением, и многие японские интеллигенты желали с ним познакомиться.

В 1972 г. с С.Г. Елисеевым беседовал японский журналист Курата Ясуо, позднее составивший его жизнеописание²⁹. Садатака Мурамацу был последним из японцев, кто видел С.Г. Елисеева. Это произошло в Париже в 1974 г.³⁰.

Здоровье С.Г. Елисеева, по словам О.В. Плетнера, долгое время было «завидным»³¹. Однако в начале 1960-х гг. он заболел и в 1962 г. (или 1964 г.) вынужден был отойти от дел. Вскоре он мог передвигаться только в инвалидной коляске. Тем не менее, даже в 75-летнем возрасте, Серж Елисеефф всё ещё живёт деятельной общественной жизнью, занимающей всё его время. В этой связи интерес представляет выдержка из письма Н.И. Конрада О.В. Плетнеру от 30 апреля 1964 г.: «Была у меня особая радость: получил, наконец, письмо от Сергея Григорьевича – в ответ на моё приветствие в связи с его 75-летием. Очень милое, дружеское письмо. Он пишет, что общественная жизнь у него настолько занимает его время, что ему часто просто не до писем. Судя по письму, он вполне здоров и живёт весьма деятельной жизнью. Давай ему Бог так и дальше»³².

Елисеев много читал научной литературы, в частности, работы своего советского коллеги Н.И. Конрада: «Прочёл Ваши статьи в Вашей книге “Запад и Восток”»³³. Читал много японских современных романов, которые приносил один из его учеников, вёл

дружескую переписку. 31 декабря 1967 г. он писал Н.И. Конраду: «По-прежнему много читаю. Вечерние часы посвящаю чтению романов, а днём читаю серьёзные книги по истории и по лингвистике»³⁴. Ученый охотно поддерживал контакты со своими японскими друзьями и коллегами: «Заходят французские друзья, навещают меня и японцы, когда они бывают проездом в Париже. Так, меня навестила Курода Тама, которую я знал ещё в 1911 г. в Токио, она теперь член Верхней Палаты. <...> Совсем недавно был у нас с визитом N. Asano, директор Музея Изящных Искусств в Токио. Я его знал студентом, он на 6 лет моложе меня. От них узнаю, что творится в Токио и об общих знакомых...»³⁵.

Н.И. Конрад, ссылаясь на видевших С.Г. Елисеева в Париже московских коллег, писал, что они «рассказывают о нём (Елисееве – С.М.) хорошее: при всём нелёгком физическом состоянии он бодр, оживлён, охотно встречается с людьми. Хорошо говорят и о его сыновьях...»³⁶.

В архивах и библиотеках разных городов и стран сохранились письма Елисеева к Н.И. Конраду, О.В. Плетнеру, вдове В.М. Алексеева Наталье Михайловне Алексеевой, на основании которых удаётся отчасти установить, как учёный жил последние 18 лет своей жизни. Здесь мы считаем нужным полностью привести письмо С.Г. Елисеева к Н.И. Конраду от 23 августа 1966 г., т.к. это единственное доступное нам письмо из переписки между учёными. Оно не было опубликовано³⁷. «Дорогой Николай Иосифович, спасибо большое за Вашу интересную книгу “Запад и Восток”, которую получил в апреле месяце, когда моё здоровье сильно пошатнулось. В мае я себя стал чувствовать ещё хуже и почти не мог ходить даже на костылях. В самом начале июня меня в полусознательном состоянии свезли в госпиталь, где врачи сразу же определили острый и серьёзный припадок уремии. Два переливания крови и пять переливаний физиологического раствора восстановили нарушенный метаболизм. Месяц пролежал в госпитале. В начале июля вернулся домой.

Медленно поправляюсь, но врачи запретили ходить, даже на костылях, и я в кресле на колесиках переезжаю из комнаты в комнату. Последние три недели стал много читать. С большим интересом и несомненной пользой прочёл Ваши статьи в Вашей книге – “Запад и Восток”.

Прочёл много японских современных романов – как изменилась японская молодёжь после 1945 года!

Вера Петровна чувствует себя сносно, занята хозяйством и уходом за больным мужем – она моя сестра милосердия и ночная сиделка.

Никита, которого Вы знали совсем маленьким в Сеуле, со всей своей семьёй, у него трое детей, два мальчика и одна девочка, уехал окончательно из Дамаска и в этом году будет жить в Париже и раз или два в неделю будет ездить в Лион, где он получил место доцента по арабской истории в государственном Университете.

Вадим сейчас в отъезде, был в Риме, потом полетел в Гон-Конг³⁸, откуда слетал в Улан-Батор с миссией музейного отдела ЮНЕСКО. В середине августа он был в Японии, а сейчас в Сан-Франциско, чтобы принять участие в съезде музейных деятелей-востоковедов. В середине сентября он должен вернуться в Париж. Вот все мои новости. А как Ваше здоровье, дорогой Николай Иосифович? Как поживает Наталья Исаевна? Сердечный привет Вам обоим от Веры Петровны и меня.

Крепко и дружески жму Вашу руку. Искренне Ваш Сергей Елисеев»³⁹.

Заслуживают особого внимания и два неопубликованных письма О.В. Плетнера Н.И. Конраду из Кобэ, где много рассказывается о жизни С.Г. Елисеева в Париже. «От Сергея Григорьевича я вот уже года два не получаю (писем. – С.М.). Полагаю, что он вернулся во Францию и водворился на свою квартиру: 75 Bd. Pereire, Paris (17), где я у него когда-то давно ночевал... Кажется, он приобрел эту квартиру. Ума не приложу, почему он замолк, т.к. до сих пор мы с ним вели довольно регулярную переписку, и он частенько присылал мне разные книжицы из

Франции и Америки. Когда он был в Японии (года три тому назад), мы виделись с ним довольно часто, и я даже два раза слышал его доклады (при случае напишу их оценку). Сергей Григорьевич в общем ещё очень бодрый (передают лишь, что за самое последнее время становится глуховат), но ведь ему уже за 70 лет, а Вере Петровне и того больше, но она чудесно сохранилась, только волосы с проседью (!), а глаза по-прежнему лучистые и устремлены восхищённо на супруга, который (*hoppi soit qui mal у pense*) (да устыдится тот, кто плохо об этом подумает. – С.М.) “всегда доволен сам собой”, конечно, начало этой строфы никакого отношения к чете Елисеевых не имеет, что явствует из сказанного мною о верной подруге Сергея Григорьевича. Впрочем, Сергею Григорьевичу есть с чего быть довольным самому собой: о нём можно сказать, что он “благолепно доживает свой век” (доживает даже как-то не вяжется с его “зелёным отрочеством”, как говорят французы). Сыновья его также восточники (один китаевед (искусство – керамика), другой арабист). Вадим и Никита уже составили себе кое-какое научное имя и отражённо Сергей Григорьевич стал “*le grand Elisseeff*”! Он выслужил пенсию в Харварде и \$-ы всегда годятся во Франции. Сына его Вадима, одно время бывшего заместителя Директора Франко-Японского института в Киото, я очень хорошо знаю, даже звал просто Вадимом по его же просьбе, он женат на очень милой даме, дочери видного французского учёного, состоит хранителем известного музея в Париже⁴⁰, живёт припеваючи на казённой квартире, но бездетен, но Никита подарил Сергею Григорьевичу и Вере Петровне внука... Так что Сергей Григорьевич у тихой пристани, и я очень рад за него...»⁴¹.

Вот второе письмо. «Недавно (после полугодового молчания) наконец-то на своё традиционное приветствие отцу и сыну Елисеевым (и, конечно, доброй Вере Петровне) получил довольно пространное письмо от père-Elisseeff (Елисеева-отца. – С.М.), в котором он винится в своём (необъяснённом) молчании и пишет мне “про дома сук”.

Оказывается, он вот уже два года, или почти два года, в Париже и теперь водворился в свою квартиру, адрес которой я Вам сообщил в предыдущем письме. Он будто бы возобновил свои две-три лекции в *École des Hautes Études* (Школа высших знаний. – С.М.) и избран членом-корреспондентом одной из академий. Здоровье у него завидное, не в пример нашему с Вами, но милая Вера Петровна (хотя она немного старше мужа) всё прихварывает... Я ему сообщаю о Вашем (неразборчиво) с ним (может быть, Вы ему уже написали?). Он меня спрашивает, читал ли я последний труд его французского коллеги *Hauguénauer* (Агеноэра. – С.М.) по японской лингвистике...»⁴².

Последние годы жизни С.Г. Елисеева, отягощённые болезнями и кончиной Веры Петровны (она умерла в доме на бульваре Перер 16 марта 1971 г.), были очень трагичны. После смерти супруги Сергей Григорьевич вёл жизнь затворника и умер в госпитале Бишар (*Bichar*) ранним воскресным утром 13 апреля 1975 г. в возрасте 86 лет. Сергей Григорьевич Елисеев, русский дворянин, французский гражданин, основатель американского японоведения, первый европеец – выпускник японского университета, упокоился на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа под Парижем возле супруги Веры Петровны. В 1997 г. с родителями был похоронен и старший сын Никита Сергеевич Елисеев.

Франция высоко оценила научные, педагогические и организаторские заслуги С.Г. Елисеева. Еще 12 февраля 1949 г. С.Г. Елисеев как гражданин Франции и востоковед мирового уровня был удостоен высшей награды государства – ордена Почётного легиона. К сожалению, во всех словарях и справочниках представлена ошибочная информация о том, что Елисеев был награждён орденом Почётного легиона в 1946 г. Мы получили информацию из Великой канцелярии кавалеров ордена Почётного легиона. С.Г. Елисеев стал кавалером этого ордена в номинации «Профессор факультета естественных и гуманитарных наук Гарвардского университета (США)». Помимо орде-

на Почётного легиона учёный был награждён французским орденом Академических пальм. С.Г. Елисеев также был избран почётным членом Французской школы дальневосточных исследований.

С.Г. Елисеев был удостоен и наград Японии. За распространение знаний о Японии в других странах мира, за основание научного японоведения в 1968 г. Елисеев стал одним из немногочисленных иностранных кавалеров ордена Священного сокровища 2-й степени. Одновременно с С.Г. Елисеевым этой награды были удостоены выдающийся советский японист Н.И. Конрад и русский японист из Японии О.В. Плетнер. Конрад написал Плетнеру 8 апреля 1969 г.: «...удивительна идея судьбы, приведшая к ордену всех нас троих, третий это – С[ергей] Г[ригорьевич] Елисеев»⁴³. Вот что сам С.Г. Елисеев писал о получении этого ордена О.В. Плетнеру 4 апреля 1969 г. «Позавчера был приём в японском посольстве. Я, к сожалению, из-за моей болезни (сох arthrose) не мог присутствовать, и орден “Священного сокровища” был передан Вадиму. Никита, который приехал из Лиона на пасхальные каникулы, присутствовал там и сказал мне, что посол Мацуи, передавая орден Вадиму, сказал очень приветливое слово. Орден 2-й степени, это уже звезда, которую носят сбоку в торжественных случаях. Я никак не ожидал такой высокой монаршей милости...»⁴⁴.

Немного позднее, в 1973 г., С.Г. Елисеев был удостоен первой награды Японского фонда (Nihon Kikin) в категории «Иностранные граждане, содействовавшие распространению знаний о Японии и японской культуре среди своих народов».

Примечания

¹ Первоначально Ш. Агеноэр должен был замещать С.Г. Елисеева до 31 мая 1936 г. Национальный архив Франции. F17/27834. Агеноэр Шарль (1896–1976) – ведущий французский японист, лингвист и этнолог. Ряд его работ посвящён Корее.

² Письмо С.Г.Елисеева В.М. Алексеёву от 3 марта 1936 г. Цит. по: Дьяконова Е.М. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексеёву. 1933–1936 // С.Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Вьетнам). М., 2000. С. 179–180.

³ Национальный архив Франции. F 17/27834.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Мацубара Сюнуи. Беседа с Елисеевым // Kangeijutsu. 1977 № 1. С. 142.

⁹ Национальный архив Франции. F 17/27834.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ихара Сайкаку (настоящее имя Хираяма Того) (1642–1693) – японский писатель, поэт, драматург, прославленный мастер городской литературы XVII в. Основатель жанра японской прозы укиё-дзоси – «рассказы о суетной жизни». По своему содержанию укиё-дзоси означает рассказы о современных нравах и обычаях горожан.

¹² Рютэй Танэхико (1783–1842) (настоящее имя Такая Томохиса) – японский писатель. По происхождению самурай. Писал в разных жанрах. Переделывал драмы театра Кабуки в романы.

¹³ То же, что период Токугава.

¹⁴ Akamatsu P. Nécrologie. Serge Éliséeff (1889–1975) // Journal asiatique. T. CCLXIII, 1975. P. 209.

¹⁵ Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 7.

¹⁶ Национальный архив Франции. F 17/27834.

¹⁷ Akamatsu P. Op. cit. P. 209.

¹⁸ Цит. по: Ермакова Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М., 2005.

Речь идет о студенческих беспорядках в Париже, начавшихся в мае 1968 г. Согласно воспоминаниям Мацубара Сюнуи, Елисеев писал ему в это время в письме, что обрадовался этой «революции» // Мацубара Сюнуи. Указ.соч. С. 143.

¹⁹ Éliséeff S. The Chinese-Japanese Library of the Harvard-Yenching Institute at Harvard University // Harvard Library Bulletin X/1, 1956. P. 73-93.

²⁰ Éliséeff S. The Orthodox Church and the Russian Merchant Class. Some Personal Recollections // The Harvard Theological Review. Vol. XLIX/4. October, 1956. P. 185–205.

²¹ Hiroshige. Tokaido. Introduction et commentaries de Serge Éliséeff. Paris: Éditions du Crédit Lyonnais, 1960.

²² Japon. Peintures anciennes de l'art bouddhique. Préface: S. Éliséeff. Introduction: Takaaki Matsushita. Paris – New York, 1959 (Collection UNESCO de l'Art mondial. N 11).

²³ *Éliséeff S.* The Reverend Antoine Mostaert, C.I.C.M. (suivi de "Bibliography of the Publications of the Reverend Mostaert, C.I.C.V.") // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 19, June 1956, 1–2. P. V–XIV. Мостэр Антуан (1881–1971) – выдающийся бельгийский и американский филолог, один из крупнейших монголоведов, миссионер. Работал во Внутренней Монголии и в Пекине, где собирал монгольский фольклор и переводил с китайского на монгольский католические тексты. Печатался в «*Harvard Journal of Asiatic Studies*» у Елисеева. Издал ряд книг по языку и фольклору Внутренней Монголии.

²⁴ *Éliséeff S.* Littérature japonaise // *Histoire générale des littératures*. Quillet, 1961. Vol. I. P. 477–494 et 816–836; vol. II. P. 545–560; vol. III. P. 667–682 et 833–836, ill.

²⁵ Нацумэ Сосэки (настоящее имя Нацумэ Кинносукэ) (1867–1916) – крупнейший японский писатель, один из основоположников современной японской литературы. В Японии считается величайшим писателем в современной японской истории, оказавшим заметное влияние практически на всех последующих авторов. Окончил Токийский императорский университет по специальности английская литература и три года совершенствовался в Великобритании. Был профессором английской литературы в Токийском императорском университете.

²⁶ Нагаи Кафу (настоящее имя Нагаи Сокити) (1879–1959) – японский писатель, драматург и мемуарист. Представитель так называемой школы эстетов в японской литературе. Член Японской академии искусств. Учился на отделении китайского языка школы иностранных языков в Токио, но не окончил её. Начал печатать первые короткие рассказы в 1900 г., работал репортёром. Несколько лет учился и работал в США, посетил Францию и Великобританию.

²⁷ Уэда Маннэн – крупнейший японский филолог, составитель Большого иероглифического словаря 1937 года. Преподавал в Токийском императорском университете.

²⁸ *G.W.B. Serge Elisséeff* (1889–1975) // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 35, 1975. P. 13.

²⁹ *Kurata Yasuo.* Eriseefu no shougai nihongakuno shiso. Жизнь С. Елисеева. Токио, 1997; *Kurata Yasuo.* Natsume soseki to Japanology densetsu. Нацумэ Сосэки и легенда японоведения. Токио, 2007.

³⁰ *Садатака Мурамацу.* Воспоминания // Гакуэн. Токио, 1964. С. 37–39.

³¹ Письмо О.В. Плетнера Н.И. Конраду от 8 января 1959 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 7.

³² Цит по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 250.

³³ Письмо С.Г. Елисеева Н.И. Конраду от 23 августа 1966 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 304.

³⁴ Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 255.

³⁵ Письмо С.Г. Елисеева О.В. Плетнеру от 28 ноября 1966 г. Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 253.

³⁶ Письмо Н.И. Конрада О.В. Плетнеру от 4 февраля 1968 г. Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 257.

³⁷ Все неопубликованные письма приводятся в современной орфографии и пунктуации.

³⁸ Правильно Гонконг.

³⁹ Письмо С.Г. Елисеева Н.И. Конраду от 23 августа 1966 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 304.

⁴⁰ Музей китайского и японского искусства Чернуски.

⁴¹ Письмо О.В. Плетнера Н.И. Конраду от июня (число отсутствует. – С.М.) 1958 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 3.

⁴² Письмо О.В. Плетнера Н.И. Конраду от 8 января 1959 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 7.

⁴³ Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 262.

⁴⁴ Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 261.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ДРУГА

Умер Михаил Викторович Горелик... Михаил... Миша... Мишенька...

Он сам всегда называл всех именами ласкательными: Сашенька, Лёшенька, Наташенька, Галочка...

До самых зрелых лет сохранил он в себе нечто юношеское и даже детское: восторженность, энтузиазм, доверчивость, надежду...

Миша умел дружить, любил женщин, обожал застолья, был радушным и хлебосольным хозяином. Жил полной жизнью и ненавидел врачей.

Миша был счастливым человеком. С самого детства он знал, чем будет заниматься всю жизнь. И всю жизнь занимался любимым делом. Этой любовью с детских лет были средневековое холодное оружие, боевые доспехи и традиционный костюм. К счастью для Миши, у него был великолепный природный дар: он замечательно рисовал. Любовь к оружию, доспехам и средневековому костюму в сочетании с талантом художника дали феноменальный результат: Миша стал не только уникальным и непревзойдённым специалистом-исследователем. Очень многие российские читатели видели вооружение и одежду древних шумеров, аккадцев, ассирийцев, средневековых тюрок, хазар, монголов, руссов глазами Горелика, так как именно с его иллюстрациями выходили многотомные истории и монографии. Но до этого были долгий путь и напряжённая работа.

В 14 лет Миша стал заниматься в археологическом кружке при Государственном историческом музее и сразу же встретил своего первого учителя – Эмму Григорьевну Аствацатурян, специалиста по кавказскому оружию, которая стала его другом на всю жизнь. В 15 лет первый раз поехал в археологическую экспедицию. Впоследствии раскопки стали обычным делом: его интересовали древние городища и, особенно, курганы кочевников. В течение 15 полевых сезонов он принимал участие в экспедициях в Подмосковье, Нижнем Поднепровье, Крыму, Хакасии и Таджикистане. Свою тягу к рисованию Миша реализовал в художественной школе, которую окончил в 1964 г., получив специальность «художник-оформитель». Этот год стал для него знаменательным – Миша стал работать консультантом Андрея Тарковского, снимавшего картину, которая тогда называлась «Страсти по Андрею», а всем нам известна как «Андрей Рублёв». Впоследствии он консультировал съёмки более 20 фильмов, за что получил несколько почётных премий. В том же 1964 году Миша поступил на отделение истории и теории искусства исторического факультета Московского государственного университета. Дипломную работу он посвятил творчеству Бехзада – крупнейшего художника-миниатюриста гератской школы второй половины XV – первой половины XVI в. Затем Миша был принят в аспирантуру, где в 1973 г. защитил диссертацию на тему «Месопотамские школы миниатюры второй половины XII — первой половины XIII вв.» и получил учёную степень кандидата искусствоведения. Кстати, работа осталась неопубликованной.

В том же году Горелик начал работать в отделе Древнего Востока Института востоковедения Академии наук, возглавляемом академиком М.А. Коростовцевым, и сразу же погрузился в атмосферу научных дискуссий, поисков и открытий.

Наряду с чисто академическими занятиями Миша уже в 1975 г. начал печатать в журнале «Вокруг света» серию иллюстрированных научно-популярных статей по истории оружия. Расходящиеся широким тиражом эмоциональные тексты, снабжённые красочными рисунками, сразу же сделали имя Горелика популярным среди любителей военной истории, жаждавших подобной информации. Многие из них, люди старшего поколения, как свидетельствует интернет, до сих пор хранят у себя подборку журналов «Вокруг света» за 1975–1977 гг. с Мишиными статьями.

В 1979 г. в стране шла подготовка к 300-летию юбилею Куликовской битвы, и было принято решение открыть музей на поле сражения. Однако археологических находок на этом поле почти не было. Тогда Миша предложил сделать муляжи-реконструкции татарских и русских комплектов вооружения XIV в. Изготовленные Гореликом и его помощниками экспонаты стали сенсацией юбилейной выставки, открывшейся 9 августа 1980 г. Научным результатом этого направления деятельности М.В. Горелика стала капитальная статья «Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в.», опубликованная в 1983 г. в сборнике материалов юбилейной научной конференции «Куликовская битва в истории нашей страны».

Перестройку Миша воспринял с воодушевлением и надеждой. Открывались новые возможности. В 1991 г. он основал и возглавил фирму «Яррист», в которой создавались муляжи-реконструкции для крупнейших музеев Москвы, Ярославля, Ставрополя, для музеев ближнего зарубежья – в Киеве, Алма-Ате и Аркалыке, и даже для лондонского Тауэра и Королевского Арсенала (Royal Armouries) в городе Лидс. Среди отечественных реконструкторов-оружейников он получил кличку «дядя Миша». Его знала не только вся «оружейная» Москва, но и вся реконструкторская Россия. В мастерской фирмы «Яррист» изготавливались оружие, костюмы, конское снаряжение и прочие аксессуары для фильмов «Ричард Львиное Сердце», «Королева Марго». За фильм «Ермак» Горелик получил в 1996 г. высшую российскую кинопремию «Ника».

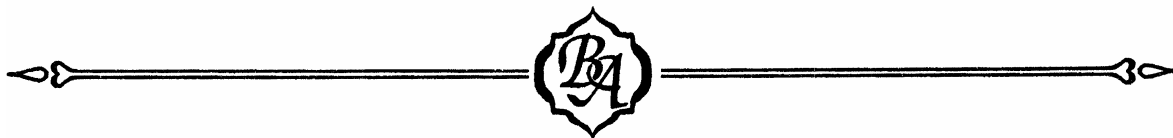
Вся эта кипучая практическая деятельность Миши не препятствовала его научной работе. В 1993 г. в издательстве «Наука» опубликована его монография «Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV век до н.э.», сразу же ставшая бестселлером (второе, дополненное, издание вышло в 2003 г.). В 2002 г. появилась его новая монография «Армии монголо-татар X–XIV вв.», приковавшая внимание не только академического мира, но и реконструкторов-практиков. Перечисление всех его опубликованных статей и выступлений на конференциях, до которых он был большой охотник, заняло бы десятки страниц. А как много осталось неопубликованного...

Со смертью Миши умерла целая эпоха, во всяком случае – в истории российского оружейоведения. Он был одним из его основателей. Это эпоха надежд, сомнений, страстных споров и нечаянных открытий. С Мишей не все соглашались, его идеи не всеми принимались «на ура!». Но он был страстный и убедительный. Он умел отстаивать собственные позиции. С его мнением считались, его уважали и ценили не только за глубокие знания и блестящее воплощение его исследовательских проектов, но и за человеческие качества: «Дядя Миша».

Миша был добрым, доброжелательным, честным и свободным человеком. Я буду всегда помнить его уютно расположившимся в его маленькой заваленной книгами и экспонатами квартире или сидящим в кожаном кресле сталинской эпохи в отделе истории ИВ РАН и рассказывающим самые невероятные вещи, известные, казалось, только ему одному.

Именно таким запомнили тебя, Миша, твои близкие друзья, и ещё долго будут рассказывать о тебе тем, кто захочет их слышать.

А.Л. Рябинин

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru, сайт www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: vgulnara@mail.ru

ВАХ Кирилл Алексеевич – генеральный директор издательства «Индрик» (Москва). E-mail: k_vach@mail.ru

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск). E-mail: dazishen@mail.ru

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: jerlitsina2008@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

ЛАПИН Павел Андреевич – сотрудник Министерства иностранных дел РФ. E-mail: waijiao2000@mail.ru

ЛИСИЦЫНА Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. E-mail: lisitsyna2n@mail.ru

ЛОКШИН Александр Ефимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ale-lokshin@yandex.ru

МАРАХОНОВА Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: simarakh@yahoo.com

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского филиала НИУ Высшая школа экономики. E-mail: ropot@mail.ru

ХОХЛОВ Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarhive@yandex.ru

ШАПОВАЛОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Омского института водного транспорта. E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

ЯН ЧЖЭН – кандидат филологических наук, старший преподаватель Нанкинского университета (КНР). E-mail: zyang@mail.ru